

Дата выхода: 30.06.2022 г.

Студенческий электронный журнал «СТРИЖ»

№ 3(44) 2022

Учредитель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство Эл № ФС77- 60273
от 19 декабря 2014 года

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Коробченко Т.С. – главный редактор
Караваева А.С. – редактор
Спиридонова О.И. – дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы отечественной истории

АЗАМАТОВ А.Л. Причиненный ущерб медицинским учреждениям в период Великой Отечественной войны (по материалам Сталинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников)	5
БАБЕНКО С.П. Выдающиеся женщины в топонимической системе города Волгограда	8
БАБЕНКО С.П. Проблема семантических расшифровок в изучении петроглифов Карелии, Прионежья и Беломорья	14
БАГЛАЙ С.В. Роль 5-й ударной армии под командованием генерала М.М. Попова в период Котельниковской операции 1942 г.	17
БЕЖЕНЦЕВА А.Р. Реализация государственной политики в социокультурной сфере в сер. 1960-х – сер. 1970-х гг. (на примере Домов культуры г. Волгограда)	21
ВАЛУЕВА А.А. На фронте и в тылу: участие женщин в Сталинградской битве	26
ГРЕКОВА Е.С. Внешняя торговля как важнейший компонент экономики Древней Руси	31
ДЕМИДОВА А.В., КИРИЛЛОВ Д.А. Феномен «двоеверия» в советской историографии	35
ЖИРНОВА А.В. Высшее педагогическое образование в СССР в конце 1950-х – 1970-е гг.	41
ЗАЙЦЕВ Е.Д. Вопрос о Константинополе и проливах в период Первой мировой войны (по мемуарам Раймонда Пуанкаре)	45
КАЗЕЕВА М.А. Особенности изучения фотодокументов по истории России второй половины XIX в.	49
КАКИЧЕВА Д.В. Роль комсомола в деятельности вузов в послевоенные годы (на примере Сталинградского государственного педагогического института)	53
КИРИЛЛОВ Д.А. Взгляд на Октябрьскую революцию в юбилейные годы конца XX–XXI вв.	57
КНЫШ А.Р. Роль пропаганды в формировании образа новой женщины в 1920–1930-е годы в России	62
КНЫШ А.Р. Женская благотворительность в России в 20-е гг. XX в.	68

КРИВЧЕНКО Е.В. К проблеме становления «красного» календаря на начальном этапе становления советской власти	72
КУЛАЧКИНА Е.В. Проблемы организации и проведения археологических исследований Сталинградской археологической экспедиции на территории будущего Сталинградского водохранилища	75
ЛОЗИН Д.И. К вопросу о проблеме эвакуации сталинградских предприятий в период Великой Отечественной войны	79
МАСЛОВА А.В. Фронтовой путь 17-й стрелковой дивизии	85
МЕЛИХОВА Е.В. К.К. Рокоссовский – полководец Великой Отечественной войны	90
МОЛЧАНОВ Т.В. Реформаторство П.А. Столыпина в оценках современников	93
НАГИЕВА А.Х. Протекционизм в политике С.Ю. Витте на посту министра финансов	99
ПЕРМИНОВ К.А. Города-побратимы Волгограда в топонимической системе города	103
САХАРОВА Е.В. «Домострой»: источниковедческий аспект	107
СЕЛИВАНОВА В.Ю. Легитимность правления женщин-регентов: Е. Глинская и С. Романова	111
СЕРЁЖНИКОВ А.А. Осмысление личностей С.К. Минина и Я.З. Ермана в советском искусстве и культурном наследии Волгоградской области	115
ТИХОМИРОВА М.М. Учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг.: историография вопроса	119
ТИХОМИРОВА М.М. Поволжские немцы в поисках древностей (1920-е гг.)	123
ТОМОВ А.С. Общественная деятельность А.И. Гучкова в период 1893–1915 гг.	126
ТРЕТЬЯК Д.В. Становление системы социальной защиты военнослужащих в первые годы советской власти	130
ФЕДЮЩЕНКО Д.А. Злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их сателлитов на территории города Сталинграда и области (июнь 1942 – февраль 1943 гг.): историография вопроса	134
ФЕДЯНИНА Т.П. Особенности русского шатрового стиля (на примере Церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове)	138
ФИСЕНКО П.И. Салон великой княжны Екатерины Павловны в Твери и его роль в сохранении консервативных настроений в русском обществе в первой половине XIX в.	143
ФОМЕНКО С.А. Формирование состава Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви 1917–1918 годов	148

ФОМЕНКО С.А. Поместный Собор 1917–1918 годов как уникальное явление в истории России и Русской Православной Церкви	151
ФРОЛОВА Ю.О. Почтовые открытые письма как визуальный источник по социокультурной истории Сталинграда/Волгограда	154
ХРИЩАТЫЙ В.С. Деятельность Сталинградской партийной организации в условиях военного времени (22.06.1941 – 02.02.1943 гг.)	161
ЦЫБУЛИНА В.М. Региональная историография депортации калмыцкого народа: к постановке проблемы	166
ЧЕРКАСОВА С.В. Становление почтовой службы в Царицыне	169
ЧУМАРИНА С.Э. Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в развитие золотоордынской археологии	174
ШАТАЛОВА И.К. Высшее образование в современной России: поиск пути развития в условиях вызовов времени	178
ШАТАЛОВА И.К. Что сделала III Государственная Дума для народного образования?	183
ШМИДТ Е.И. Проблема изучения депортации немцев Поволжья в отечественной историографии	186

Актуальные проблемы отечественной истории

УДК 93/93

А.Л. АЗАМАТОВ

(rinrap161091@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРИЧИНЕННЫЙ УЩЕРБ МЕДИЦИНСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам Сталинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников)*

Представлен анализ сводных ведомостей и актов Сталинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в области здравоохранения, составленных в 1943–1944 годах. Выявлены последствия причинённого ущерба медицинским организациям.

Ключевые слова: Сталинградская область, материальный ущерб, учреждения здравоохранения, Великая Отечественная война, Сталинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в области здравоохранения.

Социальная политика государства основывается, в первую очередь, на поддержании благоприятного состояния населения. Важную роль в данном вопросе играет стабилизация системы здравоохранения, т. к. её деятельность оказывает влияние на экономическое развитие, экологическую обстановку, физическое здоровье населения и пр. Наиболее острым образом проведение социальной политики происходит в периоды глубочайших общественных кризисов, особенно, в условиях мировых военных конфликтов. Исследование проблем и противоречий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. десятилетиями является одним из ключевых объектов в отечественной истории. В силу того, что военным действиям уделялось наибольшее количество внимания, всё более актуальным является обращение к последствиям конфликта и восстановительному периоду СССР, т. е. переход от боевых действий к мирному существованию в послевоенную эпоху.

В ходе одного из ключевых сражений Великой Отечественной войны – Сталинградской битвы, нападению немецко-фашистских захватчиков подверглось около половины территории Сталинградской области и административный центр – Сталинград. Под ударом оказались мирные жители, которые не смогли эвакуироваться и инфраструктура населённых пунктов, в том числе, учреждения здравоохранения. Медицинские организации понесли значительные убытки по итогам военных действий на территории Сталинградской области. Вопросы о масштабах разрушения и ущербе военных действий в ходе Сталинградской битвы на сегодняшний день остаются одними из дискуссионных.

Образованная в 1943 г. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в актах об ущербе и убытках, причинённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками территориальным единицам Сталинградской области, документально закрепила материальные убытки местных медицинских учреждений.

В период Великой Отечественной войны в составе Сталинградской области находилось 77 районов, а также 6 районов г. Сталинграда. Помимо самого административного центра и его частей, в центре боевых действий оказались Ворошиловский, Городищенский, Иловлинский, Кагановичский, Калачевский, Клетский, Котельниковский, Ленинский, Нижне-Чирский, Перелазовский, Серафимовичский, Сиротинский, Тормосиновский, Урюпинский, Чернышковский районы.

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

В числе разрушенных медицинских учреждений находились больницы, поликлиники, амбулатории, родильные дома и небольшие медицинские пункты. Из них полностью уничтожено 90 учреждений (258981 куб.м.), а также частично повреждено 77 организаций (44266 куб.м.). Общая стоимость причиненного ущерба составляет 39 272 800 (Тридцать девять миллионов двести семьдесят две тысячи восемьсот рублей) [1, Л. 47–52].

Принятые акты об ущербе и убытках, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в районах Сталинградской области, зафиксировали высокий уровень причиненного вреда учреждениям здравоохранения. Ситуация в административно-территориальных единицах сложилась следующим образом:

В Тормосиновском районе вместе с комплектующей утварью и необходимыми сопутствующими вещами полностью уничтожен Родильный дом Алёшкинского сельсовета, зданию амбулатории Верхне-Аксеновского сельсовета требуется капитальный ремонт [2, Л. 165–166], а также разрушено здание медицинского пункта Нижнегнатовского сельсовета;

В Городищенском районе полностью разрушен Родильный дом колхоза им. Тельмана Ерзовского сельсовета с общей стоимостью причиненного ущерба в 65741 руб. [3, Л. 25–27];

В Клетском районе частично уничтожен Свечниковский медицинский пункт, где расхищены некоторые предметы утвари и соответствующий инвентарь [4, Л. 47];

В результате воздушных бомбардировок Ленинского района помещение амбулатории пришло в негодность: разбиты стекла в окнах и поломаны рамы, сорваны двери, испорчены полы, разрушены надворные постройки: конюшня, сарай, заборы, ворота. Разрушена амбулаторная мебель и различного рода инвентарь [5, Л. 32];

В Перелазовском районе разрушено, уничтожено, расхищено имущество амбулатории [6, Л. 17–19];

Враженской авиацией разрушен ряд лечебных учреждений Сиротинского района станицы Григорьевская, где в конечном итоге частично разрушено здание больницы, а также полностью уничтожены 4 амбулатории и 5 фельдшерско-акушерских пунктов [7, Л. 12–14];

Разрушения госпиталя, поликлиники, вендиспансера, инфекционного отделения больницы произошли в результате бомбардировки города Урюпинска. Акт также указывает на жертвы в составе 3-х человек среди обслуживающего персонала госпиталя [5, Л. 42];

В составе разрушенного имущества Чернышковской районной больницы оказались хозяйственный инвентарь, хирургический инструментарий и медицинское оборудование, а также скот [4, Л. 45].

С августа 1942 по февраль 1943 годов военные действия между Красной армией и армией Вермахта охватили Сталинград. Ожесточенные бои прошли в районах регионального центра, где располагался ряд учреждений здравоохранения. В ходе составления актов ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками, Сталинградская областная комиссия подвела ряд сводных итогов, согласно которым:

Полностью разрушены 5 сооружений больниц и амбулаторий (вместе с оборудованием) Кировского района. Итоговая сумма нанесенного ущерба составила 700,4 тыс. руб. [8, Л. 106, 107];

Частично разрушены 3 сооружения больниц и амбулаторий (вместе с оборудованием) Тракторозаводского района. Итоговая сумма нанесенного ущерба составила 3366,0 тыс. руб. [Там же, Л. 98–99]. Также пришли в негодность детские учреждения, детбольницы, роддома, дет. ясли (с № 1 по № 10), детконсультации, молочные кухни, пищевая станция [9, Л. 1, 2].

Полностью разрушены 2 сооружения больницы и амбулатории (включая оборудование) Дзержинского района. Итоговая сумма нанесенного ущерба составила 6118 руб. [8, Л. 108].

Полностью разрушены около 17 сооружений (больниц и амбулаторий) в Краснооктябрьском районе. Итоговая сумма нанесенного ущерба составила 5031600 руб. [Там же, Л. 101–102].

Около 70% зданий и сооружений учреждений здравоохранения Ерманского района Сталинграда оказались разрушены. Среди них больницы, амбулатории и необходимое оборудование. Итоговая сумма нанесенного ущерба составила 3575,0 тыс. руб. [Там же, Л. 100].

Всего по Сталинграду уничтожено около 95% медицинских учреждений, где из 15 больниц осталось 2, из 68 амбулаторных поликлиник уцелело 3. До оккупации города на территории насчитывалось 6 родильных домов, остался – 1. Из 14 действующих до войны детских и женских консультаций осталось лишь 2 [10, Л. 8].

Всего в Сталинградской области по линии здравоохранения выбыли из строя 37 больниц, 7 специализированных больниц, 15 родильных домов. Среди них в следствии бомбардировок уничтожена физиотерапевтическая больница, оснащенная всеми видами новейших аппаратов, обслуживавшая специализированной медпомощью население всей области. Учреждение, помимо функции лечения, готовила врачебные кадры физиотерапевтов и рентгенологов для области. В числе недействующих оказалась 1-я Клиническая совбольница – основная база подготовки студентов медицинского института. Больница водников на 175 коек, отстроенная и введенная в эксплуатацию весной 1941 г., оснащенная всеми видами новейшей аппаратуры, пришла в негодность.

Полностью разрушен областной институт эпидемиологии и микробиологии. Учреждение располагало большой библиотекой до 30 тысяч томов, накопленной в течение десятков лет и обширно разнообразным лабораторным имуществом и оборудованием [11, Л. 66].

Следствием военных действий под Сталинградом за период с июля 1942 по февраль 1943 годов стала разрушенная инфраструктура, в том числе и медицинские организации, оказавшиеся в зоне боёв и оккупации. Система предприятий здравоохранения требовала немедленного восстановления в условиях продолжающейся войны. Вместе с городом и расположенными населёнными пунктами с февраля 1943 г. начнётся активное возрождение медицинской службы в регионе.

Литература

1. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 32.
2. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 760.
3. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 84.
4. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 85.
5. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 81.
6. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 672.
7. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 730.
8. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 47.
9. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 82.
10. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 29.
11. ГУ «ГАВО». Ф.Р.-6088. Оп. 1. Д. 19а.

ALEXANDER AZAMATOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE CAUSED DAMAGE TO THE MEDICAL INSTITUTIONS
IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(based on the materials of the Stalingrad committee of finding and investigating
the crimes of the Nazi aggressors and their associates)**

The article deals with the analysis of the summary statements and acts of the Stalingrad commission for finding and investigating the crimes of the Nazi aggressors and their associates in the sphere of the health care service, compiled in 1943–1944.

There are revealed the consequences of the caused damage by the healthcare organizations.

Key words: the battle of Stalingrad, material injury, health care institutions, the Great Patriotic War, the Stalingrad commission for finding and investigating the crimes of the Nazi aggressors and their associates in the sphere of the health care service.

УДК 93/94

С.П. БАБЕНКО
(babensofya@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА*

Наша страна известна всему миру своей военной историей, медициной, великими научными открытиями, достижениями в области спорта и во многих других сферах. И за всем этим стоят выдающиеся женщины. Их имена присвоены некоторым улицам Волгограда. В данной научной статье рассматривается происхождение названий улиц – «урбанонимов» города Волгограда; приводится классификация улиц, название которых связано с именами женщин-героев и участниц Великой Отечественной войны и довоенных действий, женщин общественно-политических деятелей, деятелей искусства и науки.

Ключевые слова: топонимы, женщины, топонимическая система, урбанонимы, урбанонимия, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, партизанское движение, борьба за права женщин.

В истории России женщины играли немаловажную роль. Будучи представительницами «слабого пола», женщины наравне с мужчинами покоряли науку, искусство, военное дело и многие другие сферы. За привлекательной внешностью зачастую скрывались огромная сила духа и волевые решения. Женщина была не только «шеей, которая поворачивала головы в нужные направления», но и, в первую очередь, личностью, подвиги которой спасали жизни и изменяли ход истории.

Память о выдающихся женщинах собрана во многочисленных источниках: в литературе, документальных и художественных фильмах, различных исследовательских работах, собраниях архивов и музеев. Однако существует ещё один источник, находящийся в системе топонимических обозначений, а именно в названии улиц – урбанонимов. С.В. Соловьева справедливо отмечает, что «топонимия города имеет статус уникального феномена современной культуры и служит активным средством патриотического воспитания молодежи» [10, с. 219]. Основным направлением данного исследования является урбанонимия города Волгограда, ограниченная названием улиц, связанных с именами выдающихся женщин. Целью данного исследования является изучение личностей женщин в топонимической системе Волгограда и выявление названий этих улиц.

В честь выдающихся женщин названы 24 улицы Волгограда, что составляет около 1% по отношению ко всем топонимам Волгограда [8]. Исследование показало, что 12 улицам города (50% от общего числа улиц, названных в честь выдающихся женщин) присвоены имена женщин-героев и участниц Великой Отечественной войны и довоенных боевых действий, 5 улицам (21%) – имена женщин общественно-политических деятелей, ещё 5 улицам (21%) – деятелей искусства, оставшимся 2 улицам (8%) – женщинам-деятелям науки (см. табл. на с. 9).

В данной статье приведено исследование топонимов, связанных с именами женщин-героев Великой Отечественной войны, в частности, Сталинградской битвы и довоенных боевых действий; женщин-деятелей искусства и науки.

Начать следует с улиц, названных в честь женщин-героев Сталинградской битвы, т. к. город Сталинград известен всему миру своей героической обороной во время Великой Отечественной войны. Она длилась 200 дней и ночей и проходила на огромной территории – свыше 100000 кв. км. Тысячи женщин во время Сталинградской битвы, не имея кирок и молотов, в твердой, как камень земле, выкапывали окопы и противотанковые рвы. Работая по 12–14 часов в сутки, они уставали настолько, что спали вповалку на соломе тут же, не покидая возводимые укрепления [2]. Они, наравне с мужчинами, брали оружие в руки и шли защищать свою Родину. Особую гордость вызывают женщины-медики, которые зачастую жертвовали своими жизнями ради спасения других.

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Таблица

Улицы, названия которых связаны с именами выдающихся женщин

Названия улиц, связанных с именами женщин-героев и участниц Великой Отечественной войны и довоенных боевых действий	Названия улиц, связанных с именами женщин – общественно-политических деятелей	Названия улиц, связанных с именами женщин- деятелей искусства	Названия улиц, связанных с именами женщин-учёных
ул. Анжелиной Паши ул. Громовой Ульяны ул. Гули Королевой ул. Качуевской ул. Ковалёвой Ольги ул. Колесовой Елены ул. Марсевой Зины ул. Осипенко Полины ул. Панчишкиной Клавы ул. Савиловой ул. Скоробогатовой Тани ул. Стемпковской Елены	ул. Землячки ул. Крупской Надежды ул. Люксембург Розы ул. Перовской Софьи ул. Цеткин Клары	ул. Агашиной Маргариты ул. Ермоловой ул. Папиной ул. Савиной ул. Форш Ольги	ул. Ковалевской Софьи ул. Панкратовой

В Советском районе города Волгограда есть улица, названная в честь одной из таких женщин – Натальи Александровны Качуевской – санинструктора 500-го (39-го гвардейского) отдельного медсанбата 105-го гвардейского стрелкового полка 34-ой гвардейской стрелковой дивизии 28-й армии Сталинградского фронта [11, с. 95]. Несмотря на то, что война забрала жизнь её мужа, Наталья Качуевская продолжала помогать солдатам, пока 20 ноября 1942 г., когда ей пришлось спасать жизни двадцати бойцам, в ходе контрнаступления 28-й армии южнее посёлка Хулхута (Калмыцкой АССР) враги не начали окружать овраг, где находились раненые. Отважная медсестра бросилась навстречу подступавшим гитлеровским автоматчикам и взрывом гранаты уничтожила их. Она пожертвовала свою жизнь ради спасения защитников Родины. Именно поэтому имя Натальи Александровны Качуевской решением горисполкома от 12.04.1965 г. стала носить одна из улиц города-героя [8].

23 ноября 1942 г. Сталинград потерял ещё одну отважную медсестру – Марионеллу Владимировну Королёву, больше известную как Гуля Королёва – санинструктора 214-й стрелковой дивизии 24-й армии Донского фронта [11, с. 101]. С раннего детства Гуля мечтала стать актрисой и уже в возрасте 12 лет снялась в главной роли фильма «Дочь партизана», а позже ещё в нескольких фильмах – «Я люблю» и «Солнечный маскарад». Юной актрисе пророчили успешную карьеру, но начавшаяся война не дала этим планам сбыться. В 1942 г. она записалась добровольцем на фронт в медико-санитарный батальон 780-го стрелкового полка, и уже весной этого года дивизия отправилась на фронт Сталинграда [6]. Во время боя за высоту 56,8 она вынесла с поля боя 50 раненых бойцов, а когда был убит командир, подняла солдат в атаку, первая ворвалась во вражеский окоп и несколькими бросками гранат убила 15 немецких солдат и офицеров. Была смертельно ранена, но продолжала вести бой, пока не подоспело подкрепление. Этот героический поступок, которая совершила двадцатилетняя девушка, не должен быть забыт, поэтому решением горисполкома от 26.03.1961 г. одна из улиц Тракторозаводского района носит гордое имя Гули Королёвой [8].

Улица имени Зины Маресевой в Кировском районе решением горисполкома от 10.04.1967 г. названа в память о санинструкторе санитарного взвода 1-го батальона 214-го гвардейского стрелкового полка 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии Степного фронта, гвардии старшем сержанте медицинской службы [8]. После окончания краткосрочных курсов медицинских сестёр девятнадцатилетняя девушка в ноябре 1942 г. добровольно ушла на фронт и сражалась в составе войск Сталинградского, Воронежского и Степного фронтов. В августе 1943 г. при форсировании реки Северский Донец в составе десантной группы Зина высадилась на правый берег реки, где бойцы столкнулись с жесточайшим сопротивлением противника [11, с. 117]. Как рассказывает Николай Румянцев в своей книге «Люди легендарного подвига», занявшие господствующие высоты гитлеровцы простреливали весь прибрежный участок из артиллерии, миномётов и пулемётов. Несмотря на это, Зина выполняла свои обязанности: оказывала помощь раненым на поле боя. Она лично эвакуировала на другой берег реки 60 человек [9, с. 81]. Кроме этого, девушка несколько раз возглавляла контратаки на противника. 2 августа, когда десантный батальон был окружён, именно Зина повела в атаку советских солдат, в результате которой было уничтожено несколько сотен немцев и захвачена их артиллерия. Но уже 6 августа девушка скончалась от осколочного ранения, полученного при эвакуации раненых. Имя медсестры-героя присвоено не только улице Волгограда, но и улицам в селе Черкасское, а также Вольскому медицинскому училищу в Саратовской области [11, с. 118].

За годы войны женщинам и девушкам пришлось овладеть военными специальностями. Они вели в бой танки, были отважными пулемётчицами, снайперами, зенитчицами, они управляли самолётами и обеспечивали бесперебойную связь в боевых условиях. В ходе войны во многих полках связи женщины-связистки составляли более половины всего личного состава. Улица Дзержинского района названа в честь одной из таких женщин – радистки Елены Константиновны Стемпковской. Когда началась война, Елена Стемпковская была студенткой педагогического института. Однако уже в июне 1941 г. девушка решила пойти добровольцем в Красную Армию. По истечении трёх радиотелеграфных курсов она начала служить в стрелковом батальоне 216-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии 21-й армии Юго-Западного фронта. В июле 1942 г. в районе села Зимовенька (ныне Белгородская область) батальон Елены Стемпковской попал в окружение. Первым делом двадцатилетняя девушка обеспечивала радиосвязь со штабом полка, а когда был убит корректировщик, вызвала огонь на себя, обеспечивала отход батальона в укрытие. Сама же радистка была захвачена гитлеровцами. После зверских пыток и допросов, не выдав военной тайны, Елена Стемпковская приняла мученическую смерть [12].

В Дзержинском районе также есть улица, названная в честь военной лётчицы Осипенко Полины Денисовны. Летом 1937 г. девушка побила три мировых рекорда высотных полётов, а через год она возглавила беспосадочный перелёт Москва – Дальний Восток протяжённостью 6450 км, так же установив женский рекорд дальности полёта. Полина Осипенко погибла за два года до начала Великой Отечественной войны, но уже тогда полным ходом шла военная подготовка. Подруга погибшей лётчицы, Марина Раскова – герой Советского Союза, знаменитый штурман, легендарный майор, лично сформировавшая авиагруппу из трех женских авиаполков – не раз говорила, что опыт пилотирования Полины Осипенко был бы просто бесценен при обучении её авиагруппы. Однако, к несчастью, 11 мая 1939 г. во время учебно-тренировочных сборов лётчица разбилась вместе с начальником главной лётной инспекции ВВС РККА А.К. Серовым, отрабатывая полёты «вслепую» [7, с. 209]. Осипенко Полина Денисовна была отважной женщиной, совершившей не один прорыв в лётном деле, именно поэтому решением горисполкома от 16.04.1951 г. её имя было присвоено улице города-героя Волгограда [8].

Помимо того, что во время войны женщины воевали во всех родах войск, они были партизанами. Улица им. Клавды Панчишкиной Красноармейского района решением горисполкома от 25.08.1954 г. названа в память о подпольщице, участнице Сталинградской битвы [Там же]. В первые дни оккупации

комсомолка Панчишкина ушла в партизанский отряд «За Родину». Самыми крупными операциями, возглавляемые двадцатилетней девушкой, стали подрыв участка железной дороги Чир – разъезд Ложки и понтонного моста через Дон, выведение из строя паровой мельницы и уничтожение складов с зерном на берегу Дона. За свои самоотверженные поступки в ноябре 1942 года Клавдия Панчишкина была расстреляна фашистами на окраине станицы Нижнечирской [11, с. 125].

Имена партизанок Скоробогатовой Тани (Сталинград), Колесовой Елены (Минск), Громовой Ульяны (Ворошиловск) также присвоены улицам Волгограда [8]. Героическая борьба этих девушек в тылу врага является одной из самых ярких и незабываемых страниц военной истории.

Ковать победу в Великой Отечественной войне и Сталинградской битве, в частности, помогали труженики тыла. Основная часть мужского населения ушла на фронт, поэтому выносить на своих плечах основную тяжесть труда на производстве приходилось женщинам. Героический труд не раз отмечался высокими наградами, в том числе орденом Ленина. Таким орденом была награждена и Ольга Кузьминична Ковалёва, в честь которой названа одна из улиц Краснооктябрьского района. С раннего детства Ольга Кузьминична работала: в 12 лет – на маслобойне, затем – воспитателем в детском доме. Настойчивость и целеустремлённость девушки привели к тому, что её сначала направили на хутор Кругловский для овладения профессией тракториста, а затем – в Сталинград на завод «Красный Октябрь». С момента начала войны смены на заводе длились по 12 часов, но Ольга Ковалёва и её коллеги-сталевары следовали главному заводскому лозунгу того времени: «Даёшь металл!». Утром 23 августа 1942 г. – в день самой долгой и разрушительной бомбардировки Сталинградской битвы – женщина-сталевар встала к мартену на очередную плавку стали для танков. Однако в результате бомбардировки мартены были выведены из строя. Одновременно 6-я немецкая армия вышла к Волге в районе непосредственной близости к тракторному заводу. По тревоге были собраны бойцы заводского отряда рабочего ополчения, чтобы выдвинуться в район прорыва и совместно с отрядами других заводов и частями РККА отбить нападение противника. В числе бойцов вышла и Ольга Кузьминична, став единственной женщиной в истребительном отряде завода «Красный Октябрь». Она погибла 25 августа 1942 г. поднимая своих товарищей в последнюю атаку, за что была посмертно награждена медалью «За оборону Сталинграда» [Там же, с. 98].

Как и Ольга Кузьминична Ковалёва, одной из первых женщин-трактористок в Советском Союзе стала Ангелина Прасковья Никитична, имя которой решением горисполкома от 25.07.1960 г. носит улица Ворошиловского района города Волгограда [8]. В 1938 г. девушка прославилась лозунгом «Сто тысяч подруг – на трактор!».

Во время Великой Отечественной войны П.Н. Ангелина вместе со всей бригадой едет в эвакуацию в Казахстан – на поля колхоза имени Будённого. Работая здесь, тракторная бригада Паши Ангелиной передала в фонд РККА семьсот шестьдесят восемь пудов хлеба [1]. Находясь далеко от линии фронта, не щадя своих сил, девушка-трактористка вела битву за хлеб и выигрывала её. И поэтому женщины гвардейской танковой бригады, полностью сформированной из бывших трактористов, присвоили Паше Ангелине почётное звание гвардейца.

После войны все девушки из её бригады бросили мужскую работу и стали заниматься женским трудом: рожали и воспитывали детей, вели домашнее хозяйство. Однако П.Н. Ангелина продолжала руководить тракторной бригадой, в которой работали трактористы-мужчины [1]. Из-за постоянной работы с машинными маслами и дизельным топливом женщина заболела циррозом печени, от которого и умерла 21 января 1959 г. Имя выдающейся труженицы тыла по праву занесено в топонимическую систему города-героя.

Имя участницы обороны Сталинграда Савиловой Александры Николаевны решением горисполкома от 25.08.1954 г. стала носить одна из улиц Красноармейского района [8]. К сожалению, данных о ней во время Сталинградской битвы почти не осталось. Известно только, что отважная женщина не покинула город и во время одной из бомбардировок погибла. Гораздо богаче архивный матери-

ал, относящийся к периоду послереволюционного времени, когда она стала делегатом от Царицына на I Всероссийском съезде работниц. На этом съезде активно обсуждался «женский вопрос», о котором также высказалась Александра Савилова. В своей речи она призывала женщин активно включаться в общественную жизнь страны, отбросив всякие предрассудки [4].

За права женщин активно боролась и Софья Васильевна Ковалевская – первая женщина-математик в России. Вопреки запретам родителей, уже к восемнадцати годам девушка имела образование, которое нельзя было получить женщине в России в XIX в. Она владела несколькими иностранными языками и достигла больших результатов в науке, получив мировое признание [5]. Именно Софья Ковалевская показала, что в мире наук есть место женщинам. И её опыт несомненно учитывался, когда в 1917 г. решался вопрос о предоставлении прав женщинам. Решением горисполкома от 09.02.1953 г. её имя присвоено одной из улиц Дзержинского района Волгограда [8]. Спустя четыре года ещё одну улицу Дзержинского района назовут в честь женщины-деятеля науки, а именно в честь историка Панкратовой Анны Михайловны.

Некоторым улицам Волгограда присвоены имена писательниц и поэтесс. Так, одна из улиц Советского района носит имя Маргариты Константиновны Агашиной – российской поэтессы, автора текста многих известных песен, таких как «Волгоградское танго» и «Растёт в Волгограде берёзка» [3]. За вклад в развитие культуры региона имя поэтессы и было запечатлено в названии улицы.

Имя ещё одного литературного деятеля-женщины – Форш Ольги Дмитриевны – было присвоено улице Краснооктябрьского района [8]. Писательница известна в основном как автор исторических романов, рисующих революционно-демократическую борьбу в России на примерах выдающихся личностей. Её творчество стало неотъемлемой частью культуры России.

Подводя итоги данному исследованию, хотелось бы сказать, что вклад женщин в историю нашей страны, в её успехи в самых разных сферах огромен. Женщины защищали Родину и спасали жизни воинов-мужчин, делали научные открытия и создавали шедевры искусства. Увековечивание памяти о самых отважных и известных из них в названиях улиц Волгограда – важное свидетельство признания этого выдающегося вклада.

Литература

1. Ангелина П.Н. Люди колхозных полей / А.П. Ангелина, Герой соц. труда. М.: Сельхозгиз, 1948 (тип. «Кр. пролетарий»).
2. Горлова С.Л. 200 дней ада: гражданское население в Сталинградской битве // Viluchinsk-city. [Электронный ресурс]. URL: <https://viluchinsk-city.ru/about/info/news/6999/> (дата обращения: 22.02.22).
3. Гречухина Ю. За каждую строчку она заплатила своей женской судьбой: [О М.К. Агашиной] // Волгоградская правда. 2014. 28 февр. С. 7.
4. Гурьянова В. Военственная большевичка Александра Савилова // Stalingrad-battle. [Электронный ресурс]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/employee-writes/2015/3999/> (дата обращения: 24.02.22).
5. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести: К 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 1974.
6. Мерзляков Р. Пятая высота // Российская газета: Недельный выпуск «Юг России». 2017. 1 июня (№ 7284 (118)).
7. Осипенко Полина Денисовна // Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1988. Т. 2/Любов–Яшук/. С. 209-211.
8. Постановление администрации Волгограда от 10.10.2011 г. в ред. от 25.08.2020 г. № 3060 «Об утверждении Общегородского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» // Администрация Волгограда, 25.08.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446506494> (дата обращения: 18.02.22).
9. Румянцев Н.М. Люди легендарного подвига: Краткие биографии и описания подвигов Героев Советского Союза тех, кто родился, жил и живет в Саратовской области. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1968.
10. Соловьева С.В. Сталинградские снайперы в топонимике Волгограда // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 4(127). С. 218–222.
11. Сталинградская битва в названиях улиц и площадей Волгограда. Словарь-справочник / С.В. Соловьева, Е.Ю. Болотова, М.Н. Опалев. М.: Изд-во «Планета», 2020.
12. Степковская Елена Константиновна // Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1988. Т. 2 /Любов–Яшук/ С. 519–520.

SOFYA BABENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CELEBRATED WOMEN IN THE TOPONYMICAL SYSTEM OF VOLGOGRAD

Our country is known to the whole world by its military history and medicine, the great scientific discoveries, achievements in the field of sports and many other spheres. The outstanding women are responsible for it. Their names are conferred to some streets in Volgograd. The article deals with the consideration of the origin of the streets' names – “urbanonyms” of Volgograd. There is given the classification of the streets, their names are associated with the names of the women heroes and the participants of the Great Patriotic War and the prewar actions, the women of the social and political activists and the people of art and science.

Key words: *toponyms, women, toponymical system, urbanonyms, urbanonymy, the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, guerilla movement, vindication of the rights of women.*

УДК 902

С.П. БАБЕНКО
(babensofya@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКИХ РАСШИФРОВОК В ИЗУЧЕНИИ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ, ПРИОНЕЖЬЯ И БЕЛОМОРЬЯ*

Петроглифы широко используются археологами как достоверный материал, отражающий многие стороны жизни первобытных людей. Расшифровывая и интерпретируя содержание таких изображений, учёные пытаются понять специфику деятельности и склад мышления людей той эпохи в целом. Но зачастую получалось так, что первоисточником конечных выводов и обобщений служили не столько сами рисунки, сколько предположения исследователей. В данной научной статье рассматривается проблема семантических расшифровок в изучении петроглифов Карелии, Прионежья и Беломорья.

Ключевые слова: Бесовы Следки, географическая гипотеза, капканная гипотеза, карельское петроглифоведение, простейшие знаковые формы, петроглифы, семантика, семантические расшифровки, солярно-лунная гипотеза.

По мере познания древнейшего прошлого человечества перед наукой встают различные вопросы, связанные с такими историческими источниками как петроглифы. С их помощью, по словам американского писателя Джона Маддокса Робертса, можно изучить самую важную часть истории человеческого общества – «историю сознания человечества, много тысячелетий назад нарушившего медленный ход генетических изменений и сформировавшего специфические культуру и традиции, в качестве решающих факторов исторических перемен» [Цит. по: 6, с. 6]. Однако в отличие от других типов археологических источников петроглифы и по сей день остаются наименее изученными.

Основная сложность при их изучении заключается в том, что петроглифы хоть и характеризуются повторением изобразительных средств, им не свойственно понятие идентичности. По данным норвежской исследовательницы Анны-Софии Хиген, среди 5 тысяч памятников Бохуслена и Естфолда, в южной точке границы Швеции и Норвегии, насчитывается около 75 тысяч наскальных петроглифов, из которых ни одно изображение не повторяется [6, с. 11]. То же наблюдение справедливо для наскальных изображений Карелии на северо-востоке Европейской территории России – места, с которого следует вести отсчёт истории изучения петроглифов в России.

21 июля 1927 г. на общем собрании членов Общества изучения Карелии А.М. Линевским был сделан доклад о найденных новых скальных изображениях в Карелии. К этому времени науке уже были известны первые его открытия в сфере «карельского петроглифоведения» [7, с. 58] – пещеры мыса «Бесов-Нос» и «Пери-Нос» с их «удивительными начертаниями» (на восточном берегу Онежского озера) [2, с. 12]. Рисунки здесь выбивались кварцевыми отбойниками. Сначала наносился контур фигуры, затем все остальные элементы [5, с. 10]. Изображения, как правило, статичны, хотя заметны попытки передать движение. В них достаточно мало деталей и не выдерживается правильное соотношение масштаба [Там же, с. 15]. В основном изображены лесные звери, прежде всего олени (45) и лоси (18). Встречаются изображения медведей (5), лисиц (3) и животных, вид которых определить трудно. Нередко встречаются птицы, а также лодки, причём чаще всего с гребцами. Из редких сюжетов можно отметить кресты и «звезды», отпечатки человеческих стоп и стрел. Петроглифы избилуют простейшими знаковыми формами: округлыми или овальными пятнами, треугольниками, четырехугольниками, полосками и линиями (112) – изучение которых и привлекло особое внимание А.М. Линева [Там же, с. 17]. Самой странной фигурой, стоящей поодаль от основного скопления фигур, является изображение «беса» (чёрта). В профиле его лицевой части чётко очерчены подбородок, рот, нос и лоб, а на затылке остроугольный отросток – деталь головного убора. Также хорошо прорисованы

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

горбатая спина, огромная ступня и слегка согнутая в локте рука «беса» с пятью растопыренными пальцами [5, с. 15]. Именно эта фигура и дала название мысу. Глубина всего рельефа составляет 1,5–3,5 мм. Большинство изображений небольшие около 20–40 см, но иногда их длина достигает почти трёх метров [Там же, с. 9].

Основатель «карельского петроглифоведения» в главных своих научных трудах – «Петроглифы Карелии» (1939) и «Очерки по истории древней Карелии» (1940) – пытался реконструировать смысловое значение наскальных изображений и выделить хронологические пласты. Помимо этого, А.М. Линецкий выдвинул и обосновал «капканную» гипотезу трактовки загадочных знаков Онежского озера, согласно которой наскальные изображения кругов и полукружий с отростками трактуются им не как чаши, зеркала или шаманские бубны, а как самодельные ловушки и капканы [6, с. 16]. В доказательство своей теории исследователь приводил сходство данных изображений с охотничьими ловушками пермяков, имеющими широкое распространение в прошлом. Топография онежских петроглифов, по мнению исследователя, также подтверждает тот факт, что древние жители восточного побережья Онежского озера могли использовать при охоте на зверей капканы-самоловы. Таким образом, при истолковании рисунков А.М. Линецкий исходил из того, что в их основе находятся предметы ежедневного пользования или объекты, к обладанию которыми стремился древний человек. Исследователь не отрицал и существование сверхъестественных образов, но отдавал им второстепенное значение.

Спустя десять лет после открытий А.М. Линецкого, вдохновившись его работой, Владислав Иосифович Равдоникас в сентябре 1936 г. организовал свою экспедицию, в ходе которой им были открыты семь групп петроглифов (всего 615 изображений). Петроглифы были обнаружены в низовье реки Выг (в 100 метрах южнее «беса»), на острове Ерпин Пудас (в 400 метрах ниже по течению). Однако самым знаменитым открытием, пожалуй, является обнаружение крупного (более 200 фигур) скопления в урочище Залавруга (сейчас Старая Залавруга), всего в 1,5–2 километрах ниже «Бесовых следков» [5, с. 19]. Залавруга выделяется тематикой петроглифов, композициями, большими размерами центральных фигур (в основном оленей и лодок), обилием различных изображений людей, стреляющих из лука, идущих на лыжах, раненых или убитых и т. д.

Следуя традиции семантических расшифровок, В.И. Равдоникас составил свою трактовку значения абстрактных петроглифов в форме кругов и полукружий с отростками. Он считал, что фигуры символизируют солнце и луну («солярно-лунарная» гипотеза). Ссылаясь на исследования академика Марра, в статье 1937 г. археолог писал: «Н.Я. Марр многократно с помощью палеонтологии речи показал, что термины круг, колесо, даже арка, свод и т. д., в своей исходной форме имели космическое содержание, обозначали небо и солнце с их дериватами. Почему же круги и полукружия скальных изображений должны иметь другую семантику?» [3, с. 12]. По мнению Равдоникаса, образы небесных тел были значительно первобытным мышлением и отражены посредством данных простейших знаковых форм.

5 сентября 1963 г. исполнилось ровно 27 лет со дня открытия В.И. Равдоникасом петроглифов Залавруги. Именно в этот день при раскопках, организованных Юрием Александровичем Савватеевым, под песчаным культурным слоем Залавруги обнажилась гладкая скала с изображениями лодки с тремя гребцами и фигуры лося. Это открытие поразило многих двумя фактами: в отличие от известных ранее рисунков, эти изображения находились в глубине берега, да ещё и под культурным слоем древнего поселения (Новая Залавруга). Таким образом, открылись новые возможности для поиска и дальнейшего изучения петроглифов Карелии.

Результатом тринадцатилетних раскопок стало открытие 26 групп петроглифов, протянувшихся вдоль реки почти на 100 метров, вплоть до Старой Залавруги, и на 60 метров, уходящих вглубь берега. В них зарегистрировано 1176 изображений, что почти вдвое больше, чем в семи известных ранее группах. Эти петроглифы уникальны ещё и тем, что большинство встречающихся сюжетов – лодки с экипажами и люди, хотя основной темой сюжетов у первобытных людей, как известно, являются промысловые звери.

Как и его предшественники Ю.А. Савватеев не смог обойти стороной проблему семантических расшифровок. На первый взгляд, может показаться, что археолог склоняется больше к «капканной» теории: «... расшифровка кругов и полукружий из онежских петроглифов, как солярных и лунарных знаков, навеяна больше идеями Н.Я. Марра, чем изучением самого памятника» [4, с. 117]. Тем не менее Ю.А. Савватеев, опираясь на тот же подход, предлагает мудрое решение проблемы: «На онежских рисунках ошутимо выступает мифологическое начало, петроглифы же Беломорья стоят ближе к бытовому, повествовательному искусству» [Там же, с. 123]. Так возникает «географическая» гипотеза.

На сегодняшний день скопления петроглифов обнаружены в двух районах Карелии и насчитывают около 2800 единиц изображений. Одно скопление расположено по берегам и на островах в низовье реки Выг в 5 км от города Беломорска. Другое скопление петроглифов охватывает мысы и острова восточного побережья Онежского озера на протяжении 20 км. Однако дискуссии на тему гипотез А.М. Линевского, В.И. Равдоникаса и, в какой-то степени, Ю.А. Савватеева не угасают до сих пор. И хотя они не выходят за пределы семантических расшифровок, они имеют немаловажное значение для изучения карельских петроглифов на современном этапе. Повторяющееся использование одних и тех же изобразительных средств, в данном случае фигур – кругов и полукружий, можно рассматривать как ответ на ряд актуальных вопросов: о времени возникновения самого первого петроглифа и о периодизации различных этапов традиции создания петроглифов. Ведь как говорил Генрих Вельфлин: «Эволюция имеет место только там, где формы достаточно долго переходили из рук в руки» [1, с. 364].

Литература

1. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М-Л.: Академия, 1930.
2. Историко-археологические открытия в Карелии // Карело-Мурманский край. 1927. № 1.
3. Равдоникас В.П. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. 1937. № 4. С. 11–32.
4. Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1970.
5. Савватеев Ю.А. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1976.
6. Фараджев А.А. Петроглифы Карелии. Возможности исследования взаимосвязи со скальной поверхностью: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 2002.
7. Шахнович М.М. Александр Линевский и петроглифы Карелии: хроника 1926–1929 гг. // Изв. Коми научного центра УрО РАН. Сер. «История и философия». 2020. № 5(45). С. 58–68.

SOFYA BABENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ISSUE OF THE SEMANTIC TRANSCRIPTIONS IN STUDYING THE HIEROGLYPHS OF KARELIA, PRIONEZHYE AND WHITE SEA AREA

Petroglyphs are widely used by archeologists as the authoritative material, reflecting many aspects of the life of the primitive people. Decoding and interpreting the content of such pictures, the scientists try to understand the specific features of the activity and the thinking pattern of the people of that epoch, in the whole. However, it often happened that the origin of the final conclusions and generalization was not so much pictures as the scientists' assumptions. The article deals with the issue of the semantic decoding in studying the petroglyphs of Karelia, Prionezhye and White Sea Area.

Key words: *Demon Tracks, geographical hypothesis, trapping hypothesis, Karelian petroglyphs, primary sign forms, petroglyphs, semantics, semantic transcriptions, solar and lunar hypothesis.*

УДК 93/94

С.В. БАГЛАЙ

(baglaj1999s@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ 5-Й УДАРНОЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛА М.М. ПОПОВА В ПЕРИОД КОТЕЛЬНИКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1942 Г.*

Рассматривается роль 5-й ударной армии под командованием Маркиана Михайловича Попова в Котельниковской операции по отражению наступления немецко-фашистских войск под командованием Манштейна с целью вывода из окружения под Сталинградом 6-й армии Паулюса.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Котельниковская операция, М.М. Попов, ударная армия, Сталинград.*

В начале декабря 1942 г. немецкие войска под Сталинградом находились в тяжёлом положении, но несмотря на окружение, боевого духа не теряли и сдаваться просто так не собирались, веря в то, что фюрер обязательно вызовет их из вражеской блокады. Немецкое командование пыталось с помощью авиации обеспечить всем необходимым своих солдат, навешивая со скрипом «воздушный мост» в кольцо окружения вбрасывались десятки тонн груза (боеприпасы, топливо, продовольствие) ежедневно, вместо нескольких сотен тонн, что для 6-й армии Паулюса было явно недостаточно.

Спасая от гибели своих солдат, немецкое командование спешно готовило деблокирующий удар, создав группу армий «Дон» под командованием Манштейна, как для восстановления, разорванного советским ударом, фронта, так и для освобождения армии Паулюса из окружения. Первоначально, немецкий план «Винтергевиттер» предполагал нанесение двух деблокирующих ударов 12 декабря. Первый должен был наноситься со стороны Котельниково на Сталинград, второй удар – с Чирского рубежа на Калач с целью захвата переправы через Дон. Наступление группы армий «Дон», должна была поддержать находившаяся в окружении 6-я армия, которая должна была двинуться навстречу выручавшим её войскам. Однако, ввиду того что на Чирском рубеже сил было недостаточно для прорыва советской обороны и отражения возможных контрударов с советской стороны, поэтому немцам пришлось отказаться от двух ударов и сделать основную ставку на удар в направлении Котельниково – Сталинград [3, с. 359].

Советское командование ещё в конце ноября заметило усиленную переброску войск противника на Чирское направление, из-за чего пришло к выводу, что основной удар будет нанесён немцами в район Калача, тем более, что само строение фронта в виде балкона у станицы Нижне-Чирской делало такой вывод логичным, ввиду кратчайшего расстояния до переправы через Дон.

Ставка Верховного главнокомандования (ВГК), опираясь на сообщения командующего Юго-Западным фронтом Ватутина, приняла решение создать от 9 декабря 1942 г. в составе Сталинградского фронта 5-ю ударную армию, для усиления рубежа обороны на Нижне-Чирском рубеже, о чём свидетельствует директива Ставки ВГК № 170699 от 8 декабря [4, с. 244].

Здесь, в сталинградских степях, начала коваться слава 5-й ударной армии, которой суждено было встретить окончание войны в Берлине, где в её штабе в Карлсхорсте 8 мая подписывал акт о безоговорочной капитуляции Вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель. Однако в декабре 1942 г. перед ней стояли другие задачи.

Во главе армии был поставлен, на момент 8 декабря, генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов, который до этого являлся заместителем командующего Сталинградским фронтом Маршала А.И. Ерёменко и при новом назначении прежнюю должность не потерял.

М.М. Попов вспоминал о своём назначении в 5-ю армию как о неожиданном предложении, которое поступило к нему после очередного совещания командиров фронтов в Новоахтубинском 6 декабря 1942 г.

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Когда совещание закончилось, А.М. Василевский предложил М.М. Попову взять руководство 5-й армией, которую планировалось передать Сталинградскому фронту, в свои руки. Этой армии, как считал А.М. Василевский, предстояли тяжёлые дела на стыке двух фронтов. Немного подумав, М.М. Попов согласился [4, с. 244].

5-я ударная армия до этого находилась в резерве под названием 10 РА, но на основании решения Генерального штаба Красной армии № 99101 от 8.12.42 была переименована.

Ставка ВГК в своей директиве ВГК № 170699 от 8 декабря ставила перед 5-й ударной армией 2 основные задачи:

а) во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группы противника.

б) ни в коем случае не допустить прорыва противника из района Тормосин – Нижне-Чирская на соединение с окруженной группой противника в районе Сталинград» [3, с. 363].

М.М. Попов вспоминал, что «в районе хутора Рычковский противник упорно удерживал плацдарм и переправу через Дон, которую он мог использовать как для наступления деблокирующих сил, так и для отхода 6-й армии на Западный берег Чира без их форсирования» [4, с. 237].

Советское командование также заботило и то, что данный плацдарм создавал угрозу для фланга 51-й армии, отдельные части которой, например, знаменитый 4-ый кавалерийский корпус, уже с начала декабря пытались овладеть Котельниково и которой предстояло первой принять удар танковой группы Гота [1].

Попову и его 5-й ударной армии предстояло решить первоочередную задачу по уничтожению угрожавшего советским войскам плацдарму.

С 8 декабря по распоряжению М.М. Попова ударная армия начала передислоцироваться в новый район, где ей сразу же предстояло вступить в бой с противником. Перевозка армии осуществлялась четырнадцатью эшелонами, однако, движение и погрузку затрудняли разбушевавшаяся метель.

Первые эшелоны прибыли на станцию разгрузки 13 декабря 1942 г., разгрузившись, они отправились сразу к месту сосредоточения войск в хутор Аверинский в 10.00 14 декабря, остальные эшелоны с частями армии находились ещё в пути.

Пока основная часть 5-й ударной армии была на подходе к месту дислокации, командующий армией М.М. Попов вместе с частью командного состава Сталинградского фронта 12 и 13 декабря 1942 г. осуществлял приёмку приписанных к 5-й ударной армии, для её усиления, частей 5-й танковой армии. В эти дни М.М. Попов руководил также боем соединений на находившихся в соприкосновении с противником на фронте х. Старо-Максимовский – х. Рычковский – х. Логовский [2, с. 13].

М.М. Попов в своих воспоминаниях относительно периода с 11 по 13 декабря отмечает, что 11 декабря он осуществлял разработку плана предстоящего наступления на плацдарм, который генерал изложил на совещании в присутствии А.М. Василевского и Н.С. Хрущёва, в этом плане главная роль отводилась внезапному танковому удару с фронта в направлении х. Рычковский. Пехота должна была переходить в наступление только после того, как танки достигнут успеха в своём наступлении. Она должна была очистить от живой силы противника всю местность на плацдарме и овладеть, в первую очередь, станицей Нижне-Чирской. Предполагалось, что атака начнётся с утра 13 декабря, закончив всю подготовительную к наступлению работу 12 декабря [4, с. 248].

К 4 часа утра 13 декабря все бригады заняли исходное положение, готовясь к атаке. Первыми в назначенное время атаковали танки, которые ворвались в х. Рычковский, их успех подхватили две пехотные дивизии и вели бой за Верхне-Чирский. «Сомнений не было – немецкие войска на плацдарме смяты и вряд ли будут пытаться его восстановить, обнаружив такую армаду танков», – вспоминает М.М. Попов [Там же, с. 249] (в составе 7 танкового корпуса, который первым осуществлял наступление, находилось 70 танков, готовых к бою [2, с. 14]).

В течение дня 14 декабря и в ночь на 15 декабря войска 5-й ударной армии вели бои за х. Ерицкий, ст. Верхне-Чирскую и очищали от противника лес на восточном берегу р. Дон, который находился северо-восточнее Верхне-Чирской.

К рассвету 15 декабря, ведя упорные бои за каждое строение в хуторах, 7 танковому корпусу удалось полностью овладеть Ерицким и Верхне-Чирской, чуть позже был очищен лес на восточном берегу Дона, а также очищены переправы через Дон, которые находились Юго-восточнее Верхне-Чирской [2, с. 15]. В тот же день командующим Сталинградским фронтом Ерёмченко было приказано занять оборону на восточном берегу Дона фронтом на юг, а 16 декабря в ночь и днём М.М. Попов приказал вывести 7 танковый корпус из боя для приведения его в полную боевую готовность, а также перегруппироваться некоторым частям и также занять оборону у ст. Верхне-Чирской [Там же, с. 17].

16 и 17 декабря наблюдалось относительное затишье по всему фронту, советские войска приводили себя в порядок после упорных боёв, укрепляли оборонительные рубежи, а также накапливали резервы для отражения атак противника. Немецкие войска также восстанавливали и наращивали силы и укрепляли свои оборонительные рубежи, перебрасывая новые механизированные части из резервов в районе Тормосин и сосредоточив в ст. Нижне-Чирской до 100 танков и автомашин [Там же, с. 19].

К 18 декабря войскам М.М. Попова нужно было быть готовыми к развитию любых событий, будь то оборона или атака, ведь в это время велись упорные бои на втором, к этому времени стало более ясно, главным направлением немецкого наступления – Котельниково – Сталинград. С 20 декабря 1942 г. для того, чтобы обезопасить себя от угрозы прорыва со стороны противника на левом крыле армии в районе Нижне-Кумской, где немецкие войска достаточно активно атаковали своими танковыми частями (до 150 штук) при поддержке мотопехоты, М.М. Попов решил перейти к глубокоэшелонированной обороне на всём доверенном ему участке фронта. Стрелковые дивизии на левом крыле отражали многочисленные атаки немцев и продолжали оборону своих рубежей [Там же, с. 23].

22 декабря из подчинения М.М. Попова вышел 7 танковый корпус, хорошо проявивший себя при захвате плацдарма у Рычковского и Верхне-Чирской, он передавался в распоряжение 2-й гвардейской дивизии, которая остановит немцев, после их прорыва обороны 51 армии.

На участке фронта Маркиана Михайловича наблюдалось относительное затишье, лишь изредка с обеих сторон производились разведки боем, но активных действий со стороны противника уже не было. Было понятно, что немцы уже не смогут помочь окружённым войскам Паулюса. Танки Гота были остановлены, а важные плацдармы утеряны. Котельниковская операция подходила к своему завершению.

25 декабря М.М. Попов был назначен заместителем командующего Юго-Западным фронтом, на его должность командующего 5-й ударной армией был назначен генерал Цветаев, однако связь с ней М.М. Попов не терял, т. к. к его ведению в новой должности относилось руководство 5 танковой и 5-й ударной армиями. Попов вспоминал: «... я же сожалел о том, что мне, может быть, придется расставаться с армией, к которой уже начал привыкать, а кроме того, что может быть лучше поста командарма, сейчас в условиях развивающейся дальше операции, в которой и на долю армии, бесспорно, еще выпадут большие и ответственные задачи» [4, с. 250].

Таким образом, в период командования М.М. Поповым 5-й ударной армией, ей удалось выполнить первую половину боевой задачи, которую перед ней поставила Ставка Верховного главнокомандования, а именно ни в коем случае не допустить прорыва противника из района Тормосин-Нижне-Чирская на соединение с окруженной группой противника в районе Сталинграда. Учитывая то, что советское командование первоначально не совсем правильно определило направление главного удара противника, роль 5-й ударной армии нельзя недооценивать, хотя и исключать некоторого везения на направлении её обороны тоже нельзя, учитывая то, что противник перешёл в наступление на направлении Котельниково – Сталинград 12 декабря, когда в это время 5 ударная армия только добиралась по частям до места своей дислокации. Кто знает, как могли бы развернуться события, если бы место нанесения главного удара было другое.

Вторую половину задачи по уничтожению группировки противника ударной армии предстояло решить в рамках операции «Малый Сатурн» при содействии 5-й танковой армии.

Литература

1. Долгополов Д.В. Роль 4-го кавалерийского корпуса в боях под Сталинградом // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2017. № 6(17). С. 5–8. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1512922052.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Журнал боевых действий 5 Уд. А. с 05.07.1942 по 13.03.1943 // Память народа. 1941–1945. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110390210&static_hash=d8c64bf8164f5197bcd9c2e49db82033v3 (дата обращения: 15.01.2022).
3. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза: ЭКСМО, 2008.
4. Смыслов О.С. Забытый Полководец. Генерал армии Попов. М.: Вече, 2015.

SERGEY BAGLAY

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF THE FIFTH ATTACK ARMY UNDER THE COMMAND OF THE GENERAL M.M. POPOV IN THE PERIOD OF THE KOTELNIKOVSKAYA OPERATION IN 1942

The article deals with the role of the fifth attack army under the command of M.M. Popov in the Kotelnikovskaya operation to repel the attack of the Nazi forces under the command of Manstein with the purpose of the extract of the Sixth Army of Paulus from the encirclement near Stalingrad.

Key words: *the Great Patriotic War, Kotelnikovskaya operation, M.M. Popov, attack army, Stalingrad.*

УДК 93/94

А.Р. БЕЖЕНЦЕВА
(alinkabez@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
СФЕРЕ В СЕР. 1960-Х – СЕР. 1970-Х ГГ.
(на примере Домов культуры г. Волгограда)***

Рассматривается деятельность Домов культуры Волгограда в контексте реализации государственной политики Советского государства в социокультурной сфере в заявленный период. Анализируются направления и формы работы учреждений культуры Волгограда с населением.

Ключевые слова: социокультурная сфера, краеведение, учреждения культуры, Дома культуры, государственная политика.

В период существования Советского государства Дворцами и Домами культуры считались «клубные учреждения, в которых наиболее полно представлены различные формы массово-политической и культурно-просветительской работы, направленной на коммунистическое воспитание и организацию досуга трудящихся, а также подрастающего поколения» [18].

На современном этапе развития России в рамках национального проекта «Культура» наблюдается тенденция по сохранению и модернизации этих учреждений культуры [22]. На территории Волгоградской области предпринято несколько попыток восстановления и возрождения Домов культуры как центров проведения спектаклей, концертов, мастер-классов, развития детских кружков – т. е. патриотической работы с подрастающим поколением, а также культурно-просветительской и досуговой деятельности населения. В этой связи представляется актуальным изучение советского опыта.

В работе впервые вводятся в научный оборот документы Государственного архива Волгоградской области, а именно, фондов Волгоградского городского отдела культуры исполкома городского совета депутатов трудящихся (Ф.Р-6019) и областного Управления культуры исполкома Волгоградского Облсовета депутатов трудящихся (Ф.Р-6531). Документальные материалы содержат в себе ценные сведения о деятельности учреждений культуры Волгограда в сер. 1960-х – сер. 1970-х гг. и позволяют проанализировать основные направления, формы и методы работы Домов культуры по реализации государственной политики Советского государства в социокультурной сфере. Кроме того, определённые результаты по данной проблеме были опубликованы автором ранее [1, 2, 3].

В Советском государстве идеология являлась неотъемлемой частью общественной структуры и определяла границы и принципы функционирования государства. Агитационная и пропагандистская работа реализовывалась в соответствии с идеологией Коммунистической партии и являлась основой процесса формирования «человека коммунистического общества» и сохранения его в этом качестве. Осуществлялись различные формы идеологической работы с населением, которые охватывали все слои общества и все сферы жизни людей – их трудовую и общественную, в том числе и социокультурную деятельность. В этом и заключалась специфика государственной политики в социокультурной сфере советского государства.

Основными из программных документов, положенных в основу деятельности Домов культуры, являлись решения съездов КПСС. Количественные и качественные показатели развития данных культурных учреждений, основные направления их деятельности в рассматриваемый период определялись планами развития народного хозяйства СССР на следующие пятилетки, а именно 1966–1970 гг. [19, с. 66], 1971–1975 гг. [20, с. 43]. Анализ ключевых документов позволил определить основные задачи культурной политики государства, которые озвучивались от съезда к съезду.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Первостепенной задачей являлось создание материально-технической базы коммунизма, развитие социалистических общественных отношений, формирование человека коммунистического общества. «Таковы важнейшие задачи, стоящие перед партией в области внутренней политики в период развернутого строительства коммунизма» – написано в стенограмме XXII съезда КПСС [19, с. 78]. Фактически, данная задача являлась приоритетной на протяжении всего исследуемого периода, т.е. являлась основополагающим вопросом государственной политики, в том числе и в социокультурной сфере.

Вторая задача, которая прослеживается в анализируемых стенограммах съездов – это улучшение социально-культурного обслуживания населения.

В нормативных документах наблюдается тенденция на постоянное улучшение кадрового обеспечения культурно-просветительских учреждений и учреждений искусства, повышения их роли в общественно-политической жизни и организации досуга населения, а также повышение роли социалистической культуры и искусства в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании советских людей, формировании их духовных запросов.

Последней немаловажной задачей в контексте культурной политики государства являлось укрепление из года в год материальной базы учреждений культуры, особенно в сельской местности и в новых районах промышленного строительства, а также их количественный рост.

Необходимо также отметить, что культурно-просветительным учреждениям ставилась задача разъяснения основных положений, выносимых в рамках съездов, обществу.

Рассмотрим реализацию вышеуказанных задач в учреждениях культуры Волгограда. В городе в исследуемый период отмечается рост сети культурных учреждений. Это, естественно, напрямую было связано с решениями съездов КПСС, т. к. особое внимание уделялось развитию сети культурно-просветительных учреждений. В соответствии с этими решениями на региональном уровне разрабатывались планы по развитию сети учреждений культуры. На XXIII съезде КПСС, который проходил с 29 марта по 8 апреля 1966 г. была поставлена задача реализовать широкое развитие сети учреждений культуры и искусства и всесторонне улучшить культурное обслуживание населения, особенно в сельской местности. Также предполагалось увеличить число клубов, укрепив их материально-техническую базу. В следствии этого, за период 8 пятилетки в Волгограде в исследуемый период отмечается рост сети культурных учреждений. Так, решением Исполнительного комитета Волгоградского областного Совета депутатов трудящихся № 14/775 от 9 июня 1967 г. было постановлено продолжить строительство в Тракторозаводском районе Волгограда Дома культуры алюминиевого завода сроком до конца 1967 г. [15]. В ноябре 1967 г. в Волгограде был открыт Дворец культуры нефтеперерабатывающего завода, который был хорошо оборудован для проведения культурно-массовых мероприятий – два зрительных зала, библиотека, двадцать комнат для художественной самодеятельности и спортивный зал [21, с. 228]. В новостных колонках газеты «Вечерний Волгоград» отмечается, что осенью 1976 г. состоялось открытие Дворца культуры и техники «Химик» производственного объединения «Каустик» [4]. Также в декабре 1981 г. свои двери открыл Дом культуры Управления внутренних дел [5]. Данный Дом культуры был создан с целью организации досуга государственных служащих и их семей.

За период восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) в Волгограде было построено 2 новых Дома культуры, девятой (1971–1975 гг.) – планировалось ввести в эксплуатацию 7 Домов культуры и клубов [12]. Можно утверждать, что в исследуемый период в Волгограде планомерно реализовывались показатели по культурному строительству.

К 1966 г. культурно-просветительскими учреждениями накопили значительный опыт в своей деятельности, ими использовались следующие формы работы: прежде всего лекции, доклады, тематические вечера, устные журналы, концерты художественной самодеятельности, диспуты, вечера чествования передовиков сельского хозяйства, кинолектории, такие праздники как: юности, песни, русской зимы, урожая, новые советские обряды при регистрации брака, новорожденных и др. Таким образом,

на данном этапе уже отмечается необходимость поиска новых форм пропаганды и агитации, воспитания нового советского человека в условиях стремительного развития науки и техники, требующих соответствующих знаний, в условиях все возрастающих духовных запросов советских людей. На фоне этих требований выделяется проблема нехватки кадров и она становится насущной [14].

Анализ архивных материалов за период 1965–1976 гг. позволил констатировать следующее: в рамках реализации государственной политики из года в год возрастала роль военно-патриотического воспитания населения. Так, в Доме культуры Верхне-Зареченского посёлка были проведены тематические вечера «Имена на проверке», «Земляки герои войны и труда», устный журнал «Никто не забыт, ничто не забыто». За год было проведено 20 тематических вечеров и устных журналов [13]. В справке «О работе учреждений культуры с детьми и подростками», датированной маем 1970 г. указывается, что проводится большая работа в направлении военно-патриотического воспитания, наибольшим спросом пользуются вечера на темы «Памяти павших будьте достойны!», «Великий подвиг», «О тех, кто борется за счастье». В ходе данных вечеров были организованы встречи с героями войны и труда с подрастающим поколением [8]. Таким образом, значительная часть работы Домов и Дворцов культуры была направлена на подростков и новое поколение, воспитание в них чувства патриотизма и гордости за свою страну, сохранения исторической памяти.

Одновременно государство решало задачу, направленную на реализацию культурно-досуговой деятельности советских граждан. Таким программным документом стало постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. № 199 «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями». Согласно ему, Дворцы и Дома культуры были обязаны начать разработку и реализацию мероприятий по улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих в условиях двухдневного отдыха, обеспечить необходимые изменения режима работы учреждений культуры и искусства, применительно к новым условиям труда и отдыха рабочих и служащих [23]. В справке Волгоградского городского отдела культуры Исполкома городского совета депутатов трудящихся «об улучшении культурного обслуживания трудящихся в условиях пятидневной рабочей недели» указывается, что Дома культуры Волгограда в условиях пятидневной рабочей недели оперативно перестроились на новые условия работы – почти всю свою массово-политическую работу перенесли на субботу и воскресенье [6].

Следует заметить, что работа культурно-просветительских учреждений не была идеальной. Не всегда своевременно реализовывались программные документы на местах, об этом было подробно указано в контексте досуговой-деятельности в справке «О совместной работе районных отделов культуры и постоянных комиссий по культуре» за 1970 г. Констатируется, что в работе культурно-просветительских учреждений присутствуют недостатки, а именно:

1. Проводимая культурно-просветительскими учреждениями работа недостаточно рекламируется и освещается в местных газетах.

2. Во всех учреждениях культуры имеются ленинские уголки, комнаты, хорошо оформлены стенды, книжные выставки, которые интересно раскрывают жизнь и революционную деятельность Ленина, но недостаточна связь с современностью. Отмечается, что нет героев сегодняшнего дня, плохая связь с местным материалом, также имеются альбомы, витрины «Наши знатные люди», где раскрывается материал из газет по стране, но нет материала о героях и передовиках района.

3. Массовые мероприятия проводятся без тщательной подготовки, из чего следует, что данные мероприятия скучны и неинтересны зрителю, а главное содержание и интерес зрителя. Не указывается, какая достигается цель проведения того или другого вечера и добились ли организаторы выполнения целей мероприятия. Также иногда мероприятия проводятся при малочисленной аудитории [9].

4. Недостаточно организована культурно-массовая работа в дневное время для рабочих и служащих, занятых в вечерних и ночных сменах [10].

Выполнение задач в социокультурной сфере, определяемых на съездах КПСС возлагалось на исполкомы регионов, в рамках исследуемой темы – исполкомы Волгограда и Волгоградской об-

ласти. Исполкомами утверждались планы мероприятий, проводимых Домами и Дворцами культуры. То есть реализация данных задач непосредственно относилась к Домам культуры. Так, в справке «О работе учреждений культуры и искусства по выполнению решений XXIV съезда КПСС» от 3 июня 1971 г. указывается необходимость 1–2 раза в месяц проводить в клубах и Домах культуры кинолектории под девизом «Два мира – две идеологии», «XXIV съезд КПСС – новая важная веха в жизни партии, всего нашего народа», «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи» [11]. Данная справка позволяет проследить реализацию решений съездов КПСС исполкомами на региональном уровне.

Таким образом, деятельность учреждений культуры, в частности Домов и Дворцов культуры, анализировалась, на основе данной информации составлялся перечень проблем в работе культурно-просветительских учреждений.

К маю 1970 г. в г. Волгограде во всех Домах культуры и клубах начинают функционировать детские секторы. В справке «О работе учреждений культуры с детьми и подростками» отмечается, что в подготовке проведения праздника, приуроченному 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, учреждениями культуры была проведена большая воспитательная работа. В ДК им. Гагарина работают ТЮЗ, пионерские театры, хор, оркестр народных инструментов, духовой оркестр, хореографии и театр кукол. ДК им. Гагарина объединил свыше тысячи детей в кружки. Работают клубы: «Алые паруса», «Любители природы», музыки, техники и др. Если в 1965 г. работало 23 кружка художественной самодеятельности, то в 1970 г. работают уже 45 кружков с охватом свыше 1000 детей [7].

Таким образом, в процессе организации детского сектора можно проследить расширение работы культурно-просветительских учреждений, в частности, расширяется охват по возрастным группам, организовывается культурная инфраструктура для детей.

В учреждениях культуры продолжалась работа с населением по сохранению исторической памяти. Согласно отчету городского отдела управления культурой Волгоградского исполкома «О работе учреждений культуры за период 1971–1972 гг.», осуществлялась подготовка к празднованию 25-й годовщины разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Были разработаны мероприятия по благоустройству исторических мест, строительству памятников, увековечению памяти погибших, реконструкции памятника чекистам и др. [16]. Культурно-просветительскими учреждениями планировалось реализовать широкую пропаганду местных материалов о городе и районах, о героической защите и труде волгоградцев за 25 лет; провести встречи с участниками боев за город, героями социалистического труда, обзоры литературы о великой битве на Волге; организовать фотовыставки, фото-монтажи, отражающие жизнь Волгограда за 25 лет до войны и послевоенный Волгоград; провести кинофестиваль «Великая Сталинградская битва» [17]. Так же в исследуемый период юридически оформляется статус «ветерана» [3].

Эти мероприятия были направлены на реализацию государственной концепции по сохранению исторической памяти, являвшейся составной частью государственно-патриотической идеологии, определявшей жизнедеятельность советского общества на протяжении пяти послевоенных десятилетий.

Анализ региональных архивных документов позволяет сделать вывод: деятельность Домов культуры Волгограда выстраивалась на основе решений съездов ЦК КПСС, постановлений Советского правительства; в работе с населением городские Дворцы и Дома культуры использовали разнообразные формы по реализации государственной политики в социокультурной сфере в рассматриваемый период.

Реализация на современном этапе национального проекта «Культура» свидетельствует о востребованности в обществе, в частности, данных культурных учреждений, их деятельности по патриотическому воспитанию молодежи, изучению, сохранению и использованию исторического наследия Отечества, наконец, удовлетворению досуговых занятий у значительной части социально-демографических групп населения.

Литература

1. Беженцева А.Р. Культурно-просветительская деятельность Домов культуры Волгограда в середине 1960-х – 1980-х гг. // Студенческое сообщество и современная наука: материалы Всерос. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Елец, 8 апр. 2021 г.). Вып. 7. Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2021. С. 23–30.
2. Беженцева А.Р. Политика советского государства по развитию региональных учреждений культуры в 1917–1945 гг. (правовой аспект) // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2019. № 5(28). С. 31–33. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1569926375.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).
3. Беженцева А.Р., Орешкина Т.Н. Деятельность домов культуры г. Волгограда по сохранению исторической памяти в сер. 1960-х – сер. 1980-х гг. // Электрон. науч.-познават. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2021. № 6(77). С. 110–114. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1638444515.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).
4. Вечерний Волгоград. № 268(568). 1981. 21 нояб.
5. Вечерний Волгоград. № 300(600). 1981. 31 дек.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 261. Л. 119.
7. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 1.
8. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 2.
9. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 7.
10. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 9.
11. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 25.
12. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 278. Л. 28.
13. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 416. Л. 2.
14. ГАВО. Ф. Р-6531. Оп. 2. Д. 169. Л. 64.
15. ГАВО. Ф. Р-6531. Оп. 2. Д. 191. Л. 3.
16. ГАВО. Ф. Р-6531. Оп. 2. Д. 296. Л. 46.
17. ГАВО. Ф. Р-6531. Оп. 2. Д. 296. Л. 48.
18. Дворцы и дома культуры // Академик. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/82842/%D0%94%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%86%D1%8B1> (дата обращения: 25.12.2021).
19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11. 1966–1970. 9-е изд. М.: Политиздат, 1986.
20. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12. 1971–1975. 9-е изд. М.: Политиздат, 1986. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13. 1976–1980. 9-е изд. М.: Политиздат, 1987.
21. Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941: сб. документов и материалов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981. Т. 2. С. 228.
22. Национальный проект «Культура». [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 25.12.2021).
23. Постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. № 199 «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70262914/> (дата обращения: 25.12.2021).

ALINA BEZHENTSEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN SOCIOCULTURAL SPHERE IN THE MIDDLE OF THE 1960S – THE MIDDLE OF 1970S (based on the Houses of Culture in Volgograd)

The article deals with the activities of the Houses of Culture in Volgograd in the context of the implementation of the state policy of the Soviet State in the sociocultural sphere in the announced period. There are analyzed the directions and forms of the work of the cultural institutions with the public in Volgograd.

Key words: sociocultural sphere, regional study, cultural institutions, Houses of Culture, state policy.

УДК 93/94

А.А. ВАЛУЕВА

(*aangelinavaluevaa@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ: УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ*

*Приводятся примеры героизма женщин – участниц защиты Сталинграда на фронте и в тылу.
На основе анализа источников анализируется их вклад в победу над немецкими захватчиками.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, роль женщин, войска ПВО, разведчицы, поддержка тыла.*

В различные исторические периоды роль женщин, их деятельность имела влияние разной силы и имела разную оценку со стороны общества. Великая Отечественная война явилась серьезным испытанием для советского народа, который долгих четыре года шёл к победе. Но не только на фронте женщины заменили мужчин. Все трудности тыловой работы, упали на хрупкие женские плечи. Они снабжали Красную Армию самыми нужными вещами: оружием, боеприпасами, продовольствием. Взаимодействие фронта и тыла – один из важнейших факторов Великой победы.

В обзорной статье оценивается вклад женщин в историю Сталинградской битвы, что является актуальной темой для развития региональной исторической науки.

Описание и признание вклада женщин в победу в Сталинградской битве началось ещё когда велись кровопролитные бои за город. Первыми выступали журналисты, фотокорреспонденты, а потом слава об умелых женщинах в рядах Красной армии распространялась посредством «сарафанного радио». Маршал Советского Союза Андрей Ерёменко, который командовал Сталинградским фронтом, написал в мемуарах: «Едва ли найдётся хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы» [3, с. 297]. С самого начала войны газеты транслировали достижения тружеников тыла.

В послевоенный период тема женщин на войне рассматривалась и активно изучалась, но самыми крупными исследованиями, посвященными вкладу советских женщин в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне, являются книги А.И. Польской и В.С. Мурманцевой. Благодаря тому, что источниковая база имеет большое количество материала, авторам удалось охватить широчайший спектр вопросов: от деятельности советских женщин в тылу до участия в подпольном движении [10, с. 13].

Так, в статье «Вклад З.В. Ермольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны» А.В. Злепко, М.Н. Скаковский, О.А. Сукачева описан вклад выдающегося советского ученого-микробиолога Зинаиды Виссарионовны Ермольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны. В сложнейших условиях военного времени глубокое чувство долга и ответственности, высокий профессионализм помогли Ермольевой успешно отразить эпидемиологическую угрозу холеры [5, с. 10].

«Женщины в солдатских шинелях» (Волгоград, 1987) – книга Людмилы Овчинниковой, в которой увековечен героический подвиг женщин, вставших в один ряд с защитниками Сталинграда [8, с. 241].

В то же время в вышеприведённых исследованиях отсутствует комплексное рассмотрение основных форм деятельности и вклада женщин в Сталинградскую битву, чем и обосновано написание настоящей работы. Так, необходимо отметить особый вклад защитниц Сталинграда в сфере медицины.

Медицинская служба выполнила сложнейшие задачи в военной сфере: вынос раненых с места сражения, оказание первой помощи. Эти действия требуют не только физической силы, но и особых навыков. На помощь мужчинам-санитарам пришли женщины. В Тракторозаводском районе было организовано 180 групп по изучению санитарного дела и ПВХО, в которых занималось 8375 женщин.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Многие из них отдали собственные жизни, во имя победы. Оборонительный период Сталинградской битвы, который характеризуется боями страшной силы, женский состав медицинских бригад остался верен своему Отечеству и профессиональному долгу. Это доказывают случаи, когда санитарки и медсестры при оказании медицинской помощи раненым превозмогли собственные возможности. Так же во время переправы через Волгу от женщин требовалась самоотверженность и внутренняя сила, которая позволяла сохранять спокойствие и выдержку в условиях интенсивных налётов вражеской авиации [1, с. 57].

Кроме того, в г. Сталинграде для дополнительной помощи действующим госпиталям был развернут 8-й Обсервационный пункт с 100 госпитальными и 1400 обсервационными койками, из них 50% – для воинских частей и 50% – для гражданского населения [4, с. 59]. В течение 1942 г. в госпиталях г. Сталинграда прошло лечение более 53 тыс. раненых и больных красноармейцев, всего в области – 93,5 тыс. Много женщин записывались в ряды доноров и приходили на подмогу медсёстрам.

На передовой Сталинградского фронта оказывали помощь раненым бойцам Герои Советского Союза В.О. Гнаровская, М.С. Боровиченко, В.С. Кашеева, З.И. Маресева. Орденом Ленина награждены более 20 медиков, за храбрость отмечены медалями свыше тысячи женщин-медиков. М. Кухарская, Н.А. Качуевская, М. Таранима, Е.А. Дмитриева (похоронена на Мамаевом Кургане), М.В. (Гуля) Королева и другие – навсегда записали свои имена в историю Сталинградской битвы, благодаря своей смелости и самоотверженности, не жалея жизни они спасали советских воинов. Единственная женщина-медик полный кавалер орденов Славы – санинструктор М.С. Нечипорчукова (Ноздрачева) прошла путь от Сталинграда до Берлина.

Опыт работы, полученный медицинской службой в крайне сложных условиях периода обороны города, был использован в Сталинградской наступательной операции и в дальнейшей истории военной медицины [1, с. 3].

Помимо медицины, женщины успешно осваивали все военные профессии. Начнём рассмотрение данного аспекта с девушек-зенитчиц.

23 августа состоялась крупнейшая бомбардировка Сталинграда, которая привела к страшным последствиям: превратила город в руины и унесла жизни более 40 тысяч человек, а это более половины жилого фонда. Авианалёт – не единственная проблема того дня. Так, к 16 часам вечера 14-й танковый корпус генерала фон Виттерсгейма вышел на северную окраину Сталинграда в районе посёлков Латошинка, Акатовка и Рынок.

Немецкие танки 16-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Хубе начали наступление в районе Тракторного завода, который находился чуть дальше километра от заводских цехов. За ними следовали две моторизованные и несколько пехотных дивизий.

Планам противника не суждено было сбыться. Против него встали три зенитных батареи второго дивизиона 1077-го полка зенитной артиллерии, которые состояли из женского персонала. Командование было возложено на капитана Луку Ивановича Даховника. Немцы и не догадывались, что 75% личного состава полка были девушками, средний возраст которых составлял 18 лет, то есть добровольцы [4]. Возникает вопрос «Как?». Как могли юные зенитчицы противостоять железной немецкой армаде? Вчерашние школьницы начали аккуратно и методично, словно в тире, расстреливать немецкие танки. Часть зениток взяли на себя выполнение основной функции – защиты неба, часть — продолжила борьбу с танками. Получая тяжелые ранения и теряя своих боевых подруг, но при этом упорно уничтожая врага, ценой своей жизни девушки продержались двое суток. Советские зенитчицы за два дня боёв подбили 83 немецких танка, 15 грузовых автомобилей, 17 самолётов и уничтожили три батальона пехоты, но и все 37 наших орудий были уничтожены [9, с. 216]. Подвиг зенитчиц 1077-го полка является примером силы и сплоченности сталинградских защитниц.

Женщины освоили не только работу с зенитными установками в войсках ПВО, но и служили в автобронетанковых войсках. Считается, что за годы войны менее двух десятков женщин стали танкистками. А из них тех, кто окончил танковые училища (наряду с мужчинами), было всего трое. Однако на Сталинградской земле билась Екатерина Петлюк. Ей достался лёгкий танк Т-60, на его башне

было написано: «Малютка». «Вот уже в точку попали – малютка в “Малютке”, приговаривали сослуживцы» [12, с. 345]. Екатерина числилась в составе 56-й танковой бригады. В ходе Сталинградской битвы её связной танк «Малютка» (командир танка – Николай Козюра) выполнял задачи разной сложности: приходил на подмогу командирам, выручал ремонтные бригады, доставлял приказы с удивительной скоростью. 16 ноября 1942 г. произошёл особый случай: вовремя увидев в темноте минное поле, танкистка спасла жизнь командирам. По воспоминаниям капитана Лепёхина, «когда мне сказали, что танк поведет женщина, я, честно говоря, испугался. Думал, лучше пешком пойду. И как ты могла провести танк? А минное поле? Как ты могла его почувствовать?» [Там же, с. 350]. А она почувствовала, ещё как. Всего с декабря 1942 г. по январь 1943 г. на боевом счету механика-водителя танка Т-60 204-го танкового батальона 90-й танковой бригады старшего сержанта Е.А. Петлюк было 10 боевых выходов, в составе экипажа она уничтожила 10 блиндажей, три автомашины и до 80 солдат и офицеров противника, «показала образцы мужества и героизма, отлично овладела искусством вождения танка в любых условиях боя и местности» [8, с. 200]. Награждена орденом Красной Звезды (7 февраля 1943 г.) [12, с. 673].

Помимо успешной работы с военной техникой, женщины освоили все тонкости разведывательной службы. Среди патриоток Сталинграда многие работали разведчицами. Они бесстрашно пересекали линию фронта, добывали ценные сведения у противника и доставляли их командованию. В рапорте майора Перекальского в ЦК ВЛКСМ и Центральный штаб партизанского движения о деятельности молодёжи и комсомольцев в составе партизанских отрядов и диверсионных групп Сталинградского и Южного фронтов от января 1943 года немало внимания уделяется грамотной работе разведчиц, их самоотверженности. А.М. Павлова, А.В. Пурнова, М.В. Букина, Л.П. Адашева были высоко оценены руководством. Они оперативно доставляли сведения о боевых порядках противника, а также наличии и марках автотранспорта в районе большой излучины р. Дона. Проведение разведки на этой территории являлось необходимостью в интересах 65-й армии перед наступательными действиями в районе среднего Дона. 6 ноября 1942 г. приказом № 12/Н войскам 65-й армии партизанки-разведчицы «За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» были награждены правительственными наградами. Однако разведчицами были не только молодые девушки, женщины также участвовали в разведывательных группах. Так, Ф.М. Пирогова в возрасте 48-ми лет с августа 1942 года 18 раз ходила в разведку. Была захвачена в плен, героически выдержала нечеловеческие пытки и не выдала военной тайны. Дома ее ждали два ребёнка, но маму они больше не увидели [2, с. 25].

Ещё одним подтверждением героизма женщин на войне является то, что они бесстрашно покоряли небо. Особое уважение получили женщины, служившие в Военно-воздушных силах, они овладели мастерством боевых налетов всех видов: истребление, бомбардировка, штурм. Сентябрь 1942 года стал решающим: прибыли на Сталинградский фронт Клавдия Нечаева, Раиса Беляева, Екатерина Буданова, Клавдия Блинова, Антонина Лебедева, Лилия Литвяк («Белая Лилия Сталинграда»), Мария Кузнецова, Ольга Шахова. Их направили из женских авиационных полков, создала которые великая летчица 1930-х годов Марина Раскован- Герой Советского Союза. Девушки состояли в 587-го БАП, имели в вооружении пикировщики Пе-2. Через месяц они закончили спецподготовку и были готовы к боевым действиям 25 октября 1942 г., а через три дня их добавили в состав 270-й БАД. «Пешки» работали и за штурмовиков, и за истребителей – били врага днём и ночью. Благодаря им «сталинградский воздушный мост» пал. Статистика врага гласила: Люфтваффе лишились 488 самолетов, это были внушительные цифры, которые повергли в ужас весь Восточный фронт.

Важным фактором для победы являлось сотрудничество фронта и тыла. В дни Сталинградской битвы неизмеримо выросла роль женщины, на плечи которой легли задачи по укреплению колхозного хозяйства в трудных условиях войны, снабжению страны и фронта продовольствием, промышленным сырьем, оружием и боеприпасами. Сталинградские женщины начали повышать производительность и укреплять тыл еще в 1941 г. Об этом свидетельствует Водолагин (секретарь обкома ВКП(б))

в своей докладной записке в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 01.08.1941 г.: «Работницы Сталинградского тракторного и метизного заводов выполнили нормы на 150–300%» [13, с. 206]. Также упоминается, что женщины массово заменяют ушедших на фронт мужей: на лесном участке Сталинградского порта в рядах грузчиков работало 64 домохозяйки, на Тракторном заводе 300 женщин осваивают мужские профессии у станков, по области 8000 женщин обучаются вождению тракторов и комбайнов [Там же, с. 207]. С приближением и во время Сталинградской битвы жизнь женщин усложнилась в разы, но они продолжали оказывать крепкую поддержку фронту, преодолевая себя каждый день.

Так, трудовые мобилизации населения следовали одна за другой. Летом 1942 г., когда немцы приближались к Сталинграду, к строительству стали привлекать девушек от 16 лет. Женщины, после 12-часовых смен на заводе, трудились на строительстве оборонительных рубежей, рыли противотанковые рвы, огневые точки, устанавливали проволочные заграждения, возводили баррикады [4, с. 56]. Главными строителями железной дороги «Сталинград-Владимировка» с паромной переправой, а также основного участка железной дороги «Иловля-Камышин» протяжённостью 144,5 км были именно женщины. Им приходилось работать в невероятно трудных условиях – открытая степь не располагает укрытиями от дождя и холода, промокшую одежду часто сушить было негде, не хватало медикаментов и отдыха [6, с. 213]. Благодаря их самоотверженной работе железнодорожные ветки сыграли огромную роль в обороне Сталинграда и в подготовке контрнаступления советских войск.

На заводах женщины не ограничивались освоением одной мужской профессии, обучались нескольким. Работница Плетнева за несколько дней освоила работу на станке. Здесь, под непрерывной бомбёжкой и обстрелом, она продолжала ремонт танков. В моторном цехе Литвинова продолжала шлифовать детали, а в день, когда в цех попала бомба и часть корпуса загорелась, она вместо 30 выпустила 37 деталей. Патриотки сталинградской области повседневно повышали производственную активность. На селе женщины также заменили мужчин, их труд был нацелен на эффективность, ежедневно они повышали, превышали нормы труда, но при этом экономили ресурсы. Например, Мария Целина и Евдокия Хрипунова на комбайнах «Коммунар» вместо нормы 15 га убирали по 20 га в день. Трактористка Родионова на культивации пара ежедневно вырабатывала по две нормы, но сэкономила горючего до 10 кг. На уборке урожая, на животноводческих фермах, хлопковый бригаде – всюду колхозницы самостоятельно работали на благо своей Родины.

Помимо труда на производстве и помощи в госпиталях, в оставшееся время женщины готовили посылки фронтовикам. На митингах они обращались к своим соратницам, чтобы после работы на заводе, в учреждении, в колхозе использовать свободные часы девушки тратили на подшивку тёплой одежды для Бойцов. Так, зимой и осенью 1942 г. было изготовлено и передано на фронт 5 тыс. тёплых одеял, 10 тыс. матрацев и наволочек, 5 тыс. полотенец и 3 тыс. медицинских халатов, выстирано 25 тонн белья [12, с. 78–79].

Неоценим вклад женщин в победу в Сталинградской битве. На фронте они не уступали мужчинам, бились с ними плечом к плечу. За всю историю Великой Отечественной войны ранее медицинская служба не имела опыта обеспечения войск, которые вели тяжёлые бои в крупном административно-промышленном центре. Были применены инновационные методы в организации переправы раненых и больных через мощную водную преграду и их массовой эвакуации речным транспортом. В войсках ПВО также были успехи: подвиг зенитчиц 1077-го полка преградил массированное наступление врага 23 августа. Женщины служили и в автобронетанковых войсках, развеяв миф об истинно мужской профессии. Летчицы вселяли неистовый страх, уничтожив пикировщиками Пе-2 более 400 самолетов противника. Разведчицы подтвердили своё мастерство в многочисленных операциях по добыче секретных документов гитлеровцев. Некоторые из них навсегда остались лежать в городе у Волги. Они пали смертью храбрых, но обрели бессмертие в памяти народа. Некоторые продолжили воевать, даже дошли до Берлина. В тылу женщины были готовы отдать последнее, что у них было, лишь бы помочь Красной Армии отстоять Сталинград. Не покладая рук, они трудились на заводах, в сельском хозяйстве, освоив сложнейшие мужские профессии. После многочасовых смен они продолжали работать на благо Родины.

Литература

1. Адрианова Н.В. Женщина в белом халате // Подвиг народа и слава Отечества: вехи истории: материала Межд. науч.-практ. е-конф, посвященной 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г.). М.: Планета, 2015. С. 57–58.
2. Бавыкина Л.В. Женщина на войне: без скидок на слабый пол // Подвиг народа и слава Отечества: вехи истории: материалы Межд. науч.-практ.-конф, посвященной 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г.). М.: Планета, 2015. С. 58–60.
3. В тылу и на фронте: Женщины-коммунистки в годы великой отечественной войны / ред.-сост. Л.И. Стишова. М.: Политиздат, 1984.
4. Герасимова Т.А. Эти удивительные сталинградцы. Волгоград: Волгоградрегионгаз, 2002. С. 73–141.
5. Злепко А.В., Скаковский М.Н., Сукачева О.А. Вклад З.В. Ермолевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны // Здоровье населения и среда обитания – ЗНИСО. 2017. № 4(289). С. 4–6.
6. Каменева Г.Н. Роль женских военных формирований войск ПВО в битвах за Кавказ и Сталинград (1942–1943 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 3. С. 49–53.
7. Куманев Г.А. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. М.: Наука, 1976.
8. Овчинникова Л.П. Женщины в солдатских шинелях. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987.
9. Мешков Д.О. Зенитчица Сталинграда // Подвиг народа и слава Отечества: вехи истории: материала Межд. науч.-практ.-конф, посвященной 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г.). М.: Планета, 2015. С. 215–219.
10. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974.
11. Панина Н.В. Исторический вклад советских женщин в обеспечение стабильности тыла и организацию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны: По материалам Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра историч. наук. М., 2002.
12. Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / пер. с нем. К. Левинсона; отв. редактор Й. Хелльбек; послесл. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
13. Студеникина Е.В. Героический подвиг женщин в Великой Отечественной войне // История России: на перекрестке мнений: сб. науч. ст. по итогам III межрегион. ист. чтений, посв. памяти проф. Б.С. Абалахина (г. Волгоград, 2–3 марта 2006 г.). Волгоград: Изд-во ВГПУ «ПЕРЕМЕНА», 2007. С. 206–211.
14. Фомина Е.К. Сила слабых: женщины на Великой Отечественной войне // Подвиг народа и слава Отечества: вехи истории: материала Межд. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (г. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г.). М.: Планета, 2015. С. 296–297.

ANGELINA VALUEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IN THE LINES AND IN THE REAR: WOMEN'S PARTICIPATION IN THE BATTLE OF STALINGRAD

The article deals with the examples of the heroism of the women – participants of the defense of Stalingrad in the lines and in the rear. Based on the analysis of the sources there is analyzed their contribution in the victory over the German invaders.

Key words: the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, women's role, air defense team, secret service women, support of rear area.

УДК 339.5

Е.С. ГРЕКОВА
(grekovaes@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ ЭКОНОМИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Раскрывается важность внешней торговли, как существенного экономического показателя благополучного развития государства на этапе развития Древнерусского государства. Рассматриваются ранние формы торговли в Древней Руси, а также некоторые аспекты социально-экономического развития Древнерусского государства. На основе используемых данных автор выявляет условия, необходимые для осуществления активной внешней торговли, определяет ценность торгового пути «из варяг в греки» в процессе становления и развития Древнерусского государства.

Ключевые слова: внешняя торговля, древняя Русь, путь из «варяг в греки», внешнеторговые договоры, древнерусское государство.

Традиционно внешняя торговля выступает одним из существенных компонентов в экономическом развитии государства. Геополитика предполагает взаимосвязь между возникновением государства Древней Руси и развитием путей во внешней торговле, которые связывали Восток и Запад – путь «из варяг в греки», а также Великий Волжский путь. Данные торговые пути являются ключевыми элементами для государственности и политической целостности финно-угорских, восточнославянских, тюркских племен.

В политическом и социальном плане участие перечисленных племён во внешней торговле послужило для ускорения разложения родоплеменного строя в виде объединения существующей структурном общинном разделении и увеличения следующего благосостояния: продукты питания, крупный рогатый скот, предметы домашнего обихода и, наконец, человеческие ресурсы. Таким образом, общественные старшины данных народов получили возможность упрочнить свои позиции и преодолеть ограничения экономического роста, присущие племенным обществам.

Политически, направления торговых путей стали ориентирами для военного захвата дружин князя Олега. На самом деле, непосредственным результатом похода Олега на Киев явилось не только рождение государства Древней Руси, ведь государственность как явление не ограничивается только с точки зрения территории, а формирование Древнерусского государства не было одноэтапным процессом, историческое значение завоевания Киева в 882 г. гораздо шире. В частности, это означало упрочение руководящей роли над значимым торговым путем, со стороны контроля скандинавского государя и его дружины, а также финно-угорских племен, ильменских словен. Походы Олега в дальнейшем свидетельствуют об этом.

Государство и правящий класс на Руси выдвигали на первый план экспорт сырья, изделий кустарного промысла, излишков собранной дани, а также рабов, но также интерес вызывал ввоз золота, серебра и прочих товаров, которых не было на русской земле. Это подтверждается в ранних договорах между Русью и Византией, в которых значительное число вопросов отводилось теме торговли.

Уже в договоре 907 г., заключенном по итогам успешной для Руси военной кампании, были прописаны статьи, где славяне могли торговать без каких-либо ограничений в виде пошлин («да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же») [3, с. 9].

Русские купцы жили недалеко от Константинополя во дворе монастыря св. Мамонта, в город они могли попасть небольшой толпой в составе 50-ти человек (не более) совместно с императорским чиновником, который охранял их. Торговцы подчинялись законам страны, их приход и, возможно, отъезд регистрировались. В Повести точно упоминается, что путешествия купцов происходили с ведома князя («да запретить князь... приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех и в стране на-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

шей») [3, с. 10], и им разрешалось торговать только при предъявлении княжеских серебряных печатей. Через полгода, когда они планировали возвращаться на Родину, они получали продукты питания, якоря, снасти, паруса и другие нужные предметы для путешествия. В это же самое время, купцы Византии получили подобный статус в Киеве. То, что Киев долгое время торговал с Византией, видно из слов Олега, который якобы сказал киевлянам: «Гость есмь, и идем в греки от Олга и от Игоря княжича» [Там же, с. 7].

Договор 911 г. подтверждает, что был предусмотрен отказ от применения берегового права, которое преобладало в средние века, поскольку оно подтверждало неприкосновенность терпящих крушение корабельных судов, их товаров и помощи для самих корабельщиков. Русь была заинтересована в операциях в Черном, Каспийском и Балтийском морях и в реках, соединяющих их, и предпочитала упорядоченную торговлю вместо грабежей со стороны пиратов.

Главный торговый путь «из варяг в греки» в древнерусском государстве проходил по соответствующей дороге: начало велось от устья Невы, затем к Ладожскому озеру, следом проходя Волхов к Ильменскому озеру, затем по Ловати к Днепру и от него к Черному морю в Константинополь и другие города Византии (см. рис.).

Рис. Путь из «варяг в греки»

Тут важно внести уточнение о том, что путь из варяг в греки вплоть до IX в. выглядел иначе. Его начало совпадало с классической версией «Повести временных лет»: от устья Невы до Ладожского озера, оттуда через Волхов к озеру Ильмень, затем корабли плыли от озера Ильмень по реке Поле и ее притоку, реке Шеберихе до волостей в верховьях Волги и до озера Селигер. Или по реке Свирь до Онежского озера и реки Вытегра, откуда корабли врезались в реку Ковжа, преодолев примерно 8-километровую волостную дорогу, а затем выходили через озеро Белое по Шексне к Волге. На Волге торговые корабли заходили в устье Оки, поворачивали в Оку и двигались к ее истоку, после чего корабли подтягивались к верхнему Дону, по которому шли к Азовскому морю, а оттуда к Черному морю [6, с. 21].

Необходимо сказать и о купеческом значении Днепра на этом направлении. Сидя на Днепре, восточные славяне оказались на этом водном пути, проходящем через всю Европу. Днепр с его притоками стал мощной артерией народного хозяйства для восточных славян и вовлек их в сложное торговое движение, происходившее в то время в юго-восточной части Европы. Днепр со своими нижними и левыми притоками приковывал славянских жителей на рынки Черного и Каспийского морей. Это торговое движение привело к освоению природных ресурсов земель, занятых поселенцами. Согласно источникам, восточные славяне главным образом занимали лесную полосу равнины. Эта зона лесов с его пушным изобилием и бортничеством давала славянам возможность для реализации внешней торговли. С того момента мех, мед и воск стали основными товарами для русского экспорта, наступило усиленное использование леса, которое продолжалось годами, и даже, веками и глубоко сформировала экономическую, социальную жизнь и даже национальный характер русского народа. В истории российского хозяйства почетное место среди самых ранних, так называемых, профессий заняли лесные охотники и пчеловоды.

Самое значимое место заняла торговля с Византией, т. к. проходила на уровне государства. важную роль, конечно, сыграла русско-византийская торговля. Весомое количество дани от князей Киева реализовывалась в Константинополе. Князья старались обеспечить себе в этой торговле самые выгодные условия, пытались укрепить свои позиции в Причерноморье. Если Византия нарушала торговые договоры и соглашения ограничивала влияние Руси, это, неизбежно, приводило к конфликтам и войнам. Главным наблюдением становится и то, что славяне были более активны и заинтересованы в торговле с Византией, до сих пор нет сведений о нахождении греков на территории древнерусского государства в их личных целях. Говоря о значимости торговли на Руси стоит обратить внимание на факт господства натурального хозяйства в виде товаров, эта черта прослеживается во многих традиционных обществах. Внушительное число жителей, расположенное в деревнях, была исключена из товарно-денежных отношений из-за малонаселенных российских территорий, которые часто были отдаленными и изолированными. В таких условиях торговля имела меньшее экономическое значение для жизни общества.

Внешнеторговая деятельность неразрывно существовала с системой полюдья – сбора дани, реализующегося в Древней Руси. Дань собиралась деньгами, промысловыми продуктами, пушниной. Также очевидно, что небольшая его часть состояла из крупного рогатого скота и продуктов питания. Внешнеторговая деятельность в государстве существовала с помощью собираемой дани и ее экспорта, и находилась под исключительной юрисдикцией киевского князя, его свиты и небольшой части горожан. В такой системе дружина оказалась главным действующим лицом во внешнеторговой деятельности. Можно увидеть параллели с практикой средневековья в Европе, из-за существующей политической нестабильности, лишь военизированная сила могла доставить товар в целостности и сохранности. Именно они изначально и были первыми купцами. Свободные войска, в основном из варягов, во время похода часто действовали попеременно как грабители, торговцы и наемники. Эти войска на Руси получили название гостей, позже термин гость стал обозначать оптовика, торгующего на стороне.

Можно прийти к выводу о том, что внешняя торговля древнерусского государства была двигателем и опорой всей экономики. Торговые отношения способствовали объединению и сотрудничеству разных слоев населения, это работало как в системе внешней торговли, так и во внутренней.

Литература

1. Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб.: Атеней, 1923.
2. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 81–108.
3. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; 2-е изд. подгот. М.Б. Свердлов; ред. изд-ва А.И. Строева; худож. Л.А. Яценко. СПб.: Наука, 1996.
4. Русская история: полный курс лекций, в 3 т. / В.О. Ключевский. М.: АСТ. Мн.: Харвест, 2002.
5. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
6. Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России. СПб.: ИЦ Интермедия, 2011.
7. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития, IX–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

EKATERINA GREKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FOREIGN TRADE AS THE IMPORTANT COMPONENT OF THE ECONOMY OF THE ANCIENT RUS

The article deals with the importance of the foreign trade as an essential economic indicator of the well-being development of the state at the stage of the development of the Ancient Rus State. On the basis of the used data, the author reveals the conditions that are necessary for the realization of the active foreign trade and identifies the value of the trade route from the Varangians to the Greeks in the process of the establishment and development of the Ancient Rus State.

Key words: foreign trade, Ancient Rus, trade route from the Varangians to the Greeks, foreign trade contracts, the Old Russian state.

УДК 93

А.В. ДЕМИДОВА¹, Д.А. КИРИЛЛОВ²
(demidova0621@mail.ru¹, mitya.kirillov.02@bk.ru²)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФЕНОМЕН «ДВОЕВЕРИЯ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Рассматривается советская историография феномена «двоеверия». На основе полученных данных оформлена собственная классификация взглядов советских историков.

Ключевые слова: двоеверие, историография, советский период, христианизация, язычество.

«Двоеверие» как своеобразная форма взаимоотношения язычества и православия встречается в работах ученых с конца XIX в. В названный период наметились первые попытки разбора и обоснования «двоеверия» как феномена в работах Е.В. Аничкова и Н.М. Гальковского, но говорить о полноценном исследовании проблемы было еще преждевременно [1, 4]. В конце XIX в. необходимая источниковедческая база еще не была накоплена, необходимые источники лишь позднее, уже в XX в., будут введены в научный оборот.

В целом, развитие историографии по исследованию «двоеверия» можно разделить на три этапа, и в каждом выделить несколько периодов.

1. Дореволюционный этап (XVIII – начало XX в.);
2. Советский этап (1917–1991 гг.):
 - а) 1917–1930-е гг.,
 - б) 1940-е – 1960-е гг.,
 - в) 1970-е – 1991 г.;
3. Постсоветский этап (1991 г. – по настоящее время).

В данной статье представлен советский этап изучения «двоеверия». На исследование этого периода повлияли политические аспекты жизни страны, а также новый взгляд на культуру и историю, который в то время лишь формировался. Также важно, что именно в советский период был осуществлен большой шаг вперед благодаря смещению методологических акцентов с письменных источников на археологические и этнографические, что привело к расширению привлекаемой к исследованию источниковой базы [10, с. 37–38].

Необходимо сказать, что в период с 1917 по 1930-х гг. язычество практически не изучалось, «ввиду господства во всех сферах общественной жизни и культуры воинствующего атеизма» [10]. Одним из первых ученых, чьи исследования были посвящены изучению язычества, стал Н.С. Державин [7–8], однако в его работах феномен «двоеверия» не упоминается.

Определенное место в изучении «двоеверия» на Руси занимает фундаментальная работа Н.М. Никольского «История Русской церкви». Примечательно, что историк называет целую главу своей работы «Крещение Руси и двоеверие», тем самым акцентируя внимание на данном явлении. По мнению Н.М. Никольского, «двоеверие – это борьба христианства с язычеством не только насильственным путем, но и путем идеологическим». Для начала историк обращает внимание на то, каким образом было принято христианство дружинниками Владимира. Н.М. Никольский уверен, что часть языческой дружины Владимира крестилась добровольно, однако другие слои населения – практически принудительно. Аргументацию исследователь черпает в летописных сведениях [12, с. 12]. Чтобы подробнее проследить масштабность недовольствующих, следует обратить внимание на другие города Руси. Вслед за Киевом настала очередь других городов, где христианство было введено теми же методами, что и в Киеве; в Новгороде пришлось даже пустить в ход военную силу – «Путьята крестил Новгород мечом, а Добрыня огнем». В отдаленном Ростове, где крещение прошло, по-видимому, без особых ин-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

цидентов, очень скоро наступила жесткая реакция. Первые два ростовских епископа сбежали оттуда, «не терпяще неверия и досаждения людей»; против третьего епископа, Леонтия, поднялся бунт, его хотели изгнать из города и даже убить; только четвертому епископу, Исайи, удалось «предать огню» все идолы, стоявшие в Ростове и в его области, и «напоить» тамошних жителей своим учением, вероятно, не без содействия военной силы. Если так было в городах, то в селах и лесах было, вероятно, еще хуже; к сожалению, летопись, интересующаяся исключительно княжеско-боярской и церковной аристократией, ничего не говорит о ходе обращения в «истинную» веру основной массы населения [12, с. 12]. Никольский выделяет следующие причины двоеверия:

– непонятные мотивы христианской догматики (мотив искупления остался чужд новообращенной массе): «Иисус Христос как спаситель и искупитель был для нее непонятен, не трогал ее; и вся остальная философско-теософская система, сотканная александрийцами вокруг догмата о Христе, осталась столь же чуждой и странной для славянского уха» [Там же, с. 13];

– уникальные способности византийских священников, которые в некоторых аспектах пошли на уступки славянским язычникам: «они признали реальность существования всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам, и признали святость традиционных мест и сроков старого культа, выстраивая храмы на месте прежних кумиров и капищ и назначая христианские праздники приблизительно на те же дни, к которым приурочивались ранее языческие» [Там же, с. 13–14].

Двоеверие, по мнению Н.М. Никольского, прослеживалось не только у широких масс населения, которые относительно недавно были язычниками, но и у священнослужителей: «Киевские монахи и священники из славян уверовали в теорию беса; существование беса, утверждаемое христианством, только утвердило их в вере в существование их прежних кумиров и дало возможность заменить христианскую теорию беса доморощенной: враг рода человеческого потому его враг, что его теперь не кормят» [Там же, с. 14].

Второй период, который пришелся на время Великой Отечественной войны и оттепели в различных сферах общественной жизни, характеризуется крайне скудным исследованием «двоеверия». Можно предположить, что исследование данной темы отчасти потеряло свою актуальность в связи с некоторым «потеплением» в отношении государства к церкви. Ведь даже церковные деятели признают: «Если вплоть до 1941 года храмы практически только закрывались, то уже во время войны начинают отмечаться случаи открытия новых храмов...» [5]. При этом практических материалов, которые могли бы стать подспорьем для новых открытий в этот момент еще не накоплено. Археологические материалы из раскопок В.Л. Янина, Б.А. Рыбакова, Д.А. Авдусина пока только формируют базу для будущих исследований [15, 18], активное введение их в научный оборот мы сможем проследить лишь на следующем этапе.

В 1944 г. была опубликована работа академика Б.Д. Грекова «Культура Киевской Руси». Борис Дмитриевич, исследуя культурный аспект принятия христианства, уже не может обойти стороной, хотя и достаточно косвенно, явление двоеверия. Сам термин «двоеверие» кажется ученому ошибочным по той причине, что он не отражает суть процесса в полной мере. Двоеверие – это не «две веры, живущие рядом», а одна синкретическая вера. При этом Б.Д. Греков не рассматривает вопросы, связанные с возникновением данного феномена, и не углубляется в вопросы датировки. Единственным фактором, который по мнению ученого повлиял на становление «двоеверия», является его обрусение. Но важно отметить, что само исследование не ставит целью рассмотрение феномена, а лишь ссылается на него при исследовании культуры [6, с. 37].

Подобными изысканиями можно характеризовать весь второй период советской историографии. «Старые» материалы, по мнению ученых, уже были достаточно изучены, а новые еще не были в достаточной мере представлены.

Наиболее пристального внимания историков «двоеверие» удостоилось в рамках третьего периода советской историографии – 1980–1991-й гг. К этому периоду относятся изыскания в области археологии и истории Б.А. Рыбакова. Его деятельность по изучению и реконструкции славянского язычества,

а затем языческой веры в масштабах Древнерусского государства послужила толчком для последующих поколений исследователей. Также на этот период приходится празднование тысячелетия принятия христианства, что найдет отражение в трудах историков.

Борис Александрович Рыбаков в своем труде «Язычество Древней Руси», прежде чем приступить к трактовке феномена двоеверия, отрицает стандартное его понимание. Историк отказывается трактовать двоеверие как механическое сочетание старых привычек в веровании с новыми [15, с. 667], а также считать двоеверие результатом терпимости церкви к языческим суевериям [Там же, с. 676]. В его понимании двоеверие – это продуманная система, в которой вполне сознательно сохранялись древние представления [Там же, с. 667]. По мнению Б.А. Рыбакова, двоеверие проявлялось по-разному в городе и деревне. Если деревня преимущественно оставалась языческой после христианизации, то город и княжеско-боярские круги переняли то, что казалось им привлекательным из православия, параллельно продолжая развивать и поднимать язычество на более высокий уровень [Там же, с. 802]. Подбирая и документируя примеры проявления двоеверия, Борис Александрович не обходит стороной и причины этого явления. Основную причину он видит в близости двух культур. Он считает, что язычество и христианство не могло противопоставляться друг другу, а, следовательно, не стоит ждать серьезного перелома взглядов. В мировоззрении православного народа находилось место для верований прадедов и бытового суеверия [Там же, с. 508]. Одной из причин, почему христианство не могло противопоставляться язычеству, Б.А. Рыбаков видел в относительности христианского монотеизма, в котором «бог оказался Троицей». Данный факт привел к вычленению Иисуса, ставшего заменой языческому Дажьбогу [Там же, с. 580]. Также ученый считает, что во второй половине XII в. социальные верхи могли разочароваться в поведении духовенства, к тому же в период феодальной раздробленности шло прикрепление князей к собственной земле, что привело к росту приверженцев еще существовавшего среди народа язычества [Там же, с. 667]. Вторжение же православной церкви в политику приводило к еще большему недовольству в верхах [Там же, с. 794]. Суммируя вышеперечисленное, можно сказать, что именно схожесть двух вер, а также политический аспект во многом повлияли на становление «двоеверия» по мнению Б.А. Рыбакова. Языческие воззрения в народной вере автор прослеживает вплоть до XX в. [Там же, с. 803].

В монографии «Падение Перуна» Кузьмин Аполлон Григорьевич трактует двоеверие как период, в котором между язычеством и христианством закрепляются отдельные сферы, еще не пересекающиеся друг с другом. Ученый считает, что важнейшей сферой язычества на тот момент было обожение природы, которое не входило «в интересы» лишь недавно установившегося христианства. В других случаях само христианство проявляло некоторую «гибкость», приспособляясь к праздникам, некоторым языческим обрядам и, вводя культы святых, к языческим праздникам. Примером этого ученый называет смещение празднования дня св. Бориса и Глеба на 2 мая [11, с. 200]. Само же язычество, по мнению ученого, было слишком локально, чтобы совершать попытки реставрации на территории всего государства, а также «оборонительный» характер верования не приводил к увеличению численности последователей и росту влияния [Там же, с. 198]. Лишь в XV в., по мнению профессора, православие обретет те характерные византийские черты, которые позволят искоренить двоеверие. Этот период ученый связывает с периодом централизации государства, когда «подчинение требованиям церкви становится одним из средств усиления контроля социальных верхов над низами» [Там же, с. 282].

Георгий Георгиевич Прошин в своей работе «Второе крещение», входящую в сборник «Как была крещена Русь», представляет свое мнение относительно двоеверия. Он полагает, что народное христианство – православие «слилось с древними верованиями и пропиталось ими» [9, с. 153]. Как полагает ученый, двоеверие было вызвано многими, не коррелирующимися друг с другом, причинами. К примеру, в основу он положил географический фактор, который привел к быстрому установлению христианства на Юге, в Киеве, и стал причиной затянувшегося до середины XII в. крещения в более северных землях [Там же, с. 13]. При этом в развитых торговых городах язычество отмирало самостоятельно, «в силу менявшихся порядков и несоответствия жизненным условиям» [Там же, с. 33]. Поэтому

к язычникам некоторое время будут относиться спокойно, новая вера не будет ощущать необходимости противостоять старой [9, с. 145]. В проповеди волхва в 1071 г. историк видит факт существования среди основного населения Киева язычников [Там же, с. 141]. Вместе с этим, подобно А.Г. Кузьмину, Г.Г. Прошин говорит о разных сферах влияния обеих вер [Там же, с. 145]. Ученый выделяет факт ведения богослужения на славянском языке и крещения Руси славянскими князьями, что приведет, по его мнению, к трансформации веры и невозможности контроля Византии над процессом христианизации. Как следствие, само двоеверие ученый считает явлением, которое имеет место в народной вере до настоящего времени [Там же, с. 153].

Другого же мнения относительно трактовки двоеверия придерживается Борис Раушенбах. В своей статье «Развитие Киевской Руси как результат ее христианизации» ученый выделяет двоеверие как переходный период, в котором наряду с «главной» религией, на окраинах продолжает сохраняться язычество. Объясняется это, по мнению Б. Раушенбаха, тем фактом, что языческие жрецы продолжали выполнять общественно-полезные функции – лечение больных и т. п. Но он также считает, что говорить о двоеверии возможно лишь в течение ста лет после принятия христианства, другие же проявления язычества в культуре, такие как вера в некоторых духов (леший, домовый) сохранялись до XX в., и объясняет это как явление русской культуры, в которой слилось и византийское, и языческое [14, с. 42].

Еще один ученый, внесший вклад в изучение двоеверия – Олег Михайлович Рапов. В своей работе «Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства» он затрагивает вопросы, связанные с установлением христианства, а также тех форм, которые оно принимало на Руси. Трактует двоеверие как явление, при котором среди христиан сохраняется вера в языческие божества третьего порядка [13, с. 258]. Олег Михайлович полагает, что сами двоеверцы относили себя к христианам [Там же, с. 258]. Причинами двоеверия он называет непрочность княжеской власти на отдельных землях [Там же, с. 297], а также, на примере Ростово-Суздальской земли констатирует, что насильственное крещение не всегда являлось гарантом перехода в другую веру [Там же, с. 146]. Свои выводы О.М. Рапов делает на основе истории отдельных княжеств, прежде всего Ростово-Суздальского и Муромского [Там же, с. 309]. Исследуя период до первой трети XII в., он вместе с этим полагает, что двоеверие было сохранено вплоть до начала XX в.

В 1986 г. вышла работа Н.С. Гордиенко «Крещение Руси: факты против легенд и мифов». Автор трактует двоеверие, прежде всего, как борьбу христианства с язычеством насильственным путем. Исследователь отмечает: «Все это, вместе взятое, дало основание историкам (в том числе и церковным) говорить о том, что введение христианства на Руси при князе Владимире и его преемниках не было мирным и спокойным процессом, что новую веру насаждали с применением насилия, вызывавшего противодействие различных групп местного населения и прежде всего простого люда» [5, с. 80]. Н.С. Гордиенко убежден, что двоеверие в Киевской Руси следует рассматривать в двух ипостасях:

- двоеверие явное, открытое и сознательное;
- двоеверие скрытое, маскированное и бессознательное.

Исследователь пишет: «Наибольшая часть верований, празднеств и обычаев языческих осталась в народе и после исчезновения богов языческих, но ее стали воспринимать как наследие отцов» [Там же, с. 110].

В 1988 г., в период празднования 1000-летия принятия христианства на Руси, вышла работа известного историка и археолога М.Ю. Брайчевского «Утверждение христианства на Руси». В предисловии автором уже была обозначена недостаточная разработанность проблематики, поэтому дальнейшие утверждения, выдвинутые автором, будут носить дискуссионный характер.

Необходимо отметить, что М.Ю. Брайчевский выделяет как минимум два этапа крещения Руси: Аскольдово и Владимирово. Причем он считает, что «Известный тезис о введении христианства на Руси Владимиром Святым в конце X в., освященный авторитетом православной церкви, приобрел значение догмата, который не подлежал ни обсуждению, ни сомнению. Первая христианизация Руси во времена Аскольда и патриарха Фотия оказалась завуалированной, отодвинутой на задний план исторического процесса» [2, с. 41].

Автором отмечено, что в иностранных источниках отсутствует упоминание крещения Руси в 988 году: «Ни польские, чешские, венгерские, немецкие источники – не говоря уж об итальянских, французских или английских – не упоминают этого события» [2, с. 41]. М.Ю. Брайчевский утверждает, что даже в православных источниках – болгарских и византийских это событие также отсутствует.

Что касается Аскольдова крещения, то автор подчеркивает, что в историографии этот факт не очень популярен, потому что многие исследователи относят христианизацию ко времени Владимира в 988 г. [Там же, с. 47]. Историк отмечает, что процесс христианизации Руси был сложным и длительным. Еще в XII в. на Руси существовали уголки, куда официально утвержденная вера не успела проложить себе путь. Проблема «двоеверия», которое якобы существовало на Руси почти до самого монголо-татарского нашествия, нуждается в специальном рассмотрении. Однако не подлежит сомнению, что окончательное провозглашение государственной религией христианства в 988 г. не сразу привело к ликвидации языческих пережитков» [Там же, с. 48–49].

Как было отмечено ранее, в 1988 г. праздновалось крещение Руси. В перестроечную эпоху это событие должно было быть грандиозным. Однако все же еще сохранялись пережитки догматов советской историографии. Нами было изучено периодическое издание «Вопросы истории» за 1987 и 1988 г. [3] с целью сравнения тематики работ историков в юбилейные годы отечественной истории – Российской революции и Крещения Руси. В итоге, мы отметили, что в 1987 г. на страницах журнала было опубликовано 422 статьи, из которых 36 статей посвящены революционным событиям в Петрограде, что составляет 8,5% от общего числа публикаций. Показатель внушительный, если учесть, что данный журнал посвящен проблемным вопросам мировой истории. В 1988 г. из общего количества статей (376) только две посвящены вопросам христианизации, что составляет приблизительно 0,5%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что даже на закате периода советской историографии первоочередными проблемами для изучения оставались события истории Советской России, при этом слабо освещались события ранней истории государства, даже в юбилейные даты.

Таким образом, характеризуя советскую историографию по рассматриваемому вопросу, необходимо отметить влияние трёх основных факторов на воззрения исследователей: данных археологии, политического аспекта, государственного атеизма. Ряд историков на данном этапе сформулировали оригинальные концепции двоеверия. Другим направлением развития историографии в рамках данной темы стала доработка и трансформация некоторых гипотез дореволюционных историков. Тем не менее, двоеверие как своеобразная форма взаимодействия двух религий, отмечается во многих советских трудах. При этом стоит отметить, что область раскрытия проблемы отличается в разных трудах. Часть исследований характеризуется лишь упоминанием данного явления, без трактовки сути и выражения мнения самого исследователя. Таким образом, в данной статье были упомянуты лишь те работы, в которых производится тщательное исследование, а также приводится мнение самого историка. Именно они представляют тот объем информации, который может стать основой для будущих исследований.

Литература

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914.
2. Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев: Наук. думка, 1989.
3. Вопросы истории. 1987–1988.
4. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. Репринт. изд. М.: Индрик, 2000. Т. 1.
5. Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: полемические заметки. Л.: Лениздат, 1984.
6. Греков Б.Д. Культура Киевской Руси. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1944.
7. Державин Н.С. Перун в славянском фольклоре // Sborník práni I sjezdu slovanských filologů v Praze. Praha, 1932. Т. II. С. 45–48.
8. Державин Н.С. Яфетические переживания в прометеидской славянской традиции // Язык и литература. 1929. Т. I. С. 1–58.
9. Как была крещена Русь. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989.
10. Коловрат-Бутенко Ю.А. Краткая история изучения язычества восточных славян // Змиевское краеведение. 2015. № 1. С. 46–64.

11. Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М.: Мол. гвардия, 1988.
12. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985.
13. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Русская панорама, 1998.
14. Раушенбах Б.В. Развитие Киевской Руси как результат ее христианизации // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991.
15. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Академический Проект, 2013.
16. Смирнов П.А. Двоеверие как философская проблема: На примере отечественной культуры: автореф. дисс... канд. филос. наук. М., 2002.
17. Федотов А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-1943-2000-gg-vnutritserkovnaja-zhizn-vzaimootnosheniya-s-gosudarstvom-i-obshestvom/1_3 (дата обращения: 03.10.2021).
18. Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет (совм. с Б.А. Колчиным) // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / АН СССР, Ин-т археологии; под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука, 1982.

ALINA DEMIDOVA, DMITRIY KIRILLOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE PHENOMENON “DUAL BELIEFS” IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

The article deals with the Soviet historiography of the phenomenon “dual beliefs”. Based on the acquired data there is formed the classification of the views of the Soviet historians.

Key words: belief in two different religions, historiography, Soviet period, Christianization, heathenry.

УДК 94

А.В. ЖИРНОВА

(selisoto.isso38@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР В КОНЦЕ 1950-Х – 1970-Е ГГ.*

Анализируется процесс реализации закона об образовании 1958 г. в Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте. Рассматриваются основные направления учебной и внеучебной деятельности студентов Сталинградского педагогического университета.

Ключевые слова: закон об образовании, студенчество, высшая школа, СГПИ, реализация закона 1958 г.

Развитие и функционирование общества, которое является непосредственным участником научно-технического прогресса, в настоящее время в большей степени зависят от его уровня образования. Несомненно, основной фундамент общего образования человека закладывается в школе. Вопросы о качестве школьного общего образования возникали в научной среде неоднократно, особенно в послевоенное время, когда в сфере образования происходили значительные изменения в связи с необходимостью проведения образовательных реформ периода конца 1950-х годов. Произошедшие изменения в области образования в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. начинают ставить перед советским учителем новые задачи в реализации его профессиональной деятельности.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. вошли в историю СССР как период «оттепели». В это время началась частичная демократизация образования. В конце 1950-х гг. руководство партии решает реформировать систему образования в соответствии с задачами реализуемой экономической и социальной политики. Перед высшей школой ставилась задача повышения качества подготовки специалистов для работы в общеобразовательных школах. Особого внимания Советского правительства и Коммунистической партии заслуживала сфера педагогического образования. Это проявлялось в ряде правительственных постановлений, направленных на улучшение деятельности высших педагогических институтов. В крупных городах создавалось все больше институтов для усовершенствования подготовки учителей, обновления их знаний по специальностям, удовлетворения их педагогических интересов и оказания методической помощи.

Значительные изменения в высшем педагогическом образовании происходили после издания Закона «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958). Исходя из содержания основных его положений, требовалось изменить подготовку учителей в педагогических институтах и вывести ее на новый уровень с учетом введения всеобщего обязательного восьмилетнего образования, расширить подготовку учителей с высшим образованием для начальной школы [2]. Также было необходимо «организовать подготовку учителей по агрономии, животноводству, технике и другим специальным дисциплинам; повысить научно-теоретический уровень преподавания в педагогических институтах; усилить значение производственной и педагогической практики в подготовке учителей» [3]. Решение поставленных задач ставило перед государством цель улучшения деятельности высшей педагогической школы.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования СССР», в 1958 г. стала усиливаться связь между теоретическим обучением и производственной практикой, а также повсеместно происходило внедрение результатов научных исследований студентов в производство. В 1959 г. был утвержден приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР, определявший не только порядок прохождения практики, но и который обязывал предприятия, сотрудничающие с институтами, выделять для практикантов оплачиваемые рабочие места. Оплата труда проходивших практику студентов

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

составляла оклад штатного работника. Однако, стоит отметить, что на местном уровне оплата труда либо составляла 50% от оклада, либо же не выплачивалась вовсе.

Сталинградский педагогический институт внес немалый вклад в формирование высококвалифицированных специалистов для нашей страны. Он прошел длительный путь: Сталинградский индустриально-педагогический институт появился в 1931 г. К 1933 г. был открыт Учительский институт в СГПИ, поэтому прием студентов проводился в педагогический и учительский институты. В Великую Отечественную войну Сталинград был практически полностью разрушен, и учебные корпуса, которые находились в ведении института, удалось восстановить только к 1949 г. В последующие годы учебно-материальная база института развивалась быстрыми темпами, студенты продолжали получать образование и совершенствоваться в личностном плане.

На основе Закона о школе стали создаваться и функционировать специальные индустриально-педагогические и агропедагогические факультеты, которые должны были осуществлять подготовку преподавателей по курсу «Основы производства». В Сталинградском (Волгоградском) педагогическом институте такой факультет начал свою работу в 1964 г. Возникли новые кафедры: основ сельского хозяйства, физиологии и морфологии, технологии, машиноведения и др. У студентов была возможность получать образование на различных направлениях. Помимо будущих учителей, в институт стали поступать специалисты в сельском хозяйстве.

Что касается воспитательной и внеучебной деятельности, то особое внимание в Волгоградском педагогическом институте уделялось военно-патриотическому воспитанию. Преподаватели проводили со студентами семинарские занятия и экскурсии на открывшемся мемориале Мамаева кургана, занимались поисковой работой, общались с ветеранами, собирали рукописные воспоминания участников Великой Отечественной войны, возлагали венки в зале воинской Славы. Так, «в 1960-е годы ежегодно проводились военизированные походы студентов по местам боевой славы, в которых принимало участие до 500 студентов» [1, с. 84]. С конца 1960-х-начала 1970-х гг. семинарские занятия по военно-патриотической тематике на Мамаевом кургане вошли в традицию СГПИ. С 1970-х гг. в институте развернулся общеинститутский смотр на лучшую группу по военно-патриотическому воспитанию.

Также активно велась научно-исследовательская работа. Так, в отчете о научно-исследовательской работе кафедр за 1965 год говорилось об участии студентов в научной работе кафедры зоологии. Отмечалось, что «всего в научной работе приняло участие около 60 студентов, шесть студентов выступили с докладами на студенческих научных конференциях нашего, Луганского пединститута на Волгоградской городской научной конференции» [6, Л. 9]. Отмечалось также, что работа студентов можно считать удовлетворительной. Задача кафедры в будущем – дальнейшее привлечение студентов к научной деятельности. Таким образом, можно говорить о том, что в научную работу было вовлечено относительно небольшое количество студентов, которые активно участвовали со своими докладами на различных научных конференциях различного масштаба. Кафедра зоологии ставила перед собой задачу мотивировать студентов на написание научных работ.

В том же отчете был представлен отчет кафедры истории СССР о научной работе за 1965 г. Говорилось о проблемах, по которым работала кафедра в 1965 г. Что касается научной работы студентов, то было сказано, что «работа научно-студенческих кружков нуждается в улучшении» [Там же, Л. 15]. Не все члены кафедры уделяли должного внимания этому вопросу. Многие студенты не выполняли в срок своих обязательств, т. к. руководители недостаточно настойчиво требуют их выполнения. Отмечалось, что «инертность отдельных студентов в исследовательской работе в значительной мере объясняется тем, что научная часть и руководство СНО института слабо стимулирует студенческую научную работу» [Там же, Л. 16]. Также шла речь о том, что законченные работы студентов не публикуются и «почти все остаются у авторов или лежат на кафедрах» [Там же, Л. 17]. Таким образом, можно сделать вывод, что научная работа среди студенчества на кафедре истории СССР велась не так активно, как на кафедре зоологии, большинство работ оставались не законченными и в дальней-

шем нигде не публиковались. Кафедра истории СССР ставила себе задачу на будущий учебный год более активно привлекать студентов к участию в написании научных работ и исследований.

На факультетах ежегодно проводились различные студенческие научные конференции, на которых студенты представляли доклады, результаты своих исследовательских работ. Существовали кружки, которыми руководили преподаватели, где они помогали студентам в индивидуальных научных работах. Активно работали кафедры института. Так, «в 1960 г. для распространения опыта работы Сталинградского педагогического института при кафедре педагогики была создана научно-педагогическая лаборатория для изучения вопросов политехнического образования и трудового обучения» [1, с. 58]. Эта лаборатория занималась разработкой вопросов осуществления политехнического образования в школе. В 1960–1970-е года происходило установление и укрепление научных связей с кафедрами крупнейших вузов страны.

Педагогическая практика студентов пединститута является важнейшим составляющим в системе высшего педагогического образования. В процессе практики в летних лагерях или школах студенты не только закрепляют и углубляют приобретенные профессиональные теоретические знания, но и приобретают и совершенствуют навыки и умения педагогического труда. Будущие учителя могли непосредственно наблюдать и анализировать различные стороны учебно-воспитательного процесса, учиться проводить уроки, внеклассные мероприятия, воспитательную работу с детьми. Можно отметить, что практика студентов соответствовала профилю того учебного заведения, в котором они обучались.

Так, в отчете «Содержание и организация педагогической практики в 1976–1977 уч. г.» говорилось, что «впервые вышли на общественно-педагогическую работу в 1976–77 учебном году 647 студентов II курса, продолжили работу 481 человек из студентов III курса» [5, Л. 5]. Студенты проводили с учащимися пионерские сборы, беседы на политические, этические и эстетические темы, КВН, экскурсии в музеи и т. д. Работа студентов контролировалась педагогами, ведущими практические занятия путем предоставления планов работы, методических разработок проводимых мероприятий. В 1976–77 году педагогическая практика была организована в 24 пионерских лагеря Волгоградской области [5, Л. 13].

Итоги летней практики подводились на заключительных конференциях в октябре нового учебного года. Отмечалось, что работа практикантов «оценивается всегда очень высоко и оценку «удовлетворительно» имеют единицы из общего количества студентов» [Там же]. В качестве примера – итоги практики лета 1976 г.: «на историко-филологическом факультете из 163 чел., прошедших практику, получили «отлично» – 150 студентов, «хорошо» – 13 студентов, «удовлетворительно» – нет. На факультете иностранных языков из 100 человек, прошедших практику, получили «отлично» – 58 студентов, «хорошо» – 47 студентов, «удовлетворительно» – 5 студентов. На математическом факультете соответственно 123 чел., 8 чел., 1 человек» [5, Л. 14]. Таким образом, студенты педагогического института проявляли себя как опытные и знающие вожатые, которые имели хорошую педагогическую подготовку для работы с детьми.

В 1970-е гг. в Сталинградском педагогическом институте стала активно развиваться еще одна форма работы – шефство над трудными подростками, хотя шефская помощь школам, детским домам и интернатам оказывалась и ранее в рамках деятельности инициативных групп и педагогических отрядов. Их задача заключалась «в оказании помощи школам в организации и проведении детских лагерей в период летних каникул, профилактике правонарушений среди подростков и пр.» [4, с. 140]. Перед прохождением практики в лагерях студенты должны были пройти обязательную подготовку на кафедрах педагогики и психологии. Преподаватели кафедр проводили дополнительные занятия, на которых студенты учились работать с детьми в период их отдыха в загородных лагерях, учились планировать свою деятельность.

Таким образом, можно утверждать, что новый закон об образовании дал мощный импульс для дальнейшего развития высшей школы в нашей стране. Изменения коснулись также Сталинградского педагогического института, его учебно-воспитательной сферы. По-иному стали строиться учеб-

ные занятия, усилилась их практикоориентированная направленность. Особое место в студенческой жизни занимала организация их внеучебного времени. Мероприятия военно-патриотической направленности, проводимые на регулярной основе с 1960-х гг., стали традиционными в педагогическом институте, педагогическая практика, организуемая для студентов каждый учебный год, приобретала все большее значение в учебном процессе института. Необходимым фактором более эффективного развития научной работы в педагогических институтах являлось привлечение квалифицированных преподавателей, что также обеспечивало и повышение уровня учебно-воспитательного процесса. Научная работа студентов благоприятно сказывалась на всей научной деятельности института.

Литература

1. Волгоградский государственный социально-педагогический университет (1931–2011 гг.): краткая история. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011.
2. Высшие и средние специальные учебные заведения // Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986.
3. Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сб. документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974.
4. Николаенко А.Н. Реализация государственной политики в отношении студенческой молодежи в 1960-е – первой половине 1980-х гг.: на примере вузов Волгограда: дисс. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2013.
5. Отчет «Содержание и организация педагогической практики в 1976–1977 учеб. год // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6056. Оп. 5. Д. 842.
6. Планы и отчеты о научно-исследовательской работе кафедр за 1965 г. // ГАВО. Ф. 6056. О. 5. Д. 192.

ANASTASIYA ZHIRNOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION IN THE USSR IN THE LATE 1950S – 1970S

The article deals with the analysis of the realization of the education act of 1958 in Stalingrad (Volgograd) Pedagogical Institute. There are considered the basic directions of the class and extra-curricular activities of the students in Stalingrad Pedagogical University.

Key words: education act, studentship, higher school, Stalingrad State Pedagogical Institute, realization of the act of 1958.

УДК 93/94

Е.Д. ЗАЙЦЕВ

(zaitsev.egoruschka@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВОПРОС О КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ПРОЛИВАХ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по мемуарам Раймонда Пуанкаре)***

Рассматривается вопрос о спорной позиции союзников Российской империи в Первой мировой войне в отношении послевоенной принадлежности проливов Босфор и Дарданеллы и Константинополя сквозь призму воспоминаний президента Франции Р. Пуанкаре. Одной из главных задач для России в войне стало обладание стратегически важными проливами и раздел Османской империи. Однако президент Франции, не смотря на союз с Россией, был против ее устремлений, т. к. окончательное решение вопроса о проливах в пользу Российской империи делало ее главной континентальной державой, которая могла контролировать бассейн всего Средиземного моря.

Ключевые слова: *Первая Мировая война, источники личного происхождения, мемуаристика, «Восточный вопрос», Российская империя.*

Мировое развитие в начале XX в. превратилось в борьбу между государствами, претендующими на передел мира. Объединенная Германия стремительно набирала обороты, что прямым образом затрагивало интересы Великобритании, которая была вынуждена искать союза с давним врагом Германии – Францией.

Франция пыталась склонить Россию на свою сторону в случае войны с Германией путем русско-французских соглашений, направленных против Германии. С этой целью французский капитал активно проникал в российскую экономику, в том числе через многочисленные банковские кредиты. Этот процесс помимо экономической преследовал и определенную политическую цель – вовлечь Российскую империю в опасную мировую игру, против чрезвычайно сильного врага в лице Германии [3, с. 20–24].

Общественное движение России и определенные политические круги прекрасно осознавали риски по поводу вступления в войну, к которой Российская империя еще не была готова. Однако после вступления Османской империи в войну, политическая элита России поставила перед собой цель решить окончательно наболевший Восточный вопрос. При этом Петроград рассчитывал на согласие стран Антанты по этому вопросу. В свою очередь Англия и Франция рассматривали Россию как сырьевую колонию, которая обязана воевать за их интересы.

В тоже время российские союзники по оружию не желали усиления влияния России в регионе. Они стремились сохранить Османскую империю в статусе нейтральной державы, как противовес России. Однако, в случае вступления Турции в войну и ее последующего поражения, интересы Российской империи относительно проливов Босфор, Дарданеллы и Константинополя также выглядели туманными. В этой ситуации Российская империя выглядела как неравноправный союзник, интересы которого не учитывались и не признавались, однако ее обязывали проявлять крайнюю активность на полях сражений, шантажируя кредитами ради «общей» победы над врагом.

Важным источником, который подтверждает вышеизложенную позицию союзников Российской империи – это мемуары Раймона Пуанкаре, который во время Первой мировой войны был президентом Франции. Его мемуары впервые были опубликованы в 1926 г. в Париже, на русский язык переведены в 1936 г. Необходимо отметить, что в русскоязычном варианте имеется только 4 книги его воспоминаний: 1 книга – «Вторжение», повествующая о событиях 1914 г., 2 книга – «В окопах», где автор акцентирует внимание на событиях 1915 г., 3 книга – «Позиционная война», также посвящена второму году

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

войны, 4 книга – «Верден», транслирует события 1916 г. Остальные 2 книги – это «Трудный год», посвященная событиям 1917 г., и книга «Война и перемирие» – связанная с событиями 1918 г.

Анализ этого источника личного происхождения позволил констатировать, что на протяжении около 2000 страниц мемуаров никакой положительной характеристики для России Р. Пуанкаре не дает, его позиция остается неизменной для всей внешнеполитической традиции Франции и Англии. Россия рассматривается как сырьевая база и огромные человеческие ресурсы, которые можно отправить в «огонь» мировой войны, не считая человеческих жертв.

Одним из вопросов, который затрагивает президент Франции в своих мемуарах – это вопрос русско-турецких взаимоотношений. Р. Пуанкаре пытался любыми путями предотвратить вступление Турции в войну на стороне Германии, т. к. был обеспокоен ни столько появлением нового противника на театре военных действий, сколько возможным усилением России, в результате ее возможной победы над слабеющей Османской империей.

Так, 17 августа 1914 г., Раймонд Пуанкаре заявляет о том, что «Франция перед войной ни разу не изменила в пользу России своей старой восточной политики и что ни в 1912 г., ни в 1914 г., ни я, ни, полагаю, никто другой не давали ни царю, ни его правительству, ни Извольскому никаких обещаний даже в вопросе о проливах», «Россия также еще нисколько не отказалась от требования демобилизации Турции. Я нахожу данную идею неудачной» [5, с. 115]. Из утверждения Пуанкаре можно констатировать, что Франция придерживается своей политики по сдерживанию России, даже находясь в тесном союзе с Российской империей. Несмотря на то, что Россия и Турция не находились в состоянии войны на момент августа 1914 г., требования министра иностранных дел России С.Д. Сазонова к Османской империи о демобилизации были вполне закономерны. Участие турецких армий на балканском театре военных действий было крайне опасно для России, в силу того, что турки практически ежедневно провоцировались немцами к вступлению в войну. Кроме того, у руля турецкого военного командования в тот период находилась немецкая военная миссия Лимана фон Сандерса, благодаря действиям которой вступление Турции в войну было лишь делом времени.

После того, как Турция ожидаемо вступает в войну 2 ноября 1914 г. на стороне Германии, риторика французского президента нисколько не изменилась, несмотря на то что англичане признали притязания России. Приведем в качестве доказательства цитату из его воспоминаний: «Ввиду поведения Турции в европейском конфликте Англия считает, что «вопросы о проливах и Константинополе должны быть разрешены согласно желаниям России. Министры и я не понимаем, как это Великобритания, не запросив нас, дала такую полную свободу действий России в вопросе, который интересует всех союзников, к которому Россия никогда не подходила без задней мысли и в котором Франция всегда отказывалась связывать себя» [5, с. 440]. Таким образом, Р. Пуанкаре выступает против интересов России, несмотря на агрессию против последней со стороны нового противника. Фактически он признает неравноправный характер России, задача которой, по его мнению, не решать свои внешнеполитические задачи, а исключительно воевать с Германией за интересы французов и англичан.

В начале 1915 г., Раймонд Пуанкаре снова делает заявления по поводу российских притязаний на Константинополь. Он упрекает С.Д. Сазонова в том, что Россия не посылает никаких контингентов для участия в Дарданельской операции и, соответственно, не получит ничего, если союзники возьмут Стамбул. Хотя в тоже время он призывает Россию начать новое наступление на Германию. Он пишет о том, что действия России напрягают нейтральную Грецию, которая хочет видеть в Стамбуле турков, нежели русских, и Румынию, симпатии которой так необходимы Антанте. В заключение Р. Пуанкаре пишет о том, что Россия выйдет из войны, если получит Константинополь.

Далее в отношениях между Российской империей и союзниками намечается определенный консенсус в вопросах проливов. Так, между ними 18 марта 1915 г. заключается секретный договор, по которому проливы и Константинополь после завершения войны будут принадлежать России [1, с. 252]. Однако после провала Дарданельской операции, в частности 6 октября 1915 г. Р. Пуанкаре снова заяв-

ляет: «Ипотека на Константинополь, которой добилась Россия, вот уже несколько месяцев играет роковую роль в балканском вопросе. Когда Англия начала Дарданельскую операцию, Франция примкнула к ней только в надежде завоевать Константинополь для своей союзницы и только ввиду заверений, что русские войска будут посланы через Черное море» [2, с. 93]. Из слов французского президента можно констатировать, что изменение обстановки на фронте и провала Дарданельской операции, Франция пытается указать на свои несбывшиеся благие цели для русского союзника. Однако все заявления Р. Пуанкаре свидетельствуют об обратном. Франция не намерена решать Восточный вопрос в пользу России.

16 мая 1916 г., после успешных боевых действий Российской империи в ходе Эрзурумской операции, которая поставила Турцию фактически на грань военной катастрофы, союзники заключают знаменитое соглашение Сайкса-Пико, по которому они разделяют территорию Османской империи на свои зоны влияния и закрепляют за Россией ее право на проливы с Константинополем [6]. Вопрос, связанный с проливами, должен был быть окончательно закрыт, но в своих воспоминаниях от 16 августа 1916 г. президент Франции заявляет, что, по словам члена газеты «Новое время» Евгения Семенова «французское общественное мнение было недостаточно осведомлено относительно мотивов признания Константинополя за Россией. Он боится, что, когда наступит время, у нас окажется оппозиция по этому вопросу. Я тщетно доказываю ему, почему Франция не очень благосклонно относится к этим русским притязаниям. Он находит, что достаточно пролито крови. Ни от одного русского я не слышал подобных речей. Может быть, этот просто более искренен, чем другие» [2, с. 383]. Согласно этому отрывку можно констатировать, что союзники действовали без фактического учета Российских интересов. В договорах между собой они говорили о том, что Россия имеет право на проливы, т. к. боялись ее выхода из войны, однако на деле постоянно чинили препятствия и проявляли недовольство по этим важным для Российской империи вопросам. При этом они не торопились проводить наступления на Западном фронте в критические для российской армии моменты. Хотя систематически требовали от российского военного командования осуществления военных операций против Германии, которые должны были отвлечь ее внимание от англо-французских войск.

Военные успехи России на Кавказском фронте, ее ошеломляющие победы над турецкой армией фактически не приносили ей никакого политического результата. Петроград получал только неопределенные договоренности, которые при первой возможности опровергались представителями союзной стороны. Так, от 18 сентября 1915 г. в воспоминаниях Р. Пуанкаре содержится следующий факт: «Лорд Берти привел ко мне своего нового морского атташе. Сначала он вошел в мой кабинет один и пытался убедить меня, что необходимо взять обратно обещание, данное России относительно Константинополя» [Там же, с. 62]. Вследствие этого отрывка можно сказать, что союзники легко могли пересматривать договоренности с Россией в свою пользу, не спрашивая мнения последней, т. к. осознавали огромную финансовую зависимость России от них. Так, совокупный внешний долг Российской империи на момент прихода к власти В.И. Ленина составлял 12,5 млрд золотых рублей, из которых более 80% приходилось на долговые обязательства перед Англией и Францией [4, с. 93].

Таким образом, на основе анализа мемуаров Раймона Пуанкаре можно сделать вывод о том, что он был крайне негативно настроен на решение Восточного вопроса в пользу Российской империи. Несмотря на все договоренности России с союзниками от 1915 и 1916 годов, он всячески выражал свое негодование из-за опасности взятия под контроль России Константинополя и проливов, что может в будущем создать определенные опасности для Англичан и Французов в Средиземном море.

Литература

1. Памятная записка российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену // Константинополь и проливы: по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. М.: Литиздат НКВД, 1925.
2. Пуанкаре Р. На службе Франции: воспоминания за девять лет: в 2-х т. / пер. с фр. Ф. Капелюша. М.: Соцэкгиз, 1936. Т. 2.
3. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002.

4. Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная // Россия и современный мир. 2002. № 1(34). С. 85–107.
5. Poincaré R. Au service de la France. L invasion. Paris, 1926.
6. Sykes-Picot Agreement. 16 May, 1916. [Электронный ресурс]. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Sykes-Picot_Agreement (дата обращения: 11.05.2022).

EGOR ZAYTSEV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE ISSUE OF CONSTANTINOPLE AND CHANNELS
IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR
(based on the Memoirs of Raymond Poincare)**

The article deals with the issue of the controversial stance of the allies of the Russian Empire in the First World War towards the postwar belonging of the channels of the Bosphorus and the Dardanelles and Constantinople through the prism of the recollections of the president of France – R. Poincare. The possession of strategically important channels and the separation of the Ottoman Empire were the main tasks for Russia in the war. However, the president of France, despite the union with Russia, was opposed to its desires, because the final solution of the question of the channels for the benefit of the Russian Empire made it a main continental power, that was able to control the basin of all the Mediterranean Sea.

Key words: *the First World War, sources of personal origin, memoiristics, “the Eastern Question”, the Russian Empire.*

УДК 93/94

М.А. КАЗЕЕВА

(*maruikazeeva@gmail.com*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФОТОДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

Освещена проблема слабой заинтересованности исследователей в использовании источников визуального типа, как самостоятельных, наряду с их массовостью. На основе общедоступного материала (веб-репродукций фотодокументов) выявлены особенности фотодокументальной базы второй половины XIX в., делающие фотоисточники, с одной стороны, уникальными по содержащейся информации, с другой – сложными для исследовательской работы.

Ключевые слова: *исторический источник, аудиовизуальный источник, кино-фото-фонодокумент (КФФД), фотодокумент, архив.*

В первой четверти XIX в. изобретение светочувствительного материала дало рождение фотографии. Новый формат записи происходящего вокруг на материальный носитель быстрыми темпами набрал популярность как среди привилегированного слоя населения, так и среди работающего (крестьянский быт являлся одним из наиболее популярных жанров среди фотографов, которые зачастую сами были выходцами из крестьян и рабочих). Популярность фотографии давало толчок изобретению более мобильной техники, что, в свою очередь, расширяло географические рамки фотографического дела, рождало новые сюжеты и выводило на первый план создание репортажных снимков, отражающих различные сферы жизнедеятельности общества.

Данное положение обусловило наличие огромного пласта фотографического наследия прошлого, который как элемент аудиовизуальной хроники доступен для научного использования в хранилищах Российской Федерации: Российский государственный архив кино-фото-фонодокументов, Центральный Московский архив музей личных собраний, Российский государственный военный архив и другие. Отметим, электронные копии фотографий, хранящихся в архивах, музеях и частных коллекциях доступны для просмотра и изучения в удаленном формате на интернет площадке: «История России в фотографиях» [2], «Российская Империя в фотографиях» [7], «Российский государственный архив кинофотофонодокументов» [8], «Виртуальный музей – Москва (с заботой об истории)» [1], «Руниверс» [10].

Следует отметить, что признанность визуальных источников в мировом сообществе как важнейшего источника исторической памяти и открытость архивов для изучения не обуславливают популярность темы. Большинство исследователей привлекают фотодокументы исключительно в виде иллюстраций к тексту без анализа и пояснения содержания.

Причину малой востребованности изучения визуальных источников как самостоятельного носителя информации выделил доктор исторических наук, специалист кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ В.М. Магидов. По его мнению, визуальные источники содержат сведения, которые кажутся само собой разумеющимися для современников, поэтому они не находят отражения в письменных источниках. Только КФФД со своей спецификой становятся носителями таких данных [4].

Л.Н. Мазур обращает внимание на медленное проникновение аудиовизуальных источников в историческую науку и связывает это с условностью «видимости» для историка. Текст остается основой исторического познания и его символом [6, с. 163].

Тем не менее, помимо указанной причины, существует ряд сопутствующих сложностей, с которыми сталкивается историк при выборе фотодокументов в качестве предмета своего исследования. Анализ общедоступного визуального материала позволил констатировать: фотодокументальная база вто-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

рой половины XIX в. более всего подвержена влиянию этих особенностей, поскольку именно она стала первоисточником новаторской идеи фотографирования.

Первой отличительной особенностью в вопросе сложности изучения визуальных источников рассматриваемого периода является их классичность. Процесс создания фотографии был достаточно сложным, трудоемким и соответственно долгим. Однако, сохранить облик себя и родных мечтали все состоятельные люди царской России. Соответственно, помимо художественных задач, фотографы извлекали и коммерческую выгоду. Во избежание ошибки и пустой траты дорогого материала и времени, образы моделей тщательно продумывались, мимика преднамеренно упрощалась. Этим объясняется фрагментарность и типичность камерной фотографии второй половины XIX в. и сложность работы с подобными студийными снимками.

В данной связи, на поверхность всплывает и факт двойной субъективности. Историк увидит и даст толкование лишь тому, что фотохудожник хотел показать, следовательно, мог исказить или приукрасить. Фотодокументы, как и другие источники, визуализирующие реальность, обладают билатеральностью, проявляющейся в сочетании объективного отражения действительности с субъективной деятельностью автора [5, с. 219].

Наряду с этим, студийные снимки являются важнейшими источниками в изучении социальных различий облика российского человека, начиная со второй половины XIX в. Массовость данных снимков позволяет выделить характерные черты внешнего вида, определить экономических достаток различных слоев населения. И наконец, изучение данного вопроса на основе фотодокументов позволит проследить изменение лика русского человека от второй половины XIX в. до сегодняшних дней.

Второй сложностью и одновременно особенностью изучения фотодокументов второй половины XIX в. становится отсутствие общепринятой системы методической работы с визуальными источниками. Е.И. Щербакова отмечает необходимость использования специальных методик и технологий при анализе визуальных источников. Автор выражает мысль о том, что визуальные источники, как ничто иное могут обратить человека в представление реальности происходящего. Такой подход «позволяет интерпретировать зрительные образы не как иллюстрацию к письменному источнику, а в качестве особого вида текста, требующего “расшифровки” в рамках того дискурса, в котором он возник» [9, с. 475].

Следует отметить, что фотодокументы входят в единый комплекс источников под названием кино-, фото- и фонодокументы и методические достижения источниковедения будут одинаково применимы ко всему ряду визуальных источников. Для предания значимости достижениям исторического источниковедения в области анализа КФФД необходимо выделить их сходства и специфические черты, так же классифицировать на основе существующих методов.

Общие особенности КФФД:

1. Сближающая особенность в технике и технологии создания. Визуальные источники приобрели возможность транслировать действительность благодаря достижениям не только науки, но и техники, оптики, физике, химии. Запечатление момента происходит из-за химической реакции светочувствительного материала при помощи применения оптики и ряда других способов кодирования информации.

2. Визуальные источники обладают высокими информативными свойствами. Передача информации через аудио-, видео- и фотоматериал позволяет сохранить историзм обстановки и момента, который был увековечен.

3. Момент съемки или записи события совпадает с самим событием. Что позволяет восстановить колорит эпохи, вид городов, облик, жесты, настроение людей [5, с. 220].

4. КФФД передают событие для зрителя и слушателя с максимальной эмоциональной окраской.

5. Визуальные источники на сегодняшний день отошли от своей камерности и стали массовым историческим источником. В том смысле, что кино-, фото- и фонодокументы прошлого имеют широкое тиражирование и общедоступность в формате цифрового сканирования. На сегодняшний день про-

цесс дальнейшего тиражирования уже доступных и вновь создающихся материалов, представляющих культурную ценность, не имеет популярности в силу перенасыщения общества визуальными образами настоящего.

6. КФФД имеют способность визуализировать наиболее актуальные и злободневные процессы и события, и, следовательно, выступают выразителем интересов определенных политических и общественных течений, которым был подвержен создатель или модель на снимке или киноплёнке. В данной связи особую роль имеет изучение личности создателя в процессе внешней критики источника.

В источниковедческой, архивоведческой, искусствоведческой, киноведческой литературе можно встретить различные толкования понятия кинодокумент, фотодокумент, фонодокумент. По замечанию В.М. Магидова «исследователи свободно, не давая практически никаких разъяснений, используют самую разную терминологию применительно к этим понятиям. На первый взгляд, якобы безобидное явление, выражающееся в терминологической нечеткости, не учитывает в должной степени специфики КФФД вообще и процесса кино- фотодокументирования в частности, что в дальнейшем, не всегда объективно отражается на определении их значимости, типологии и, в широком плане, классификации [5, с. 221].

Ряд исследователей утверждают, что кинокадр и фотографию в виду и их природной общности можно классифицировать как один тип исторических источников. Л.Н. Пушкарёв, развивая эту мысль, отмечает у них «общность способа кодирования информации, что дает право кинофотодокументы как тип источника делить на два рода: кинодокументы и фотодокументы» [Там же]. Тем не менее, несмотря на ярко обозначенные общие черты, присущие кино- и фотодокументам, они все же отличаются друг от друга.

Основываясь на техническом моменте запечатления на кадре лишь определенного мгновения происходящего, которого не рассмотришь в реальности или на видеоплёнке, попытаемся сформулировать наиболее важные и специфические черты фотодокумента:

- возможность мгновенного фиксирования объективной реальности, оформляя мельчайшие детали происходящего;
- способность регистрации процесса лишь в определенных границах фотокарточки;
- применение технических средств, зачастую искажающих содержание фотографии и приводящих к профанации исторической действительности;
- результат фотоснимка практически всегда бывает заранее запланированным (в отличие от кинодокументирования). В процессе запечатления происходящего на видео, в кадр могут попасть заранее не запланированные моменты и детали.
- взаимосвязь культурной и научной ценностей фотоснимка. Негативы фотоплёнок, как и оригиналы снимков прошлых лет представляются ценными не только в процессе познания действительности, но и в процессе осуществления культурной жизни настоящего.

Наиболее важным фактом в определении места фотодокументов в среде исторических источников занимает вопрос их идентификации, которая не может обойтись без сопровождения письменного текста. В контексте данного вопроса, следует отметить и то, что анализ информации с визуального источника происходит на основе уже полученных образов и знаний. Приобретенная нами ранее картина исторического знания из письменных источников необратимо оставит отпечаток на продукте анализа фотодокумента.

Сформулированные специфические черты фотодокумента позволяют интерпретировать его как исторический источник, способный передавать информацию посредством отдельных изображений или серии снимков, сохраняющих атмосферу жизни пойманного мгновения прошлого. Фотография, наряду с любым историческим источником, демонстрирует своего рода закодированную информацию, которая с определенной долей вероятности может быть раскрыта внимательным исследователем.

В.М. Магидов в своей работе «Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания» предоставил достаточно исчерпывающую методику работы с визуальными источниками, которая может быть применена ко всем трем видам: кинодокументам, фотодокументам и фонодокументам [5, с. 232].

Рассмотрев самую общую характеристику проблемы источниковедческого анализа фото документов, необходимо отметить еще одну особенность фото документальной базы второй половины XIX в. Проблема общедоступности проекций фотоисточников имеет двойственный характер. С одной стороны, исследователь не сталкивается с проблемой бесконечного поиска материала по архивам и не разочаровывается их малочисленностью в доступных архивных базах. С другой – публичность фотографий в цифровом мире приводит к их обесцениванию, как со стороны обывателя, так и со стороны ученого. Отсюда вытекает и другая особенность: потеря внешних характеристик источника. Многократная публикация фотографий прошлых лет в сети Интернет приводит к утере сведений об авторстве, времени и месте создания источника.

Таким образом, исследователь фото документов второй половины XIX в. сталкивается с рядом особенностей при выборе предмета своего изучения: типичностью кадров того периода; малой разработанностью классификации и методических приемов для анализа фото документов; проблемами отображения информационно полных источников.

Литература

1. Виртуальный музей – Москва (с заботой об истории): [сайт]. URL: <https://vov.mos.ru/title>.
2. История России в фотографиях – глобальный общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции: [сайт]. URL: <https://russiainphoto.ru/>.
3. Казеева М.А. Социокультурное развитие России в период царствования Александра II в фото документах // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2020. № 4(33.1). С. 35–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1590757209.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
4. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Ю.П. Бокарев [и др.]; под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 282–311.
5. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 2005.
6. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.
7. Российская империя в фотографиях: [сайт]. URL: <http://all-photo.ru/empire/index.ru.html?id=4539>.
8. Российский государственный архив кинофотофонодокументов: [сайт]. URL: <http://www.rgakfd.ru/>.
9. Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.
10. Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс: [сайт]. URL: <https://runivers.ru/>.

MARIYA KAZEEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PECULIARITIES OF STUDYING THE PHOTO DOCUMENTS OF THE HISTORY OF RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY

The article deals with the issue of the small interest of the researches in the use of the sources of the visual type as individual in the line with their massiveness. On the basis of the generally available material (web-reproduction of photo documents) there are revealed the peculiarities of the photo document basis of the second half of the XIXth century, making the photosources, on the one hand, unique by the present information, on the other hand, complicated for the research work.

Key words: historical records, audiovisual source, film-photo-phonodocument, photo document, archives.

УДК 378.4

Д.В. КАКИЧЕВА
(*kakicheva99@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ КОМСОМОЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (на примере Сталинградского государственного педагогического института)*

Освещается деятельность комсомола в послевоенный период с 1945 по 1953 гг. Анализируются основные формы работы и задачи, которые стояли перед комсомольскими организациями вузов на примере СГПИ.

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, студенты, комсомол, послевоенное время, Сталинградский государственный педагогический институт.*

На сегодняшний день является актуальным рассмотрение опыта комсомольских организаций, в котором отражен поиск и разработка новых организационных форм воспитания и обучения молодежи. В связи с тем, что именно социально-активная молодежь представляет собой ключевой фактор успешности социально-экономического развития России. В стране наблюдаются «противоречия между потребностью государства в ответственных, инициативных, высоконравственных гражданах России и реальным уровнем духовно-нравственной воспитанности подростков и молодежи, в том числе, студентов» [2, с. 20].

По окончании Великой Отечественной войны у фронтовиков, тружеников тыла, прошедших столь тяжелые испытания, изменилось мировоззрение, произошло переосмысление и переоценка существующих ценностей. Их необходимо было вернуть в прежнее русло, в этом должна была помочь идеологическая работа, проводившаяся в науке, культуре, образовании, где важная роль отводилась комсомольским организациям.

Победив фашизм, стране необходимо было вновь восстанавливать многие отрасли хозяйства, в связи с чем актуальной задачей стало восстановление высших учебных заведений, в которых готовили квалифицированные рабочие кадры. Важную роль в этом направлении должен был сыграть комсомол, в функции которого входили: борьба с неуспеваемостью, идейно-пропагандистская и культурно-массовая работа.

В основе деятельности комсомольской организации в послевоенные годы лежала борьба за крепкие знания, одновременно сочетавшиеся с высоким уровнем дисциплины. Великая Отечественная война, изменившая мир, потребовала реорганизацию в структуре комсомольских организаций. Таким образом, ЦК ВЛКСМ принял ряд постановлений. В 1946 г. были определены нормативы, в соответствии с которыми создавались факультетские и курсовые организации комсомола, так же были расширены их права. Спустя год в большинстве обкомов и горкомов были учреждены отделы по работе в среде студенческой молодежи, введены должности инструкторов по работе со студенческой молодежью через отделы пропаганды и агитации [1, с. 214].

В одном из отчетов комсомольской организации СГПИ, освещавшем проведение экзаменационной сессии, отмечалось: «Комсомольцы не должны забывать замечательное указание т. Сталина: “Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков – специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом, – такова теперь задача”» [6, Л. 9. об.]. Несмотря на то, что данное указание было дано еще на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г., оно не потеряло своей актуальности и в послевоенное время. Главной задачей ВЛКСМ в высших учебных заведениях было оказание помощи государственным структурам в совершенствовании учебного и воспитательного процесса

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

путем подготовки высококвалифицированных кадров, о чем сообщалось в постановлении XVI пленума ЦК ВЛКСМ [5].

Среди причин неуспеваемости студентов назывались следующие: лень учащихся, неумение работать, пропуски занятий и недисциплинированность. Например, в области учебной работы в отчетах комсомольской организации Сталинградского педагогического института указывалось на недостаточную работу в данном направлении: «нерегулярное проведение собраний, не уделяется должного внимания вопросам успеваемости. Слабая агитационная деятельность» [6, Л. 7].

В борьбе за повышение успеваемости широко использовались различные методы: проводили разъяснительную работу, выпускали стенную печать и боевые листки в период подготовки к сессии, публиковали итоги экзаменационной сессии в печати, организовывали доски показателей хода экзаменов [Там же, Л. 18. об.].

Согласно Постановлению XVI пленума ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций высших учебных заведений и техникумов», указаниям XI съезда ВЛКСМ, констатировались недостатки деятельности комсомола:

- неудовлетворительная пионерская работа в школе;
- неудовлетворительная работа по оказанию помощи директорам и партийным организациям вузов и техникумов в повышении качества учебной и идейно-воспитательной работы» [1, с. 215–216].

Задача комсомола состояла в устранении указанных недостатков в работе, используя различные методы:

- изучение теории и практики пионерской работы в школе;
- организация работы со слабоуспевающими студентами;
- укрепление дисциплины.

В целях изменения сложившейся ситуации в Сталинградском педагогическом институте рекомендовалось вести с первого курса систематическую работу с учащимися одной из школ города (пионерскую/комсомольскую, политинформации, подтягивание отстающих, выпуск стенных газет, проведение пионерских сборов и другую работу) [9, Л. 18]. Для контроля и поддержания высокого качества работы комсомольских организаций проводились регулярные проверки. Так, на пленуме Обкома ВЛКСМ, который состоялся 1 ноября 1951 г. было отмечено, что многие выпускники института имели недостаточно глубокие знания для организации работы с пионерами, не оказывали помощи в работе пионерских отрядов, не организовывали кружков самодеятельности учащихся, и как правило являлись неподготовленными для ведения различных кружков в школах [3, Л. 13].

Для решения поставленной проблемы было предложено добиться совместно с кафедрой педагогики, чтобы каждый студент-выпускник прекрасно знал работу комсомольских и пионерских организаций в школе. В протоколе заседания комитета ВЛКСМ Сталинградского педагогического института от 2 ноября 1951 г. отмечалось, что комсомольская организация ведет недостаточную работу по привитию будущим учителям любви и навыков в работе с пионерскими организациями школ. Указанная задача была важной в работе комсомола, но не единственной, т. к. в масштабах страны перед ВЛКСМ ставились и другие задачи.

Кроме работы, связанной с повышением качества успеваемости студентов, большая работа проводилась в области воспитания советской молодежи.

IV пленум ЦК ВЛКСМ определил, что «культурно-массовая работа должна рассматриваться в комсомоле, как важнейшая составная часть коммунистического воспитания, служить для подготовки из молодежи образованных и культурных, знающих свои обязанности перед Родиной, безгранично преданных партии Ленина-Сталина, бойцов за дело коммунизма» [6, Л. 18]. Это была важнейшая системообразующая работа, позволявшая реализовать цели госполитики, т. к. контролировала досуг, общественную активность и ответственность молодых поколений.

В рамках организации культурно-массовой работы в Сталинградском педагогическом институте проводились следующие мероприятия: коллективные выходы в театры, экскурсии по историче-

ским местам обороны Царицына-Сталинграда, экскурсии в музеи, организация вечеров, приуроченных к знаменательным датам [10].

Практически весь период существования комсомольской организации оставался неизменным порядком взаимоотношений партии и комсомола. Партией определялись основные задачи комсомола, связанные с реализацией государственных планов развития народного хозяйства, воспитания молодежи. Комсомольская организация играла весомую роль в поддержании идеологии советского государства, основанного на идеях марксизма-ленинизма, традициях Коммунистической партии. Распространенным явлением было проведение бесед о жизни и деятельности И.В. Сталина; проведение мероприятий, связанных с годовщинами, относящимися к событиям революции 1917 г.; бесед, освещающих внешнеполитическую и внутриполитическую деятельность СССР.

Деятельность комсомольской организации СГПИ являлась ярким примером того, как в целом по стране работал ВЛКСМ. Партийно-политическая и воспитательная работа среди студентов института имела своей задачей привлечь их в активную общественно-политическую работу, мобилизовать на укрепление трудовой дисциплины и повышение качества академической работы.

Воспитательная работа была связана не только с внутривузовской деятельностью, но и с помощью по восстановлению города.

Организуя черкасовские бригады, комсомольцы принимали активное участие в восстановлении учебного корпуса педагогического института [4, Л. 106–109], разрушенных культурных объектов г. Сталинграда [6, Л. 56]. Так, например, студенты-черкасовцы должны были помочь строителям окончить строительство кинотеатра «Гвардеец». Однако были и те, кто неохотно принимали участие в движении: «есть и такие, кто не отработал ни единого часа» [8, Л. 4. об.], «на черкасовские работы выходят не все» [Там же, Л. 7], «слушали студентку Скокову, которая осветила плохое отношение к черкасовским движениям и воскресникам» [Там же, Л. 77]. Такое отношение студентов порицалось, с ними проводились разъяснительные беседы.

Активно вовлекались студенты и в общественную работу среди населения. Одним из направлений деятельности студенческого комсомола было шефство над выделенными районами Сталинградской области. Сталинградскому педагогическому институту был выделен Бударинский район Сталинградской области. Идея содействия города и деревни была указана еще в выступлениях В.И. Ленина в 1923 г. Шефство над районом заключалось в следующем: от института выделялась группа, которая на 2–3 дня ехала в назначенное поселение. Она выступала с докладами, художественной самодеятельностью. Кроме того, необходимо было развернуть работу среди коллектива СГПИ по сбору литературы: художественной, политической и др. для укомплектования сельских библиотек [7, Л. 10].

Комсомольцы активно участвовали в агитпоходах, выступали с лекциями и докладами на предприятиях и в учреждениях города и села. Студенты-комсомольцы педагогического института оказывали помощь предприятиям и заводам Ворошиловского района. «В целях укрепления связи института с предприятиями и заводами района и оказания практической помощи предложить бюро комсомольских организаций взять шефство над следующими заводами: Литфаку – завод им. Куйбышева; Естфаку – гидролизный завод; Физмату – завод им. Петрова; Геофаку – Старечпорт» [Там же, Л. 8].

В 1950 г. комсомольцами вуза было прочитано свыше 280 докладов и лекций для молодежи города и области [10, Л. 13].

Подводя итог, мы можем сказать, что, реализуя задачи через многообразие форм деятельности (работая с отстающими студентами, проводя различные воспитательные мероприятия, помогая в восстановлении городов, взаимодействуя с предприятиями), комсомол решал важные социально-политические задачи, повышая качество образования и помогая вузам в организации всесторонней подготовки студентов.

ВЛКСМ являлся мощным звеном в организации общественной жизни и обеспечивал студентам вузов возможность активного в ней участия, что способствовало развитию умений и навыков по ведению эффективной коммуникации.

Еще одной задачей, которая стояла перед комсомолом была поддержка государственной идеологии, которая обеспечивала определенный порядок в обществе и в целом по стране.

Огромное значение в жизни студенчества уделялось патриотизму, любви к Родине, т. к. считалось, что успехи и неудачи детей и молодежи могут сильно влиять на дальнейшую судьбу родного государства и всего мира в целом.

Комсомольская организация СГПИ стала типичным примером того, как работали такие организации по всей стране.

Литература

1. Беляев А.А. Провинциальные комсомольские организации в послевоенных условиях: особенности деятельности в духовной сфере: на материалах Тамбовской области 1945–1954 гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2010.
2. Бородаева Л.Г. Социально-педагогические условия духовно-нравственного воспитания студентов // Электрон. науч.-познават. журнал «Грани познания». 2014. № 2(29). С. 20–23. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1392110144.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
3. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.
4. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 225. Л. 106–109.
5. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 343. Л. 5–8.
6. ЦДНИВО. Ф. 6815. Оп. 1. Д. 3.
7. ЦДНИВО. Ф. 6815. Оп. 1. Д. 9.
8. ЦДНИВО. Ф. 6815. Оп. 1. Д. 11.
9. ЦДНИВО. Ф. 6815. Оп. 1. Д. 12.
10. ЦДНИВО. Ф. 6815. Оп. 1. Д. 13.

DARYA KAKICHEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF KOMSOMOL IN UNIVERSITIES ACTIVITIES IN POSTWAR PERIOD (at the example of Stalingrad State Pedagogical Institute)

The article deals with the activity of Komsomol in the postwar period (1945–1953). There are analyzed the basic forms of the work and the tasks that were set to the Komsomol organizations of the universities at the example of Stalingrad State Pedagogical Institute.

Key words: higher educational institutions, students, Komsomol, postwar, Stalingrad State Pedagogical Institute.

УДК 94

Д.А. КИРИЛЛОВ
(miya.kirillov.02@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЗГЛЯД НА ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ЮБИЛЕЙНЫЕ ГОДЫ КОНЦА XX–XXI ВВ.*

Рассматривается динамика изменений взглядов в историческом сообществе на события октябрьской революции. Выделяются характерные черты каждого юбилея.

Ключевые слова: Октябрьская революция, юбилей, Советский Союз, материалы конференции, историография.

Юбилеи Октябрьской революции широко праздновались в Советском союзе вплоть до его распада. Каждая годовщина Октября – это часть уникального исторического контекста. Через юбилейные ритуалы Красного Октября (или через их отсутствие) можно увидеть, как менялся политический режим, чему он придавал ключевое значение, а какие исторические детали предпочитал игнорировать и не замечать. Нашему вниманию представлено три последних юбилея Октябрьской революции 1997, 2007, 2017 г. В нашем исследовании мы постараемся выделить основные особенности каждого юбилея в периодической печати и на научных конференциях.

В 1987 г. праздновалось 70-летие Великой Октябрьской революции. Эта годовщина оказалась последней для советского союза. В юбилейный 1987 г. в СССР была запущена политика гласности, открывшая собой перестройку. Советское общество переживало небывалую демократизацию. Спадал градус цензуры, практически прекратились преследования инакомыслящих, шел активный процесс реабилитации жертв репрессий. Также налаживались отношения с Западом. Однако, несмотря на демократизацию в обществе, догматизм в исторической науке, хоть и в меньшей степени, чем в предыдущие годы, сохранялся. Необходимо выделить, что с 1987 г. наряду с Октябрем власть теперь выделяет и Февральскую революцию, которую М.С. Горбачев называет «первой победоносной народной революцией». В своем юбилейном докладе он рассказывает, что Февраль был уникальной и упущенной возможностью «мирного перехода власти в руки трудящихся» [4]. Усиление позитивной оценки февральских событий связано и с новым буржуазно-либеральным вектором перестройки. Власть ненавязчиво подводит население к мысли о том, что не все «буржуазное» плохо. «В юбилейный год в коммеморации Октября появился дополнительный пласт: государству было необходимо не просто обновить миф об октябрьских событиях, а прежде всего, закрепить в культурной памяти советского общества ассоциацию перестройки и революции, а также начать процесс отмежевания от сталинского периода» [10].

Таким образом, последний советский юбилей Октябрьской революции кардинально отличался от предшествующих. В исторической науке марксистская идеология постепенно начинает сходить на нет, однако же в 1987 г. практически во всех периодических сборниках есть статьи, посвященные Октябрьской революции. Следовательно, в конце 80-х годов историческая наука была не полностью освобождена от идеологических догматов.

Несмотря на то, что 90-е годы стали для России эпохой беспрецедентной свободы слова, в обществе юбилей Октябрьской революции все-таки праздновался. В исторической науке к 1997 г. произошли большие перемены. Рассмотрим несколько конференций, посвященных юбилею Октябрьской революции.

В 1997 г. вышел юбилейный сборник статей левых историков и обществоведов, посвященный 80-летию Октябрьской революции [2]. Среди авторов: П.А. Голуб, Ю. Ермалавичус, И.П. Осад-

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

чий, Ю.К. Плетников, В целом, этих авторов объединяет приверженность к социалистическим ориентациям, причем в ортодоксальных формах: они либо намеренно приуменьшают события февраля 1917 г., либо вовсе никак их не оценивают. Октябрь они называют Великим событием, питая особый наивный интерес к большевикам. Почти в каждой статье этого сборника исследователи, подобно историкам советской науки отсылаются к т. н. первоисточникам марксизма – работам К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Обратимся к статье И.П. Осадчиго «В.И. Ленин об условиях победы социалистической революции и построения социализма в одной стране» [2, с. 3–21]. В рамках нашего исследования мы подвели подсчет, с целью выявления количественного показателя следующих фамилий: К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин в работе И.П. Осадчиго. Вот к каким выводам мы пришли: К. Маркс был упомянут в статье 4 раза, Ф. Энгельс – 2, В.И. Ленин – 51. Даже не смотря на тот факт, что работа была посвящена В.И. Ленину, историк сознательно не использует другие источники, а лишь отсылается к первоисточникам марксизма. Это лишь подчеркивает, что И.П. Осадчий на рубеже XX–XXI в. был приверженцем формационного подхода в классической советской форме с присущими элементами ортодоксии. На данный момент это противоречит принципу историзма.

Под другим углом смотрят на формационный подход историки социал-реформистских воззрений. Рассмотрим материалы конференции, посвященной 80-летию революции 1917 г., которая проходила в Новгороде [9]. Там говорилось о том, что в современных реалиях радикальный формационный подход невозможен, однако он не утратил своего научного значения. Данный подход должен рассматриваться в единой системе с цивилизационным и эпохальным подходами. Следует, историки социал-реформистских воззрений в своих исследованиях не будут столь догматичны.

В конце 90-х годов XX в., отечественная историография стала плюралистической. Рассмотрим диаметрально противоположные концепции либеральных историков.

Перейдем к исследованиям П.В. Волобуева и В.П. Булдакова. П.В. Волобуева многие поистине считают основоположником нового направления в отечественной историографии. Он один из первых российских историков, который начал рассматривать Октябрьскую революцию не с позиций формационного подхода. В этом и заключалась новизна его исследований в начале 90-х годов XX в. 2 сентября 1995 г. на XVIII Международном конгрессе исторических наук выступили с совместным докладом П.В. Волобуев и В.П. Булдаков, в котором прозвучали основные моменты изучения Октябрьской революции. Ученые отметили появление новой историографической ситуации в государстве, благодаря которой появилась возможность отказаться от идеологизации и политизации Октябрьской революции [3, с. 28]. На основании данного тезиса ученые выделили основные предпосылки Октябрьской революции. Особое внимание историки уделяли политическим причинам, среди них: ограниченность реформ либерально-оппозиционного общества. «Их реформаторство лишь провоцировало нетерпение и радикализм народных низов» [Там же, с. 29]; Воздействие Мировой войны, в ходе которой социалистические идеи превратились «в едва ли не главный компонент сознания масс» [Там же, с. 29]. Подытоживая, историки заявили, что «Революция, сколь грязными и трагичными ни выглядели бы ее страницы, все же остается жизнеутверждающим актом, как и рождение всего нового» [Там же, с. 37].

Таким образом, на момент 80-летия революции в историографии сложились разные оценки Октября. Ряд исследователей, продолжали придерживаться ортодоксии. Другая когорта историков от нее избавилась и, используя все доступные источники, проводили свои исследования. Однако многие из исследований носили радикальный характер, в связи с избавлением от марксистской идеологии.

После бурных 90-х годов в стране наступает эпоха «стабильности», связанная, прежде всего, с именем нового президента – Владимира Путина, эта стабильность консолидировало общество вокруг президентской власти.

В 2007 г. на Октябрьскую революцию историки смотрят уже по-другому: все меньше исследователей придерживаются ортодоксии. Довольно большой перевес в пользу либеральных историков.

Рассмотрим материалы Всероссийской научной конференции, которая состоялась 6 ноября 2007 г., на 90-летний юбилей октябрьской революции [11]. Даже на уровне наименования ра-

бот, представленных на конференции, можно предположить о том, что к этому моменту ученых стали интересовать все больше разносторонних тем. Так, например, в 90-е годы исследователи либерального толка, освободившись от догматов идеологии, стали активно порицать действия большевиков, но не всегда аргументировано. В 90-е годы обострились и консервативные взгляды; ряд ученых видело в революции действия масонов и т. д. К 2007 г. взгляды ученых стали более взвешены. Соответственно, количество радикальных исследований сократилось. В материалах интересующий нас конференции, особое место занимают работы, посвященные грабежам зимнего дворца во время революции [5], охране материнства и детства в России [8], российскому образованию между реформаторством и революционаризмом [Там же], проблемам формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX вв. в социально-политическом и социокультурном контексте [13], обществу и личности в эпоху перемен: Российская специфика [15]. Рассмотрим несколько из них.

«В истории Великой российской революции 1917 г. есть эпизоды, которые совсем забылись, о них по понятным причинам не писали в советский период. Создавался образ чистой народной революции, во главе которой стояли герои подвижники» [5, с. 122], – пишет А.А. Ильяхов. В статье историк обращает внимание на кражи реликвий и различных бытовых предметов в Зимнем дворце солдатами и матросами. Также историк отмечает, что и самим правительством была уничтожена большая коллекция царского вина, с целью предотвратить пьянство среди матросов и солдат [Там же, с. 127–128]. «События такого величайшего масштаба (Прим: революция) не только потрясают основания общества, но приводят к тектоническим сдвигам. Этим определяется необходимость углубления наших знаний о социокультурных гранях революции и дискурсах, ею сконструированных» [7, с. 139], – объясняет важность своего исследования Н.Н. Коршунова. Историк уверена, что сразу после революции на государственном уровне были предопределены задачи охраны материнства и детства в новом Советском государстве [Там же, с. 144–146]. Другой не менее важной социокультурной теме посвящено исследование Т.Ю. Красовицкой [8]. Историк отмечает, что после революции новому Советскому государству досталось большое профессиональное наследие в образовании. Во многом большевики лишь правильно им распорядились. Однако, не стоит преуменьшать действия большевиков в сфере образования. «Но, на наш взгляд, сгоряча перо историка революционеров из положительных героев истории превращает в героев отрицательных, порушивших многое, не уточняя, кто же был истинным революционером в российском образовании и что же полезного и ценного несли с собой те, кого традиционно принято считать революционерами» [Там же, с. 148], – пишет историк.

Данные исследования подтверждают смещение акцентов с радикализма до макроистории и истории повседневности. В 90-е годы историки интересовались более масштабными вопросами истории октября: спорили о причинах революции, о месте и роли большевиков, о эффективности революции.

Последний 100-летний юбилей Октябрьской революции праздновался в 2017 г. Данное событие было ярко освящено в культуре: проводились различные лекции и семинары, посвященные данной теме, снимались художественные и документальные фильмы. Что касается историографии, то к 2017 г. она все больше приобрела научный характер, однако, как отмечают исследователи «... в изучении исследуемой проблематики еще остаются определенные пробелы, обусловленные, в первую очередь, отсутствием комплексных разработок этой проблемы с учетом новых методологических концептуальных подходов» [14]. Осмысление революции 1917 г. как единого процесса позволяет современным исследователям более глубоко рассматривать характер революции, ее причины. Осмысля многофакторность причин и предпосылок революции, современные историки и саму революцию анализируют как сложное и многоуровневое явление.

Обратимся к материалам XXV Международным Рождественским образовательным чтениям «1917–2017: уроки столетия», которые проводились 25–27 января 2017 г. Причины революции и последующий гражданской войны церковные деятели видят в утрате обществом веры в Бога: «Глубинной причиной нескольких революций, приведших к захвату власти радикальными политическими

силами, братоубийственной Гражданской войне, репрессиям в отношении отдельных лиц и социальных групп, страданиям людей и многочисленным жертвам, следует признать утрату обществом живой и искренней веры в Бога, порожденное этими утратами и оказиями способность критически воспринимать привнесенные извне философские и политические идеи, отказ от сохранившихся в религиозной традиции нравственных норм» [6]. В итоговых материалах Рождественских чтений отражено не только свойственное деятелям церкви негативное восприятие революции, но и содержится объективная, на наш взгляд, оценка последовавшего за революцией советского периода.

В 2017 г. стартовал крупный междисциплинарный проект «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начало 1920-х годов)». Авторы убеждены, что изданные в рамках проекта книги, циклы статей и публикаций, а также тематический интернет-ресурс помогут в качественно новом осмыслении того, «как центральное событие истории России XX в. отразилось в важнейшем из зеркал её культуры: в зеркале литературы» [12, с. 21].

Следовательно, последний юбилей Октябрьской революции в историческом сообществе стал новым этапом в выработке новых подходов и раскрытии малоизученных аспектов в истории такого многогранного события, как Российская революция 1917 г.

Таким образом, через юбилейные годы Октябрьской революции прослеживается динамика изменений отношений к революции – ее причинам и последствиям в историческом сообществе. Научный и спокойный характер историография начинает приобретать только лишь ко второму юбилею Октябрьской революции.

Литература

1. Бобрякова О.В., Степанова Л.П. СИМВОЛ Великого октября – Смольный // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 37–42.
2. Великий Октябрь: Уроки истории и современность / О-во «Рос. ученые социалист. ориентации» (РУСО); под общ. ред. И.П. Осадчего. М.: Былина, 1997.
3. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 51–64.
4. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на Совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987.
5. Ильяхов А.А. Опасные «сокровища» Зимнего дворца и их судьба в октябре/ноябре 1917 г. // Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 122–132.
6. Итоговый документ XXV Международных Рождественских образовательных чтений // Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4792900.html> (дата обращения: 11.01.2022).
7. Коршунова Н.Н. Охрана материнства и детства в России как коммунистическая мечта // Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 139–148.
8. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом // Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 148–156.
9. Куликов М.И. Октябрь 1917 г. Метаморфозы мировой цивилизации (Постановка проблемы) // 1917-й. Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения: материалы науч. конф., посвящ. 80-летию Февр. и Окт. революций в России. (4 нояб. 1997 г.) / [редкол.: Чуйкова Т.Б. (ред.-сост.) и др.]. Новгород: Кириллица, 1998.
10. Новикова М.В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985–1991 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 24–39.
11. Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007.
12. Полонский В.В., Введенская В.М., Глухова Е.В. [и др.] Русская революция 1917 года в литературных источниках // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4(89). С. 9–24.
13. Проскурякова Н.А. Проблемы формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX вв. в социально/политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 188–200.
14. Рачипа А.В., Бурьков В.В., Алексеева А.В. Некоторые аспекты изучения революции 1917 г. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–1. С. 77–81.
15. Ручкина Г.Ф. Общество и личность в эпоху перемен: Российская специфика // Октябрь 1917 г.: взгляд из XXI века: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО ИГУМО, 2007. С. 212–220.

DMITRIY KIRILLOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE PERSPECTIVES ON THE OCTOBER REVOLUTION IN THE ANNIVERSARY
YEARS OF THE LATE XXTH – XXIST CENTURY**

The article deals with the dynamics of the changes of the perspectives in the historical society on the events of the October Revolution. There are revealed the specific features of each anniversary.

Key words: the October Revolution, anniversary, the Soviet Union, conference proceedings, historiography.

УДК 93

А.Р. КНЫШ
(knysh1901@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ ПРОПАГАНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ В 1920–1930-Е ГОДЫ В РОССИИ*

Цель исследования – определение роли пропаганды в формировании образа новой женщины в 20–30-е годы XX в. в Советской России. Рассмотрены такие способы пропаганды, как политическая реклама и общественно-культурные мероприятия. Раскрывается понятие политическая реклама на примере популярных в то время агитационных плакатов. Описывается процесс подготовки и проведения нового советского праздника – 8 Марта как способ агитации женского движения. Рассказывается о значении политических лозунгов во время этого праздника.

Ключевые слова: женское движение, политическая реклама, 8 Марта, агитационные плакаты, женотделы, новые советские праздники, ликвидация безграмотности, политические лозунги, социальная политика, борьба за нравственность.

Актуальность темы обусловлено тем, что исследование проблемы места женщины в обществе, культуре является актуальным в данное время. Осознать современное положение женщин в обществе невозможно, не обращаясь к прошлому [15]. Современный феминизм в России, берет свое начало с 20–30-х годов прошлого столетия. Таким образом, целесообразно для изучения образа русской женщины возвращаться истории формирования облика советской женщины послереволюционного периода. Поскольку именно в это время происходит переход к новой модели общественного и культурного пространства [9].

Появление образа «советской женщины» было частью проекта по созданию нового советского общества [1]. Для лучшего понимания идеологии нового государства необходимо было менять сознание человека. Эти изменения были направлены на разные стороны его жизни – т. е. на его социальные роли [6].

На историографию изучения проблемы, на подходы и тематику исследований историков влияла идеологическая направленность советской власти [1].

Стоит указать также то, что несмотря на многоплановость проблем, связанных с определением места образа «советской женщины» отсутствуют обобщающие научные исследования, посвященные исследованию женского вопроса и роли пропаганды в нем [16].

Большое внимание в новом государстве уделялось политической пропаганде и агитации среди женщин. Именно по этой теме были написаны статьи Александры Михайловны Коллонтай. Она уделяла вопросу совмещения политической деятельности женщин с материнством, также отмечала и трудность решения женского вопроса без подготовленных кадров. Просветительская деятельность была необходима, т. к. многие женщины не понимали еще своих прав, которые дает им советское государство. «Новая женщина должна стать полноправным членом общества» [8].

Новый виток, а вместе с ним и спад в женской историографии начинается в 1934 г., когда в печать выходят исследования Серебренникова «Женский труд» [5] и Марии Александровны Шабуровой «Женщина большая сила» в 1935 г. [17]. В них раскрываются деятельность государства в привлечении женщин во все отрасли промышленного производства и роль женотделов в них.

Однако уже с конца 1930-х годов происходит застой, как в исторической науке, так и женском движении в целом. Происходит отмена всех форм работ среди женщин, так излишняя активность вызывала подозрение партийных органов и привела к ликвидации женотделов. Интерес к изучению женского вопроса также спадает.

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Начиная с 1961 г. женотделы снова заинтересовали исследователей. Так, в работах А.И. Булатова и А.С. Беляевой содержатся сведения о деятельности женотделов, их истории, роли партии в решении женского вопроса [14]. Встречаются также и отдельные работы, посвященные активисткам.

Таким образом, анализ историографической литературы показывает, что политическая идеология в рассматриваемый период являлась главным скульптором образа «новой советской женщины». Это доказывает необходимость изучения путей формирования идеологически одобряемого женского образа [14].

Исходя из исследования историографии женского вопроса нами была выделена проблема для дальнейшего изучения. Проблема: Женское движение и их средства агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок в 20–30-е гг. XX в.

Целью нашего исследования является изучение видов агитации и пропаганды женского движения 1920–30-х годов, а также их роль в формировании образа новой советской женщины.

Для решения данной цели ставятся следующие задачи:

1. Раскрыть способы и формы пропаганды образа «новой женщины» в Советском Союзе через политическую рекламу и праздник 8 Марта.
2. Рассмотреть изменение политических задач партийных идеологов в отношении женщины через призму политической рекламы, праздников, массовой культуры.
3. Выявить роль женотделов как средства агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок на примере Нижнего Поволжья как одного из показательных регионов женского движения.

Государственная идеология понимала, что главный способ изменения сознания женщины – это пропаганда через массовую культуру, праздники, политическую рекламу.

Образ новой женщины транслируется в массовую культуру прежде всего из-за требований Советского Союза в экономическом, политическом и социальном плане. Самое интересное что способы такой трансляции действуют и в современном российском обществе.

Нами были выделены два основных способа пропаганды и агитации женского движения в 20–30-е годы XX в. в России – это политическая реклама и праздники. Рассмотрим их подробнее.

Первый способ – это политическая реклама. Политическая реклама – это система коммуникаций, призванных менять сознание и поведение людей в соответствии с политическими целями рекламодателя в данном случае советской власти [10]. Главной целью политической рекламы является побудить людей к нужному для власти политическому и социальному поведению [Там же].

В решении женского вопроса, как одной из главных задач революции, советская власть использовала политическую рекламу – агитационные плакаты, призывающие женщин к участию в политической, трудовой жизни страны, в борьбе с проституцией, с кухонным рабством и неграмотностью.

Нами было выделены следующие направления использования политической рекламы, зависящие от главных задач советской власти то или иной период.

Первое направление – ликвидация безграмотности населения, которая началась в 1923 г. Для ее ликвидации активно использовались женщины разных возрастов и социальных положений.

В плакатах, посвященной данной теме, наблюдается упрек женщины за то, что она безграмотна. «Эх, маманя была-бы ты грамотной, помогла-бы мне! Учись, женщина грамоте!» – лозунг плаката под авторством Е. Кругликовой [6]. Маленькая девочка упрекает свою мать за то, что та ничего не понимает и не может ей помочь с домашним заданием. Даже образ матери, в старом платке, фартуке и лаптях в этом плакате, по сравнению с дочерью, говорит об отсталости женщины от современного общества, которое формировалось советской властью [14].

Образ в платке есть и на плакате 1925 года А. Могилевского «Если книг читать не будешь – скоро грамоту забудешь», но здесь главная цель уже не упрекнуть, а поддержать влечение женщины в получении знания, т. е. своеобразная антитеза прошлому плакату. Тут получается некая эволюция женского образа из неграмотной и отстающей в грамотную и разбирающуюся в «умных» книгах особу [Там же].

Следующим направлением агитации была активизация женщин как участниц политической жизни СССР. Сначала это – простой призыв слушать речи Ленина и других большевиков, затем вступление в партию. Примеры таких плакатов: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством» (1920), «Лучшие работницы и крестьянки – в Ленинскую партию!» (1924), «Я теперча не твоя, я теперча Сенина...» (1925) [5]. Здесь сталкиваются два образа: прежняя женщина и новая женщина, гражданка, которая поддерживает коммунистическую партию, амбициозная и решительная, образованная. Даже контраст красного и черного говорит нам о разгроме пережитков царской России. Часто в плакатах этого направления встречается образ женщины с поднятой рукой, такой жест присущ политическим лидерам, а немного грубое выражение лица подтверждает политическую значимость советской женщины [9].

Советы брались за перестройку не только политической жизни женщин, но и за социальную. Таким образом, целесообразно выделить следующее направление в политической рекламе советов – социальная реклама. В ней главной задачей была борьба с проституцией: «Стой! Ночная панель!» (1929), защита детей от домашнего насилия и сохранение полноценных семей: А. Соборова «Матери, не подкидывайте детей!» (1925) и А. Федоров «Долой избиение и наказание детей в семье...» (1926) [14]. Для советского правительства было важно сохранение морального облика женщин, поэтому в данных плакатах наблюдается некий укол в сторону неблагоприятных для общества «гражданок». На плакате «Стой! Ночная панель!» (1929) можно заметить интересный момент, что «неблагоприятная гражданка» изображена в белом – перенос на Белую Армию и Царскую Россию – а женщина, которая борется против произвола полностью в красных тонах характерном для работниц социалистического труда красном платке [Там же].

Четвертое направление рассказывает нам о женщине-работнице социалистического производства и героине-революционерке [18]. Таким ярким примером становятся плакаты А.И. Страхова-Браславского «Раскрепощенная женщина – строй социализм!» (1926), А.Н. Самохвалова «Да здравствует комсомол! К седьмой годовщине Октябрьской революции» (1924), В.Н. Кулагиной «Работницы-ударницы, крепите ударные бригады, овладевайте техникой, увеличивайте кадры пролетарских специалистов» (1931), А. Мытникова-Кобылина «8 Марта боевой праздник трудящихся женщин всего мира» (1932) [18]. Тут женщины выглядят как олицетворение нечеловеческой мощи советских революционных сил [1]. Они изображены с развитым телосложением и макияжем или без него [18]. Чаще всего женщины изображены в статичной позе на фоне поля, станка, трибуны, т. е. на месте работы. В основном акцент идет именно на место работы, нежели чем на саму женщину. Все женщины одеты в рабочую одежду волосы убраны под красный платок, лицо серьезное, встречаются даже безэмоциональные. Все это говорит о решительных намерениях женщины [14].

Политическая реклама, как пропаганда, создавала образ «новой женщины» с новыми идеалами и ценностями. Это сильная, грамотная революционерка и работница. Однако несмотря на это «раскрепощение» женщины было не в ее интересах, а в интересах государства. Борьба с «кухонным рабством» по сути подписывало женщину на двойную работу, на производстве и дома.

Да, советские агитационные плакаты успешно выполняли свою функцию, они создали образ «новой женщины», но он в первую очередь был идеологическим, свободная женщина, но эта свобода ограничивается государством, она вынуждена реализовывать его интересы в семейном и политическом направлении.

Однако помимо политической рекламы был еще один способ пропаганды нового женского образа – 8 Марта.

Впервые Международный Женский День в России отмечался в 1913 г., в первое воскресенье февраля. Однако последующие годы всегда находились препятствия к его проведению это и запрет царской власти и «предательство меньшевиков» [3]. Лишь в феврале 1917 г. из-за тягот войны петроградские женщины вышли на забастовку. 23 февраля (8 марта) 1917 г. женщины вышли на улицы с лозунгами «Хлеба!», «Прибавку пайка семьям солдат!». Именно эта женская забастовка стала нача-

лом Февральской революции. Также с этого момента Международный день работниц стал обязательным и ежегодным праздником [9].

Дальнейшая судьба праздника зависела от политической обстановке в стране. После Октябрьской революции положение женщин в обществе кардинально изменилось. В Конституции 1918 г. были юридически зафиксированы права женщины и равноправие двух полов. После этого встала задача приобщить женщин к социалистическому строительству. Основной задачей «новой женщины» являлось участие во всех формах и видах революционной борьбы, путем пропаганды и агитации – это была идеологическая установка партии [2]. Именно в таких целях и использовался праздник 8 Марта.

В 1921 г. на 2-й Коммунистической женской конференции было принято отмечать праздник в честь женской забастовки в Петрограде 1917 г. [1]. Однако постепенно проведение Международного женского дня становилось неотъемлемой частью советской партийной работы среди женщин по вовлечению их в процесс индустриализации и культурной революции [9].

Первоначальный смысл праздника уходил на второй план, Международный коммунистический женский день 8 Марта – отмечался как праздник «нового быта», созданный для политического воспитания работниц и крестьянок вовлечение их в движение пролетариата [16].

В 1921 г. Международный день работниц прошел под знаком участия женщин работниц и крестьянок в хозяйственной жизни страны и с лозунгами «Возражения Советской Республики» [9].

В 1922 г. Советская власть дала добро на использование лозунгов по борьбе с голодом, женской безработицы, проституции и, конечно же, объединение и вступление в Компартию и профсоюзы [Там же].

В 1923 г. было решено отказаться в публикациях и лозунгов от слова «женщина», использовались только слова «работница» и «крестьянка»: «Да здравствует международный День Работниц – праздник всего рабочего класса»; «Привет работнице, идущей нога в ногу с рабочим!»; «Завтра мы празднуем Международный женский коммунистический день – день смотра боевых сил работниц и крестьянок всех стран». Слово женщина означало старый и не нужный мир: «Лишь со смертью последней неграмотной женщиной – умрет старый мир!» [3].

Абсолютно все лозунги Международного женского дня 20-х годов XX в. использовались советской властью исключительно как пропаганда. Постоянно печатаясь в газетах, плакатах и брошюрах, лозунги доносили главную идею Компартии, идею признания ценности женщины как гражданина страны, свободной и независимой женщины.

К концу 20-х годов появился план проведения 8 Марта на общегосударственном уровне. Сначала предполагалось привлечь весь женский актив. Компанию нужно было увязать с задачами партии, т. е. решить те проблемы, которые поставила Компартия: поднятие культурного уровня, вовлечение крестьянок и рабочих в работу партию и социалистическое строительство.

В губернские партийные органы направлялись инструкции, тезисы и сценарий праздника, и требовались отчеты об проведении праздника. На местах проводились собрания назначались ответственные за митинги, лекции, собрания, спектакли и т. д. Сценарий праздника утверждался особым протоколом, к нему прилагался отчет о проведение праздника.

1922 год 8 Марта становится уже общепролетарским праздником. Лозунги об объединении трудящихся вокруг РКП(б), борьба с голодом и женской безработицы звучат еще громче. Праздник использовался в агитационных целях: «Это – праздник не одних работниц. Весь пролетариат заинтересован в раскрепощении трудящейся женщины от векового бесправия и потому-то Коммунистический Интернационал призывает всех сознательных рабочих поддерживать требования работниц, помочь добиться тех мероприятий, которые облегчают положение трудящейся женщины и защищают ее права и интересы» [19, с. 148].

В тоже время вместе со стандартизацией сценария и некой формализации празднования Международного Дня работниц, со второй половины 1920-х годов в Советском Союзе все реже упоминаются проблемы трудящихся женщин [9], а к 1930-м годам заявляется что женский вопрос полностью решен [Там же].

Женщины СССР получили гражданские и политические права, право голоса право на труд, привлекались к управленческой деятельности, поэтому по мнению партийных руководителей, женщины уже не нуждаются в защите и специальных женских структурах – женотделах которые смогли бы за них постоять [14]. Именно поэтому лозунги на праздниках все чаще стали носить общегосударственный характер, касающийся не только женщин, т. е. призывали женщин не к самостоятельности, а к участию в «стахановском» или коммунистическом труде, участию в коллективизации, индустриализации и т. д. [9].

Однако на Восточных окраинах страны все еще звучали лозунги, требующие защиту и раскрепощение женщины.

Роли женотделов в формировании облика новой советской женщины велика. Они проводили учет неграмотных в селах и городах, подбирали «интеллигентные силы для читки лекций, докладов по научным вопросам», а также находил помещение и оборудование [13]. Во время лекций делегатки присматривали за детьми обучающихся. Неграмотность являлась главным препятствием женщин на пути к политическому управлению. Именно из-за это на совещании секретарей волкомов (волостные комитеты) РКП(б) и организаторов по работе среди женщин при орготделе УКОМА РКП(б) второго Донского уезда был поставлен вопрос об упрощении форм отчетности [Там же]. Поскольку еще в 1919 г. был издан Декрет по ликвидации неграмотности, по которому все малограмотные граждане в возрасте от восьми до пятидесяти лет должны пройти обучение. Обучение имело свою очередность, сначала обучались коммунистки, делегатки, а затем уже все остальные. Местом получения знаний, проведения досуга, а вместе с тем и агитационной работы были избы-читальни. Их работа помогала крестьянкам приспособиться к новой советской жизни. В 1920–1921 гг. в РСФСР в целом насчитывалось свыше 25 тыс. изб-читален. Организация работы имела свои плоды, т. к. среди их посетителей женщин составляло около 35%.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1920-е и 1930-е произошли радикальные изменения в жизни советской женщины [9]. Были ошибки, недочёты в использовании «женской» пропаганды, по средствам лозунгов, а также политическая рекламы, но при этом они сыграли большую роль в достижении целей советской власти. К началу 1930-х годов СССР вышел на первое место в мире по уровню образования среди женщин. Также к этому времени на предприятиях и заводах работало свыше 9 млн женщин. Сложившаяся в СССР традиция ежегодно отмечать Международный день работниц свидетельствовала о трансформации традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе, повышалась самосознание женских масс [9]. В своем докладе секретарь губкома РКП(б) И.В. Муругов на V губернском партийной конференции 1921 года отмечал, что «женщины были втянуты в жизнь наших советских учреждений и экономических организаций, а также продвинута вперед работа и среди мусульманских женщин» [4, с. 80].

В результате проведенных исследований нами было установлено, что 1920–30-е годы образ «новой женщины» формировался посредством пропаганды и агитации различными способами: через политическую рекламу – плакаты послереволюционного периода, через праздник Международный Женский день 8 Марта [18].

Эти средства взаимосвязаны и не имеют смысла без существования друг друга. Политическая реклама была бы бессмысленна если бы не была бы прикреплена праздником 8 Марта. Женотделы не смогли бы в полной мере осуществлять свою работу без пропаганды. Многие женщины без воздействия на них агитации так бы и остались «кухарками» и не пошли бы за Женотделами отстаивать свои права.

Также можно отметить, что сформированный в Советском Союзе облик новой женщины существует до сих пор. Многие современные российские деятели женского движения являются потомками делегаток. Если провести параллель с современностью, то лозунги и способы агитации в женское движение совершенно не изменились, изменились только политические условия.

Литература

1. Днепровская А.А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) // Вестник Омского университета. 2011. № 1(59). С. 91–98.
2. Женщина // Малая сов. энцикл. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М.: Сов. энцикл., 1930. Т. 3. С. 210.
3. Женщины в революции. М.: Госполитиздат, 1959.
4. Из отчётного доклада секретаря губкома РКП (б) И.В. Мургова на V губернской партийной конференции об усилении идейно-политического воспитания коммунистов и беспартийных масс // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: сб. документов и материалов. Т. 1. Волгоград: Ниж. Волж. Кн. Из-во, 1980. С. 82.
5. Каждая кухарка должна научиться управлять государством. худож. Макарычев И.П., Раев; автор цитаты В.И. Ленин. М.: Изомастерская. [Электронный ресурс]. URL: https://gusneb.ru/catalog/000199_000009_004881138/ (дата обращения: 29.12.21).
6. Кныш А.Р. Агитация и пропаганда женского движения в 20–30-е годы XX в. в России // Развитие науки и образования в условиях мировой нестабильности: современные парадигмы, проблемы, пути решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 29 окт. 2021 г.). СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2021. С. 59–64.
7. Кныш А.Р. Плакаты как средство политической рекламы и пропаганды женского движения // Технологические инновации и научные открытия: сб. трудов по материалам V Междунар. конкурса науч.-исследоват. работ (г. Уфа, 20 мая 2021 г.). Уфа: ООО «Научно-издательский центр “Вестник науки”», 2021. С. 31–35.
8. Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 дек. 1908 г., г. Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/t4_2.htm (дата обращения: 29.12.21).
9. Ленивихина Н.О. Международный женский день в советской России (на материалах Нижневолжского региона 20-х гг. XX в. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 2(16). С. 196–203.
10. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. Т. 1.
11. Международный коммунистический женский день // Малая сов. энцикл. М.: Сов. энцикл., 1930. Т. 5. С. 220.
12. Протокол заседаний пленума, организационного бюро и президиума окружного комитета // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 91.
13. Протокол заседаний пленума, организационного бюро и президиума окружного комитета // ЦДНИВО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 90.
14. Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход: сб. ст. СПб.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (Санкт-Петербург), 2007. С. 169–200.
15. Самойлова К.Н. Работницы в Российской революции: К Междунар. дню работниц 23 февр. 1917 г. – 23 февр. (8-го марта). Харьков: Центр. ком. Ком. партии (б.) Украины, 1920.
16. Стайс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.
17. Шабурова М. Женщина – большая сила. М.: Партиздат, 1935. С. 37.
18. Шаманина Т. С. Образ женщины в советском плакатном искусстве межвоенного периода (1918–1939 гг.) // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 1(183). С. 139–144.
19. Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г. Международный женский день // Слов. гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 147–149.

ANASTASIYA KNYSH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ROLE OF PROPAGANDA IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE NEW WOMAN IN THE 1920–1930S IN RUSSIA

The purpose of the study is to define the role of propaganda in the formation of the image of the new woman in the 1920–1930s in the Soviet Russia. There are considered such ways of propaganda as the political advertisement and the social and cultural events. There is revealed the concept of the political advertisement at the example of the popular agitation posters.

The author describes the process of preparing and implementing the Soviet holiday – March 8 as the way of the agitation of the feminist movement. There is discussed the significance of the political slogans during the holiday.

Key words: *feminist movement, political advertisement, March 8, agitation posters, women’s section, new Soviet holidays, illiteracy eradication, political slogans, social policy, struggle for morality.*

УДК 93

А.Р. КНЫШ
(knysh1901@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ В 20-Е ГГ. XX В.*

Статья посвящена деятельности женщин в сфере благотворительности в 20–30-е годы XX века в Советской России. Рассматриваются такие способы благотворительности как борьба с детской беспризорностью, организация помощи безработным женщинам, участие в комиссиях по борьбе с голодом.

Ключевые слова: женское движение, женская благотворительность, борьба с детской беспризорностью, борьба с голодом, ликвидация безграмотности, социальная политика.

Женщины играли значимую роль в общественно-политическом развитии России, весьма значительен их вклад в формирование гражданского общества. Они готовы были отстаивать не только свои права, но и права детей, стариков и инвалидов. Благодаря активисткам в российском законодательстве появлялись и появляются законы, направленные на защиту слабозащищённых слоев населения. Женское движение – это не только отражение интересов женщин, но и важная веха в развитии общества в целом, что делает эту тему актуальной и привлекательной для исследователей.

После Октябрьской революции 1917 года радикально меняется сам характер благотворительности, сохраняется только так называемое пролетарское направление. Оно становится частью политики нового государства. Во время Гражданской войны основная часть выпускаемых публикаций по данной теме принадлежала перу авторов – большевиков: И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупской и К.Н. Самойловой [1, 4, 5, 10].

Новый виток, а вместе с ним и спад в историографии женского вопроса начинается в 1934 г., когда в печать выходят исследования Г. Серебренникова «Женский труд в СССР» и Марии Александровны Шабуровой «Женщина – большая сила» в 1935 г. В них раскрываются деятельность государства в привлечении женщин во все отрасли промышленного производства и роль женотделов в них.

Партия большевиков и Советское правительство, осознавая большой потенциал женщин, стремились не только приобщать их к социальным преобразованиям, но и постоянно контролировать все сферы женской активности.

Целью нашего исследования является изучение видов и способов женской благотворительности в 1920–30-х годов.

Для решения данной цели ставятся следующие задачи:

1. Раскрыть способы и формы женской благотворительности в Советской России.
2. Выявить вклад и роль женотделов в благотворительной сфере.

Социальные и политические потрясения первых десятилетий XX в., революция, Гражданская война, вызвали в России невероятный социально-экономический кризис. Новое советское правительство не могло самостоятельно справиться со сложившимися проблемами, с разрухой, голодом и пр. Одной из серьезнейших проблем стала беспризорность детей-сирот, чьи родители погибли в годы Первой мировой и Гражданской войны. Именно поэтому государство инициирует совместные действия с общественностью для оказания помощи социально незащищенным слоям населения. Советские власти всячески поощряют формирование благотворительных фондов и иных организаций помощи.

В советский период довольно быстро ликвидируется церковная благотворительность, на которую раньше и ложились эти заботы. Однако, появляются новые общественные организации, которые находятся под контролем государства, и основу которых составила новая идеология. Целью таких организаций была помощь в первую очередь представителям пролетариата и крестьянства, т. е. благотворительность в это время принимает классовый характер [2].

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Одной из организаций, на чьи плечи ложилась забота о детях, стариках и женщинах, оказавшихся в трудном жизненном положении, стали Женотделы. Они продолжили традицию сформировавшихся еще в Российской империи женских благотворительных организаций.

Женотделы формировались в губерниях, уездах. Они состояли из наиболее активных женщин-делегаток. В крупных городских центрах женотделы находились в каждом районе, на каждом предприятии.

Женотделы в начале 20-х гг. активно включались в борьбу с голодом и его последствиями в Нижнем Поволжье. Под их юрисдикцией находился контроль над деятельностью вновь созданных детских садов, приютов и школ. Также женотделы проводили благотворительные концерты, лотереи, акции в пользу беспризорных и больных детей, инвалидов войны, вдов красноармейцев, безработных женщин [6].

Помимо горожанок в женотделы также входили представительницы деревень и сёл. Их роль в благотворительном деле заключалась в агитационных кампаниях. Делегатки устраивали «общественные читки» в изба-читальнях, где зачитывали указания правительства и рассказы из журналов «Работница» и «Крестьянка» [11]. Главными направлениями женотделов в благотворительной сфере были:

1. Борьба с детской беспризорностью. А именно принимать участие в судьбе детей, оставшихся без родителей. Поддерживать и обеспечивать вещами и продовольствием детские дома, и бесплатные столовые. Не обходилась без внимания и помощь подросткам в получении профессионального образования.

2. Организовать помощь безработным женщинам, через кооперативы, фабричные комитеты. Особенно это касалось женщин с детьми, матерей-одиночек, и девушек, закончивших специальные технические или иные училища.

3. Участие в комиссиях по борьбе с голодом. Необходимо было выделять делегаток в Последгола (центральная комиссия при ВЦИК по борьбе с последствиями голода 1921 года) и на работы в полях. А также производить сбор денег и вещей для населения больше всего пострадавших от голода районов.

По всем этим направлениям женотделы сотрудничали с другими общественными благотворительными организациями и государственными учреждениями: с комитетом крестьянской взаимопомощи, с комиссией по улучшению жизни детей, с обществом друзей детей и прочими [3]. Вся их деятельность строго регламентировалась и контролировалась государством. Из центральных обкомов приходили циркуляры планов работ на месяц, где были прописаны задачи, стоявшие перед женотделами. Также пересылались планы и сценарии благотворительных мероприятий с предписанными текстами, тезисами, лозунгами [7].

Для контроля над детскими домами общими собраниями женщин выделялись наиболее активные делегатки женотдела на месяц, чтобы лучше уяснить положение детдомов. Чуть позже, в 1923 г., по всей стране создаются советы детдомов. Для детдомов собирались деньги, картофель, крупы, лук, иногда и детские игрушки [2].

Что касается деятельности женской благотворительности в деятельности Последголода, то она выражалась не только в сборе пожертвований, но также женщины устраивали субботники. Еще они посещали бесплатные столовые с целью проверки и предотвращения злоупотребления некоторых личностей. Женотделы следили за количеством получаемой продукции, а также вели учет [11].

Женские организации сотрудничали с миссией Красного Креста в Нижнем Поволжье, распределяли продовольствие между голодающими, следили за действиями персонала [2].

Кроме плановых обследований состояния детских домов и столовых, регулярно проводились «трехдневники», «недели» и «месячники» помощи беспризорному и больному ребенку. «Недели» и «месячники», которые приурочивались к политическим праздникам 8 марта, 1 мая, 7 ноября. Такие мероприятия носили общероссийский характер.

Проведению «недели» предшествовали подготовительные мероприятия, разработка плана действий, постановка задач. Все собранные средства предписывалось строжайшим образом учитывать и сдавать в Обкомитет [3].

Для наиболее эффективного включения в процесс борьбы с детской беспризорностью и преступностью делегатки женотделов вводились в состав Деткомиссии и общества «Друг Детей», таким образом, женщины участвовали в работе как государственного образования, так и общественных объединений [2].

Добровольное участие женщин в работе Деткомиссии давало возможность непосредственного общения с детьми. Участие женщин в деле призрения детей выразилось и в привлечении их к организации детских приютов, что особенно проявилось в период 1920–1921 гг., когда наблюдался самый активный рост числа подобных детских учреждений в стране.

Еще одной задачей была помощь безработным и оказавшимся в трудном положении женщинам. Это выражалось в трудовой помощи через комитеты на предприятиях, где безработные женщины могли найти себе применение и самостоятельно обеспечивать себя и своих детей, а также и через сборы пожертвований в пользу безработных матерей.

Женотделы контролировали Биржи труда, чтобы ускорить процесс трудоустройства женщин, а также защитить от несправедливости со сторон мужчин. При Бирже, в том числе, велась и культурно-просветительная работа, целью которой являлись улучшение быта и просвещение безработных женщин. Регулярно проводились лекции и доклады о международном положении, борьбе женщин за равенство прав, о санитарном просвещении [6].

Также безработным матерям выплачивались денежные пособия из благотворительных сборов. Силами делегатов женотдела устраивались концерты и спектакли в пользу безработных женщин.

Борьба с женской безработицей была одной из первоначальных целей, поскольку она порождала социальную проблему – проституцию, с которой также боролись женские организации [9].

Подводя итог, можно сказать, что женская благотворительность в первые годы советской власти носила общегосударственный характер и контролировалась партией. Благотворительность была направлена на помощь социально незащищенным слоям населения – женщинам и детям. Женотделы решали проблемы беспризорности, голода, женской безработицы, проституции. Женское население активно включалось в политические массовые кампании, общественную жизнь страны, создавая собственные общественные организации. Основным направлением деятельности этих организаций являлось решение острых социальных проблем, в том числе посредством благотворительности.

Также можно сказать, что сама форма благотворительности меняется, если раньше она действовала на общественных началах, то теперь она иницируется государством, при этом обязательно на идеологических основах нового советского общества. Опираясь на женскую инициативу, Советская власть решала задачу обеспечения собственной поддержки всего населения страны, а через благотворительность, осуществляемую женотделами, решались социальные проблемы государственного масштаба.

Литература

1. Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975.
2. Володькова Е.Н. Борьба с детской беспризорностью на юге России // Власть. 2007. № 11. С. 32–36.
3. Высотских И.К. Общественная женская благотворительность в Удмуртии в 1920-х гг // Женщина в российском обществе. 2014. № 3(72). С. 27–35.
4. Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Труды Первого Всероссийского женского съезда (10–16 дек. 1908 г., г. Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/t4_2.htm (дата обращения: 12.03.2022).
5. Крупская Н.К. О работе среди женщин: Сборник статей с краткой биографией. М.; Л.: Госиздат, 1926.
6. Лебина Н.Б. Повседневность 1920–1930-х годов: борьба с пережитками прошлого // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 244–290.
7. Ленивихина Н.О. Международный женский день в советской России (на материалах Нижневолжского региона 20-х гг. XX в. // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 2(106). С. 196–203.
8. Мерзлякова Г.В. Из истории женского образования [XVIII – нач. XX в.] // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995. С. 64–71.
9. Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113–119.

10. Самойлова К.Н. Работницы в Российской революции: К Междунар. дню работниц 23 февр. 1917 г. – 23 февр. (8-го марта). 1920 г. Харьков: Центр. ком. Ком. партии (б.) Украины, 1920.
11. Фомин К.В., Фомин В.Н. Подготовка руководящих кадров из работниц и крестьянок в Совпартшколах в первые годы Советской власти // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований / сост. и общ. ред. Г.В. Мерзлякова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. С. 18–20.
12. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: ИвГУ, 1994.

ANASTASIYA KNYSH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

WOMEN CHARITY IN RUSSIA IN THE 1920S

The article deals with the women's activities in the charity sphere in the 1920s in Soviet Russia. There are considered such way of charity as the control of child neglect, the organization of help to unemployed women and the participation in the commissions for hunger reduction.

Key words: feminist movement, women charity, control of child neglect, hunger reduction, illiteracy eradication, social policy.

УДК 93/94

Е.В. КРИВЧЕНКО

(krivchenkokatya99@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ «КРАСНОГО» КАЛЕНДАРЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

Рассматриваются культурные преобразования, касающиеся изменений в организации праздников в раннее советское время и роль в этом процессе органов пропаганды. Показана оценка властью роли праздников в процессе становления нового советского общества.

Ключевые слова: советские праздники, пропаганда, культура, традиции, «красный календарь».

Изучение специфики советских праздников в первые годы существования советского государства является актуальным, поскольку, культурные изменения 1917–1920-х годов не только отражают особенности взаимодействия власти и общества в период формирования большевистской власти, но и являются одной из основ праздничной культуры современной России [11, с. 128].

Создавая новое государство, перед большевиками стояли сложнейшие задачи: экономические, социальные, политические, духовные. Первоочередной задачей было доказать легитимность советской власти. Для этого необходимо было, прежде всего, создавать новые духовные ценности, которые должны были консолидировать общество. В этом процессе праздники, через которые транслировались новые ценности и идеология, играли очень важную роль. Главной целью организации и создания данных празднований было «утверждение идей советской власти, общественных отношений новой жизни» [1, с. 22].

Неустойчивость политической культуры в первые годы советской власти требовала организации и стандартизации всесоюзных массовых мероприятий, поэтому были созданы органы, осуществляющие на региональном и местном уровнях деятельность по организации мероприятий с политико-просветительской направленностью.

Из речи В.И. Ленина на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования от 3 ноября 1920 г. к задачам работников просвещения относились: «помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс» [5, с. 464].

Реализовывались данные задачи, в том числе, посредством превращения страны в единый празднующий коллектив, внедрения новых, идейно-ценностных установок «масс» и новых представлений о культурном событии и самом понятии праздника.

В советских словарях понятию «праздник» придавали разное значение. Праздник обозначался днем выдающегося исторического или гражданского события, при этом, было важно, чтобы этот день был официально установлен. Празднику также придавали значение дня массовых игр и развлечений. Уже из самого понятия выделяется важность идейно-ценностных и социальных установок трансформирующегося общества и формирования «революционного индивида». Одновременно с мобилизацией культурных и исторических ценностей общества, советский праздник 1920-х гг. выполнял воспитательную, идеологическую, коммуникативную функции, которые «конструировали» новое общество и раскрывали перед обществом преимущества общественно-политического устройства государства.

Идеологическая составляющая новых праздничных мероприятий контролировалась на государственном уровне органом агитации и пропаганды Агитпропом. Уже 24 января 1919 г. в речи В.И. Ленина на II Совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образо-

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

вания было подчеркнуто: «Надо стремиться к сближению с партийными организациями, как органами пропаганды» [5, с. 464]. Важность органов пропаганды в процессе трансформации праздничной культуры особо подчеркивается, поскольку праздники выступали «стратегическим средством социальной и политической борьбы» [9, с. 16].

Важно отметить, что празднования знаменательных дат в жизни социалистического государства объединяли людей, находящихся на разном уровне иерархической структуры построения общества. Они были объединены с помощью различных организационных форм – общегородские демонстрации, собрания по кварталам, районам, заводам, фабрикам, митинги, театрализованные постановки.

Концентрация особых форм выражения служит выделением государственных праздников 1920-х гг. в отдельную категорию советских праздников, поскольку данные праздники содержат в себе общественно-политическую обстановку 1920-х гг. Например, особенностью такой формы, как театрализованные постановки, проводившаяся в Петрограде на Марсовом поле, на Дворцовой площади и в других исторических местах различных городов, была направленность не только на взаимодействие между властной сферой и обществом, но и на историческую трактовку революционных событий, историческое изображение этих событий и просвещение масс.

Приводя примеры официальных революционных праздников начала советского времени, важно указать День Парижской коммуны, День интернационала, День пролетарской революции. Помимо таких известных праздников, важным и одним из первых советских праздников был День низвержения самодержавия в России, который был установлен декретом СНК от 2 декабря 1918 г. «О еженедельном отдыхе и праздничных днях» [8, с. 905].

Особенностью праздничных мероприятий начала советского периода является то, что руководство организацией праздников было возложено на различные государственные, партийные и профсоюзные органы. Например, организацией занимался горком партии, профсоюзные организации. Существовали также институты, которые занимались изучением праздников и созданием различных методических указаний об их проведении.

Накануне мероприятий собирались заседания, комиссии, которые разрабатывали маршруты демонстраций, время проведения, и конкретные действия участников. На уровне организаций разрабатывались и утверждались в обязательном порядке целый ряд мероприятий, которые должны были проводиться до празднования революционного праздника и после него. Например, частыми были встречи с ветеранами революции. Согласно сведениям периодической печати, в 1917 г. подготовка к 1 мая происходила за три недели до праздника. Помимо этого, календарь праздников был смещен, и праздник 1 мая праздновался «вместе со всем пролетариатом всего мира» [2, с. 221]. Российский революционер Владимир Бонч-Бруевич на страницах газеты «Правда» в 1917 г. призывал в срок разработать план по организации мероприятия «первой свободной демонстрации трудящихся масс» по всей России – центральным комитетом и на местах – комитетами каждого города, селения, местечка или завода [Там же].

Много внимания пролетарским праздникам уделялось в школах и в библиотеках, в которых разрабатывались специальные инструкции и перечень книг, которые нужно было прочитать к тому или иному событию.

Вводимые праздники были не менее разнообразными, чем в имперское время, а некоторые, были последователями уже существующих. Например, профессиональные праздники социальной направленности, посвященные общественно значимым профессиям отраслей народного хозяйства, были последователями празднеств «городских ремесленников феодальной эпохи» [10, с. 158]. Также были заимствованы некоторые формы проведения праздников, которые были характерны для «православной культуры» [7, с. 47, 48]. К таким формам, прежде всего, можно отнести «игрища, театральные представления, народные гуляния» [Там же].

До Октябрьской революции основу праздничной культуры составляли две категории праздников: праздники «посвященные царствующим особам» [6, с. 47, 48] и праздники религиозные, однако Дек-

ретом «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря» было ограничено многообразие, существовавшее во время царской России и Февральской революции и упорядочена система праздничных дней.

Особое влияние оказал данный декрет на церковь. Церковный праздничный ритуал, который доминировал до революции, с этого времени постепенно стал вытесняться советскими государственными праздниками. Однако, долгое время еще существовала некая двойственность в праздничной культуре, которая выражалась в сохранении старых и новых праздников. Обсуждение по данному вопросу о замене церковных праздников революционными осуществлялось и через два года после создания СССР на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

Таким образом, с приходом большевиков к власти наблюдается тенденция огосударствления культурной жизни общества, изменения общественного строя, культуры, что отражается в трансформации праздников, целью которых становится прославление знаменательных дат в жизни социалистического государства. Изучение формирования «красного календаря» позволяет проследить социальные и культурные изменения постреволюционного общества, участие в этих процессах различных государственных органов, в том числе, органов пропаганды и проблемы с которыми сталкивались данные органы на пути к идеологизация общественной жизни.

Литература

1. Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975.
2. Готовьтесь к Первому Мая // Правда. 1917. № 20. С. 221.
3. Декрет о введении западноевропейского календаря // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/18-01-24.htm> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Лебедева Л.В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е годы: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-8. С. 1784–1787.
5. Ленин В.И. Речь на II Совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования // Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1969. С. 464.
6. Литвинова М.В. Массовые праздники и зрелища как манифестация власти // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-9(12). С. 47–49.
7. Попова В.Н. Праздник как социокультурный феномен. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017.
8. Правила об еженедельном отдыхе и праздничных днях // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 87,88. Ст. 905. С. 1247, 1248.
9. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина: РОССПЭН, 2009.
10. Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник. Н.К. Гаврилюк [и др.]. Киев: Политиздат Украины, 1988.
11. Толмачева А.П. Истоки праздничной культуры современной России // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2021. № 3(38). С. 127–130. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1623324362.pdf> (дата обращения: 24.06.2022).

EKATERINA KRIVCHENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF THE FORMATION OF NATIONAL HOLIDAY AT THE PRIMARY STAGE OF THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET REGIME

The article deals with the cultural transformations, associated with the changes in the organization of the holidays in the early Soviet period and the role of the bodies of propaganda in the process. There is demonstrated the appraisal of the role of the holidays by the authorities in the process of the establishment of the new Soviet society.

Key words: *Soviet holidays, propaganda, culture, traditions, national holiday.*

УДК 902

Е.В. КУЛАЧКИНА
(*kkulachkinaaa@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БУДУЩЕГО
СТАЛИНГРАДСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА***

На основе изучения отчётных материалов отрядов Сталинградской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР выявлены основные проблемы организации и проведения археологических исследований, осуществленных в 1950-х гг., на территории будущего Сталинградского водохранилища.

Ключевые слова: *Сталинградское водохранилище, Сталинградская археологическая экспедиция, новостроечные археологические экспедиции, спасательная археология, археологическое наследие, археология.*

На протяжении 50–60-х гг. XX в. на территории Советского Союза реализуется грандиозная программа по строительству сети гидроэлектростанций. Так, за два десятилетия возникли крупнейшие по объему и площади водохранилища страны: *Верхнесвирское* (Ленинградская обл., 1952 г.), *Цимлянское* (Ростовская обл., 1952 г.), *Камское* (Пермская обл., 1954 г.), *Куйбышевское* (Самарская обл., 1955 г.), *Иркутское* (Иркутская обл., 1956 г.), *Новосибирское* (Новосибирская обл., 1956 г.), *Князегубское* (Мурманская обл., 1956 г.), *Сегозерское* (Карелия, 1957 г.), *Сталинградское* (Сталинградская обл., 1958 г.), *Ириклинское* (Оренбургская обл., 1958 г.), *Павловское* (Башкирия, 1959 г.), *Иовское* (Мурманская обл., 1960 г.), *Братское* (Иркутская обл., 1961 г.), *Кумское* (рес. Карелия, 1961 г.), *Воткинское* (Пермская обл., 1961 г.), *Череповецкое* (Вологодская обл., 1963 г.), *Верхнетуломское* (Мурманская обл., 1964 г.), *Красноярское* (Красноярский кр., 1967 г.), *Вилуйское* (рес. Якутия, 1967 г.), *Саратовское* (Саратовская обл., 1967 г.) и некоторые др.

Как правило, сооружение основных гидротехнических объектов сопровождалось созданием водохранилищ, которые были призваны выполнять одновременно несколько важнейших функций: во-первых, способствовать стабильной работе ГЭС, а во-вторых, оказывать положительное влияние на определенные сферы и области хозяйственной деятельности общества (рыболовство, транспорт и пр.) [4].

Однако активное образование так называемых «искусственных» водоёмов грозило нанести непоправимый урон как окружающей среде, нарушив сложившиеся в ней связи, так и историко-культурному наследию, в том числе и археологическому, уничтожив сотни и даже тысячи ценных свидетельств прошлого [5].

На то время главным археологическим учреждением страны по-прежнему являлся *Институт истории материальной культуры Академии наук СССР* (ИИМК АН СССР), переименованный в *Институт археологии Академии наук СССР* (ИА АН СССР) в 1957 г. [13]. Неудивительно, что под пристальным руководством сотрудников данного научно-исследовательского учреждения формировались абсолютно все археологические экспедиции, чья деятельность была направлена на осуществление спасательных археологических работ в местах, где велось непосредственное строительство гидроэлектростанций, а также на протяжённых территориях будущих водохранилищ в рассматриваемый период. Такие экспедиции получили название «новостроечных» [6].

С целью изучения и введения в научный оборот максимального количества многочисленных и разнообразных памятников археологии, находящихся под угрозой полного или частичного ис-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

чезновения вследствие масштабных земляных работ и затопления водами водохранилищ, были организованы следующие экспедиции: *Братская* (рук. А.П. Окладников), *Волго-Донская* (рук. М.И. Артамонов), *Камская* и *Воткинская* (рук. О.Н. Бадер), *Красноярская* (рук. М.Н. Грязнов), *Куйбышевская* (рук. А.П. Смирнов), *Саяно-Тувинская* (рук. А.Д. Грач), *Сталинградская* (рук. в 1951–1954 гг. Е.И. Крупнов, в 1955 г. – К.Ф. Смирнов) и др. [1]. Особое же место в этом списке занимает последняя.

Сталинградская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, образованная в 1951 г., относится к числу крупнейших новостроечных экспедиций, задача которой состояла в проведении исследований археологических памятников, расположенных на правом и левом берегах р. Волги к северу от г. Сталинграда, попавших в зону затопления, в самые сжатые сроки [6]. Реализовать данную задачу было непросто, поскольку археологические объекты находились на значительном расстоянии друг от друга.

Необходимо отметить, что с вышеупомянутой проблемой столкнулись практически все новостроечные экспедиции. Следствием нехватки квалифицированных кадров стала выдача открытых листов, предоставляющих право на осуществление археологических исследований, с большим географическим диапазоном. Часто в такие открытые листы вписывался не один регион, а сразу несколько, причём без конкретизации памятника и района, на которых предполагалось проводить работы. Обладателем подобного разрешения стал и первый руководитель Сталинградской экспедиции К.Ф. Смирнов, также О.П. Окладников, возглавляющий Братскую экспедицию, и многие др. [12].

Было принято решение организовать экспедиционные отряды и составить для каждого определённый маршрут. В состав САЭ вошли четыре отряда: *Заволжский* (рук. И.В. Сеницын), *Сталинградский палеолитический* (рук. С.Н. Замятнин), *Нижеволжский* (рук. К.Ф. Смирнов) и *Калиновский* (рук. В.П. Шилов) [2].

При этом маршрут работ, закреплённый за отрядами, оставался достаточно протяжённым. Например, Заволжский отряд САЭ в 1951 г. должен был обследовать зону затопления левобережной полосы р. Волги в пределах Саратовской и Сталинградской областей: от г. Энгельса до низовья г. Еруслана [11].

Вышеперечисленные экспедиции и их отряды возглавлялись известными, выдающимися учёными-археологами своего времени. В работах САЭ принимали участие сотрудники ведущих учреждений страны: *Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Московского, Ленинградского и Саратовского государственных университетов, Ленинградского художественного института, Саратовского областного краеведческого музея* [3].

Однако зачастую участниками исследований были люди без профессиональной подготовки. Приток неспециалистов И.А. Сорокина связывает с дефицитом кадров, а также с недостаточным количеством мест, где можно было получить необходимое образование [12].

Порой в процесс вовлекались студенты неисторических факультетов и даже школьники. Примером служит включение в процесс раскопок палеолитической стоянки Сухая Мечётка учащихся старших классов местной школы, но только в каникулярный период [7].

Конечно, некоторым отрядам удалось встретиться с специфическими проблемами. Например, уже на начальном этапе работ Палеолитический отряд САЭ столкнулся с разного рода трудностями технического порядка, которые впоследствии были решены не применяемыми ранее на практике нестандартными способами.

Во-первых, культурный слой со следами деятельности древнего человека был перекрыт 20-метровой толщей геологических отложений. Во-вторых, эти отложения отличались большой твердостью, что исключало изучение стоянки быстрыми темпами при использовании только землекопа и лопаты.

Таким образом, впервые на памятнике археологии были применены механизированные средства. Специалистами был взорван верхний балласт на рыление. Эти работы увенчались успехом, но оставили после себя разрыхленный слой грунта. Мешавшая продолжению раскопок земля была удалена бульдозером [10].

Учитывая все проблемы, связанные с организацией и проведением археологических исследований на территории будущего Сталинградского водохранилища, Сталинградская экспедиция являлась комплексной. Она включала не только археологов, но и других специалистов (археозоологов, почвоведов и др.).

К работам привлекались музеи, местные и не только университеты и даже школы. Таким образом, археологические работы САЭ стали мощным импульсом для развития региональных научных школ [1].

Безусловно, опыт Сталинградской экспедиции способствовал совершенствованию методики археологических исследований и выработке подходов к проведению спасательных мероприятий для памятников археологии, применению новых методов археологических разведок и раскопок. Сталинградской экспедицией впервые применялась техника, которая ранее не использовалась археологами [8].

Исследования того периода открыли новые страницы жизни людей в эпоху древности. По их результатам было написано множество научных работ как статей, так и монографий, посвященных эпохам палеолита, неолита, бронзы и раннего средневековья.

«Масштабные раскопки того времени стали базой для формирования современных представлений о многих археологических культурах. Полученные вещевые материалы легли в основу многих музейных коллекций» – справедливо отметила И.А. Сорокина в своей монографии «Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям)» [12].

Литература

1. 1950–1960-е гг. – спасательные работы при строительстве гидроузлов // Институт археологии Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/about/history/expeditions-1943-1970/1950-1960-e-gg---spasatelnye-raboty-pri-stroitelstve-gidrouzlov> (дата обращения: 22.10.2021).
2. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013.
3. Бурдин Е.А. Деятельность Сталинградской археологической экспедиции (1951–1957 гг.) // Вестник Ульянов. гос. техн. ун-та. 2012. №3 (59). С. 12–13.
4. Гидроэлектростанции. Водохранилища ГЭС. Основные правила проектирования и строительства. Нормы и требования // Стандарт организации НП «ИНВЭЛ». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rushydro.ru/upload/iblock/5dc/052_STO-70238424.27.140.036-2009_Vodohranilisha-Pravila-proektirovaniya-i-stroit-va.pdf (дата обращения: 25.10.2021).
5. Горбачев В.Н., Бабинцева Р.М., Карпенко Л.В. [и др.] Негативное влияние крупных водохранилищ на окружающую среду // Ульяновский медико-биологический журнал. 2012. № 2. С. 7–16.
6. Древности Нижнего Поволжья / Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 1. № 60. М.: Изд-во Академии наук, 1959.
7. Замятнин С.Н. Отчет о работах 1 (палеолитического) отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. ВОКМ. Ф. 119.
8. Замятнин С.Н. Отчет о работах 1 (палеолитического) отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 г. ВОКМ. Ф. 119.
9. Каргин Ю.Ю. Деятельность государственных учреждений по охране, изучению, использованию археологического наследия на новостройках Нижнего Поволжья с 1945 по 1991 гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
10. Кулачкина Е.В. История изучения памятника археологии среднепалеолитической стоянки Сухая Мечётка // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2019. № 3(26). С. 72–78. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh.vspu.ru/files/publics/1559135361.pdf> (дата обращения: 22.10.2021).
11. Синицын И.В. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции 1951 г. ВОКМ. С. 9.
12. Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К, 2008.
13. Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 1. № 62. М.: Изд-во Академии наук, 1958.

EKATERINA KULACHKINA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ISSUES OF ORGANIZATION AND REALIZATION OF THE ARCHEOLOGICAL STUDIES
OF THE STALINGRAD ARCHEOLOGICAL EXPEDITION AT THE TERRITORY
OF FUTURE STALINGRAD WATER BASIN**

Based on the study of the records of the groups of the Stalingrad archeological expeditions of Institute of History of Material Culture of the Academy of Sciences in the USSR there are revealed the fundamental issues of the organization and realization of the archeological studies, carried out in the 1950s, at the territory of the future Stalingrad water basin.

Key words: the Stalingrad water basin, Stalingrad archeological expedition, rescue archeological expedition, rescue archeology, archeological heritage, archeology.

УДК 94(47)191

Д.И. ЛОЗИН
(dil199734587@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЭВАКУАЦИИ СТАЛИНГРАДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Выявляется проблема эвакуации предприятий Сталинграда в период Великой Отечественной войны. На основе анализа источников анализируются проблемы сроков эвакуации сталинградских заводов. Характеризуются причины работы предприятий Сталинграда вплоть до начала и в процессе Сталинградской битвы. Раскрывается дальнейшая судьба эвакуируемых предприятий.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, эвакуация предприятий, Завод № 91, Сталинградский тракторный завод, Завод № 264, предприятие «Красный Октябрь».*

Эвакуация сталинградских предприятий является на сегодняшний день одним из актуальных вопросов Великой Отечественной войны. Заводы Сталинграда уже с 1941 г. приобретают важное значение в военной промышленности, обеспечивая фронт техникой, вооружением и боеприпасами. Исследователь М.А. Водолагин отмечает, что к концу 1941 г. металлургическое предприятие «Красный октябрь» оставалось единственным в центральной и юго-восточной части страны, способным производить качественную углеродную и легированную сталь. Сталинградский тракторный завод к началу войны переходит на выпуск танков Т-34, завод № 91 увеличил выпуск химической продукции и т. д. [1, с. 288–290; 8, с. 62].

Однако вопрос об эвакуации этих и многих других предприятий Сталинграда остается на сегодняшний день малоизученным в отечественной историографии.

Так, в исследовании М.А. Водолагина отмечается, что 20 июля 1942 г. Центральный Комитет партии решительно отвергал все мнения об эвакуации сталинградских предприятий и, напротив, требовал, всемерного повышения темпов производства артиллерии, танков и другой военной продукции [1, с. 303–304].

Подтверждением вышеприведённого тезиса является то, что целенаправленного постановления об эвакуации предприятий Государственным комитетом обороны принято не было, что можно увидеть через аннотированный сборник постановлений ГКО, где отсутствуют постановления об эвакуации предприятий города, начиная с 22 июля 1942 г. В то же время по другим территориям СССР можно отметить целый ряд распоряжений по эвакуации промышленности, в частности, заводов Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодара и ряда городов Северного Кавказа [2, с. 396–493].

Данная политика центральных органов власти по отношению к работе заводов Сталинграда подтверждается также рядом постановлений центральных органов СССР. Так, 18 августа 1942 г., когда Сталинградская битва была уже в самом разгаре, последовало постановление ГКО о командировании на 15 дней зам. Председателя Совнаркома Союза ССР тов. Малышева, которому поручалось обеспечение бесперебойной работы сталинградской промышленности [12].

В этот же день выходит постановление ГКО о «О неотложных мерах помощи сталинградским заводам СТЗ и № 264 Наркомата танковой промышленности», где говорится о переключении металлургического предприятия «Красный Октябрь» на преимущественное обеспечение металлом предприятий СТЗ, завода № 264 и предприятия № 221, а также обеспечение выполнения для данных предприятий заказов в первую очередь [11].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Одновременно можно отметить, что подготовка к эвакуации предприятий города все же проводилась. Об этом, в частности, говорит постановление Сталинградского городского комитета обороны от 13 июля 1942 г., в котором директоров предприятий СТЗ, № 221, ЗКО, Нефтебывт, консервный завод, лесозаводы им. Куйбышева, им. Ермана, лесобазы НКПС, № 91 и № 264 обязывали к 25 июля построить причалы по правому и левому берегу Волги с максимальной грузоподъемностью 60 тонн [17].

Следующей мерой, проводимой для сохранения оборудования и его целесообразного использования, является приказ Народного комиссариата танковой промышленности от 17 июля 1942 г., т. е. в день начала крупномасштабных сражений на территории Сталинградской области. В связи с прекращением производства на заводе № 264 танков Т-60, данный приказ предписывал перевезти с предприятия на дизельный завод в г. Барнаул оборудование в количестве 1100 единиц, рабочих, ИТР и служащих в количестве 5000 человек, в том числе 100–150 монтажников из УКСа завода по монтажу металлорежущего и электрооборудования [14].

Более того, одно из первых постановлений об эвакуации химического предприятия № 91 выходит уже 21 июля 1942 г., т. е. после того, как 20 июля Центральный комитет партии отмел все выводы о необходимости эвакуации. Согласно данному постановлению, рабочие, ИТР, служащие с членами своих семей, а также оборудование и готовая продукция подлежали эвакуации в Западную Сибирь и на Урал для работы на функционировавших там производствах. Для этой цели было выделено 77 крытых вагонов, 218 платформ и 164 цистерны [9, с. 392].

Из приказа по заводу можно выявить, какое именно оборудование подлежало эвакуации в первую очередь. Так, производился полный демонтаж оборудования и аппаратов цехов № 1 и № 2, четыре серии цеха № 4, 1-й очереди выпарной установки и 2 умформера. Демонтированные аппараты и оборудование предписывалось отгрузить с завода не позднее 25 июля 1942 г. [15, Л. 108].

Следующим свидетельством о проведении мероприятий к подготовке эвакуации предприятий Сталинграда является телефонограмма в СГКО о закреплении плавучих средств для эвакуации СТЗ от 19 августа 1942 г. В телефонограмме содержалась просьба руководства СТЗ о закреплении за заводом судов, барж и грузовых машин для эвакуации оборудования и рабочих на левый берег Волги [19].

В период боев за город, с конца августа 1942 г., начинается работа по эвакуации Судостроительного завода № 264. Согласно отчету, эвакуация начинается по инициативе завода 29 августа, впоследствии она была поддержана наркомом танковой промышленности А.А. Гореглядом. Эвакуация осложнялась неоднократными перевалками грузов с водного транспорта на автомашины и на железную дорогу через Ленинск, малым наличием плавучих средств, тягачей и тракторов для осуществления перевозки оборудования. К тому же, как отмечается администрацией завода, вывоз ценностей завода осложнялся тем, что электроэнергия подавалась со СталгрЭСА только ночью, поэтому все погрузочные работы днем проводились вручную. После массированного воздушного налета 12 сентября 1942 г. эвакуация ночью проходила без освещения, что также значительно осложняло работу.

Тем не менее к 1 ноября 1942 г. было вывезено в Астрахань огромное количество материалов и оборудования, а именно: 75 тонн цветных металлов, 400 тонн черного металла, 45 тонн судового оборудования и электронных принадлежностей и многое другое [5]. Необходимо отметить, что работа проводилась, согласно отчету, вплоть до 1 ноября, т. е. в тот момент, когда в самом городе уже шли ожесточенные бои.

Несмотря на эвакуацию основных мощностей завода, предприятие продолжало оказывать помощь фронту вплоть до 1 января 1943 г. Основной задачей завода в этот период был ремонт военной техники и особенно судов Волжской военной флотилии. Как показывает справка «О работе Сталинградского судостроительного завода № 264 в период боевых действий в г. Сталинграде», предприятием было капитально отремонтировано бронекатеров и мотолодок – 8 шт., а также 3 буксирных парохода [6].

Помимо процесса вывоза основных ценностей заводских предприятий города, происходила одновременная подготовка к уничтожению данных предприятий с целью невозможности использования

их противником в случае захвата. Одним из первых постановление о «спецмероприятиях» выходит от СГКО 19 августа 1942 г. В постановлении и общем плане к нему указываются ответственные за проведение спецмероприятий, утверждались случаи приведения их в действия, а также сам список объектов, подлежащих уничтожению. Отдельно в данном постановлении стоит выделить шестой пункт, где СГКО просит военный совет ЮВФ разрешить ответственным лицам в случае непосредственной угрозы действовать самостоятельно по согласованию с командованием действующих в данном районе соединений [13, с. 431–435].

Следующим актом о проведении спецмероприятий по предприятиям города становится Постановление военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов за подписью А.И. Еременко и Н.С. Хрущева. Акт обязывал военные советы 64, 62, 51 и 57-й армий в случае непосредственной угрозы захвата противником заводов города и области поставить в известность ответственных лиц о времени полного уничтожения предприятий. Особое внимание акт уделял уничтожению заводо-гигантов: СТЗ, «Красного Октября», завода № 264, 91 и СталГРЭСа [10, с. 435].

Из приведённой выше информации можно увидеть несоответствие воспоминаниям военачальников: в них как А.С. Чуянов, так и А.И. Еременко отрицали свою причастность к подготовке взрывов предприятий и даже выступали против этого [20, с. 157]. Напротив, городские органы власти и Военный совет фронта действовали совместно в подготовке спецмероприятий в соответствии со складывающейся военной обстановкой.

Однако, как известно, предприятия Сталинграда не были уничтожены. Из воспоминаний П.П. Матевосяна, главного инженера завода «Красный Октябрь», можно увидеть, что предприятия три раза минировали и разминировали, но определенных распоряжений из Москвы не поступало. Впоследствии из Москвы было передано распоряжения о запрете минирования [18, с. 198].

В конечном итоге, согласно исследования А.М. Самсонова, основные усилия были направлены на вывоз возможного оборудования с заводов Сталинграда. Согласно изысканиям исследователя, с 29 августа по 10 сентября 1942 г. из ресурсов и оборудования завода «Красный Октябрь» было переправлено через Волгу три маршрута заводского оборудования, 28 вагонов ферросплавов, четыре вагона цветных металлов и т. д. Помимо этого в Челябинск для пуска нового металлургического завода было отправлено 5 тыс. рабочих и инженерно-технических работников «Красного Октября» [16, с. 173].

Сталинградский тракторный завод также частично эвакуировал свои ресурсы и оборудование. С 9 сентября с СТЗ было вывезено 350 т. цветных металлов, а также 200 т. оборудования, приспособлений и инструментов [Там же].

Процесс вывоза оборудования, однако, не останавливал процесса производства и помощи фронту. Металлургическое производство на заводе «Красный Октябрь» было полностью прекращено только 2 октября 1942 г. До этого предприятие изготавливало пулемётные гнезда, противотанковые ежи, лопаты, а также производило ремонт танков и ракетных установок [18, с. 154]. Согласно воспоминаниям главного инженера завода «Красный Октябрь» П.П. Матевосяна, перевозки людей из завода они начали с 15 сентября, по требованию генерала В.И. Чуйкова, который мотивировал это обстрелом завода противником [Там же, с. 196].

Несмотря на отдельные достижения в эвакуации оборудования, ценностей и рабочего состава промышленных предприятий, необходимо отметить, что системного характера она не имела. Это, в частности, показывают воспоминания коменданта штаба 38-й мотострелковой бригады лейтенанта А.Я. Зимина. Когда бойцы бригады заняли завод для обороны, в дирекции завода не было никого из руководителей, в том числе и директора. По инициативе фронта, директор завода, ряд начальников цехов, бригадиров и рабочих были возвращены на завод, где в сборочном цеху продолжили сборку готовых деталей и орудий, осуществляли ремонт техники [Там же, с. 195–196]. Из приведенного воспоминания можно увидеть, что дирекция завода одной из первых покину-

ла предприятие, оставив готовый к работе сборочный цех и ряд орудий, которые они изготавливали в нем после 25 сентября.

Также о характере эвакуации ряда предприятий Сталинграда говорят постановления ГКО. Так, только 21 сентября 1942 г. поступило предложение В.А. Малышева и наркома танковой промышленности И.М. Зальцмана заместителю председателя ГКО СССР В.М. Молотову с просьбой поддержать предложение о вывозе оборудования Сталинградского тракторного завода [4]. 30 сентября в ответной докладной записке было отмечена невозможность эвакуации, т. к. 29 сентября в результате сильной бомбардировки немцев серьёзно пострадали чугунно-литейный цех, тракторный механо-сборочный цех, а также ряд других крупных цехов и зданий. В ответе уточняется, что переправа на левый берег ценностей и инструментов прекратилась примерно 23–22 сентября [3].

Записка позволяет увидеть, что частичная эвакуация ценностей начинается до Постановления ГКО или СГКО об эвакуации завода, а также, что предложенные центральными органами власти меры по вывозу оборудования уже не могли производиться в силу близости завода к фронту.

Несистемная организация эвакуаций предприятий Сталинграда стала, в конечном итоге, одной из причин тяжелых экономических последствий для города. Согласно исследованиям Э.В. Кузьминой, итогом Сталинградской битвы стало уничтожение 8630 единиц станочного оборудования. Завод «Баррикады» практически полностью потерял металлообрабатывающее, металлургическое и энергетическое оборудование. Общий ущерб только по заводам «Баррикады» и «Красный Октябрь» составил 800 млн руб. [7, с. 25].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, вопрос об эвакуации сталинградских предприятий в период Великой Отечественной войны не имел однозначного характера. С одной стороны, центральные органы партии и местное руководство заявили о недопустимости системного вывоза заводов города. Данное положение подтвердилось впоследствии ГКО, который в своих постановлениях ставил задачи о наращивании темпов производства военной продукции предприятиями города. С другой стороны, отдельные мероприятия по эвакуации промышленности проводились. Это были как полноценные действия по вывозу предприятий (заводы № 91 и № 264), так и вывоз излишнего оборудования, и постройка причалов и переправ, подготовка судов. Причиной данной двойственности в действиях власти являлась острая необходимость в продукции сталинградской промышленности, большинство заводов города работало вплоть до октября 1942 года, продолжая выпускать военную продукцию, а ряд предприятий, находившихся в южной части города, работали и в процессе Сталинградской битвы. Во-вторых, сроки и характер эвакуации сталинградских заводов были различными. Завод № 91 эвакуировал основные мощности еще в июле–августе 1942 года, другие (располагавшиеся в северной части города, а также завод № 264) вывозили рабочих и оборудование и в сентябре – ноябре 1942 г., когда битва за город уже шла полным ходом. При этом, если завод № 91 был эвакуирован довольно рано на основе постановления ГКО, то другие начинали вывоз оборудования по инициативе ведомственных наркоматов в условиях частых бомбардировок и нерегулярной подачи электроэнергии. В-третьих, помимо процесса эвакуации и отдельных мероприятий по вывозу оборудования, одновременно проводилась подготовка к уничтожению сталинградской промышленности. Она проводилась в тесном взаимодействии Военных советов фронтов и местных органов власти, однако, так и не была приведена в действие.

В заключение необходимо отметить, что проведение эвакуации предприятий Сталинграда в период начала и в процессе битвы за город не носило систематического характера по причине двойственной политики центральных и местных органов власти, тяжелых условий вывоза оборудования и рабочих в процессе сражения. Это, в свою очередь, породило огромные разрушения сталинградских предприятий, которые затем неимоверными усилиями налаживали работу в восстановительный период. Тем не менее, огромное количество оборудования было вывезено и затем использовалось на других предприятиях или для образования новых.

Литература

1. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда, 1589–1967. М.: Наука, 1968.
2. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941–1945 гг.: аннотированный каталог: в 2 ч. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. арх. социально-политической истории, Российское историческое о-во; редкол.: А.К. Сорокин (отв. ред.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 1: 1941–1943 / редкол.: А.К. Сорокин (отв. ред.) и др. 2015.
3. Докладная записка заместителя председателя СНК СССР В.А. Малышева заместителю председателя ГКО СССР В.М. Молотову о последствиях сильнейшей бомбардировки немецкой авиацией Сталинградского тракторного завода 29 сентября 1942 г. и о невозможности переправы оборудования через р. Волгу из-за вражеского обстрела // Сталинград. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/dokladnaya-zapiska-zamestitelya-predsdatelya-snk-sssr-vamalysheva-zamestitelyu-predsdatelya-gko> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Записка заместителя председателя СНК СССР В.А. Малышева и наркома танковой промышленности И.М. Зальцмана заместителю председателя ГКО СССР В.М. Молотову с просьбой поддержать предложение о вывозе оборудования Сталинградского тракторного завода (с приложением проекта телеграммы И.В. Сталина командованию Юго-Восточного и Сталинградского фронтов) // Сталинград. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/zapiska-zamestitelya-predsdatelya-snk-sssr-vamalysheva-i-narkoma-tankovoy-promyshlennosti-im> (дата обращения: 20.01.2022).
5. Из отчета об эвакуации Сталинградского судостроительного завода № 264. Июль 1943 г. // ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://cdnivo.ru/promyshlennost-stalingrada-v-dni-velikogo-srazheniya> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Из справки о работе Сталинградского судостроительного завода № 264 в период боевых действий в г. Сталинграде. 1943 г. // ГКУВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области». [Электронный ресурс]. URL: <https://cdnivo.ru/promyshlennost-stalingrada-v-dni-velikogo-srazheniya> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда 1943–1950 / под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.
8. Лозин Д.И. Вклад сталинградских инженеров и техников в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Modern Science. 2020. № 12-3. С. 60–63.
9. Постановление № 339. [О выполнении] постановления ГКО СССР от 21 июля 1942 г. № 2072 об эвакуации в восточные районы СССР оборудования, материалов, готовой продукции, сырья, а также рабочих, ИТР, служащих с членами их семей завода № 91 (первую очередь). // Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории России XX в. Волгогр. гос. ун-та; Центр документации новейшей истории Волгогр. области, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; под ред. М.М. Загорюлько. 2-е изд. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2007.
10. Постановление военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов о проведении спецмероприятий на промышленных предприятиях г. Сталинграда // Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории России XX в. Волгогр. гос. ун-та; Центр документации новейшей истории Волгогр. области, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; под ред. М.М. Загорюлько. 2-е изд. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2007.
11. Постановление ГКО СССР № 2182 «О неотложных мерах помощи сталинградским заводам СТЗ и № 264 Наркомата танковой промышленности». // Сталинград. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-gko-sssr-no-2182-o-neotlozhnyh-merah-pomoshchi-stalingradskim-zavodam-stz-i-no-264> (дата обращения: 20.01.2021).
12. Постановление ГКО СССР № 2183 [о командировании В.А. Малышева в Сталинград на 15 дней для обеспечения бесперебойной работы военной промышленности Сталинграда и налаживания необходимой кооперации между заводами]. // Сталинград. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-gko-sssr-no-2183-o-komandirovanii-va-malysheva-v-stalingrad-na-15-dney-dlya> (дата обращения: 20.01.2021).
13. Постановление СГКО о спецмероприятиях // Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории России XX в. Волгогр. гос. ун-та; Центр документации новейшей истории Волгогр. области, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; под ред. М.М. Загорюлько. 2-е изд. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2007. С. 431–434.
14. Приказ Народного комиссара танковой промышленности союза ССР № 526с // Т-34. Информ. [Электронный ресурс]. URL: https://t34inform.ru/doc/1942-07-17_Ord_NKTP_526s.html (дата обращения: 20.01.2022).
15. Приказы и распоряжения по заводу № 91 // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6212. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 1–131.
16. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М.: «Наука», 1983.
17. Снегирева Л.И. Эвакуация населения из Сталинграда в Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2018. № 3(192). № 174–185.
18. Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев: (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / ответственный редактор: Йохен Хелльбек; [составители: К. Дроздов и др.; перевод с немецкого К. Левинсона]. 2-е изд. М.: Германский Исторический Институт в Москве [и др.], 2018.
19. Телефонограмма в СГКО о закреплении плавучих средств для эвакуации СТЗ // Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории России XX в. Волгогр. гос. ун-та; Центр документации новейшей истории Волгогр. области, Рос. гос. архив соц.-полит. истории; под ред. М.М. Загорюлько. 2-е изд. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2007. С. 435.
20. Чуянов А.С. Сталинградский дневник: (1941–1943). 2-е изд., испр. Волгоград: Ниж. Волж. кн. изд. во, 1979.

DMITRIY LOZIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CONSIDERING THE ISSUE OF THE EVACUATION OF THE STALINGRAD
FACTORIES IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article deals with revealing the issue of the evacuation of the factories of Stalingrad in the period of the Great Patriotic War.

Based on the analysis of the sources there are analyzed the issues of the date of the evacuation of the Stalingrad factories.

There are characterized the reasons of the work of the factories of Stalingrad until the beginning and in the process of the battle of Stalingrad. The author describes the further fate of the evacuated factories.

Key words: *the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, evacuation of factories, Factory # 91, Stalingrad tractor factory, Factory # 264, factory "Krasny Oktyabr".*

УДК 355.486

А.В. МАСЛОВА
(alice.002@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФРОНТОВОЙ ПУТЬ 17-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ*

Приводится анализ боевых действий 17-й стрелковой дивизии в составе 13-й армии Северо-Западного фронта, на основе архивных документов, размещенных на сайте rattyat-naroda.ru, а также информации из документальных источников. Фрагментарно восстановлен боевой путь дивизии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, северо-западный фронт, боевой путь, историческая память, участники войны.

На развитие государства влияют многие события, меняющие ход истории страны, а порой и целого народа. Война занимает среди них главенствующее положение, ведь именно война способна разрушать цивилизации, строя на руинах новый мир.

Великая победа Советского союза над фашистской Германией с каждым годом становится все дальше от нас. Все знания, вся память о наших предках утрачивается, а также в последнее время имеется тенденция фальсификации фактов Великой Отечественной войны. Таким образом, нам, как потомкам победителей, следует помнить о Великой победе и закрывать пробелы в истории, которые не позволяют полностью восстановить ход военных действий.

Из вышеизложенного мы поставили цель, которая заключается в выявлении роли 17-й стрелковой дивизии в боевых действиях, произведенных накануне и в сражениях начального периода Великой Отечественной войны.

Проблема войны неоднократно поднималась в статьях как отечественных, так и зарубежных историков. Разные аспекты причин, хода и последствий Великой Отечественной войны были исследованы в работах Н.А. Болотова, М.А. Белицкой, М.М. Гареева, А.Г. Куманёва и др. [3, 5, 11]. Однако конкретно данная проблема глубокого изучения не имела, поэтому представляет собой научный интерес.

Новизна результатов исследования заключается в отображении неизученных аспектов боевого пути 17-й стрелковой дивизии: наступление на финскую линию обороны, оборонительные бои в первые дни войны, взятие дивизии во внутреннее кольцо белостокской группировки. Вводятся в научный оборот новые документы, отображающие вклад дивизии в победу над фашизмом. Среди них: копии страниц из журнала боевых действий за 22 июня 1941 г. и 24 июня 1941 г., наградные листы, переписка командования по ходу боевых операций.

В рамках исследования мы постарались восстановить аспекты боевых действий, в которых принимал участие личный состав 17-й стрелковой дивизии.

Задачи работы заключались в:

- установлении ключевых сражений, повлиявших на изменение численного состава и маршрута боевого пути;
- анализе боевого опыта дивизии, начиная с участия в советско-финской войне и до августа 1941 г.;
- определении значимости дивизии в ходе боевых действий на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Источниками для написания работы стали как опубликованные архивные документы: директива НКО о задачах огневой подготовки на летний период 1941 г. [6], журнал боевых действий [8] и т. д., так и документы личного происхождения: воспоминания солдат и командиров, делопроизводственные материалы, опубликованные в сборниках документов под редакцией В.А. Анфилова [1], Е.А. Балашова [2], Д.А. Егорова [7].

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

История боевого пути данной дивизии начинается еще с 23 октября 1918 г. Она была образована в Смоленске и Витебске путём объединения 1-й Витебской и 2-й Смоленской пехотных дивизий. Номер и наименование были присвоены 13 декабря 1920 г. Мы обратим внимание на более поздние хронологические рамки действия данной дивизии, которые были связаны с решением задач по охране и укреплению северо-западной границы СССР накануне и на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Советский союз опасался, что Финляндия могла быть использована другими государствами как плацдарм для нападения на СССР. Так, основной целью СССР в данной войне было обеспечение безопасности Ленинграда, в котором сосредотачивалась основная мощь оборонной промышленности страны. Нижняя хронологическая граница данного исследования определяется именно началом советско-финской войны – 1939 г.

В качестве верхней хронологической границы исследования выбран второй месяц Великой Отечественной войны – июль 1941 г. Изучение заканчивается именно на июле 1941 г., потому что к этому времени изучаемая дивизия была расформирована.

Советско-финская «зимняя» война вызывает огромное количество дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Многие исследователи, анализируя события Великой Отечественной войны, упускают из виду этот важный предвоенный период, который, с одной стороны, позволил укрепить границы СССР, с другой – вскрыл множество проблем в Красной Армии накануне и начальном этапе Великой Отечественной войны.

И во всех этих событиях принимали участие простые советские солдаты, которые отдавали свои жизни за Родину, выполняя боевые задачи по защите государственной границы. Одна из первых таких задач, поставленных Военным руководством Северо-Западного фронта перед 17-й стрелковой дивизией в этот период советско-финской войны – прорыв «Линии Маннергейма». 17-я стрелковая дивизия входила в состав 15-го стрелкового корпуса 13-й армии. Цель Военного Совета Северо-Западного фронта заключалась в прорыве финской обороны. Это было трудно осуществить, т. к. местность, на которой находилась линия обороны была лесистой и болотистой. Сама линия представляла собой оборонительную систему из узлов обороны, в которые входили деревоземляных полевых укреплений и долговременных каменно-бетонных сооружений, а также противотанковые и противопехотные заграждения. Узлы были распределены неравномерно, расстояние между ними иногда доходило до 6–8 км. Полосу обороняли всего лишь один – два стрелковых батальона и артиллерия.

Широкий спектр информации об участии дивизии в данных событиях для исследования был найден в личных документах солдата 17-й стрелковой дивизии А.В. Маслова. Его перевели в 17-ю стрелковую дивизию в январе 1940 г. Он пропустил кровопролитные бои в декабре 1939 г., но готовился уже к другой цели, поставленной Военным Советом Северо-Западного фронта.

По результатам изучения воспоминаний А.В. Маслова было установлено, что огромную сложность в реализации задачи по прорыву «Линии Маннергейма» представляли погодные условия, т. к. в день наступления и в последующие дни стоял мороз от минус 22 до минус 27 градусов. Солдаты дивизии не были готовы к такому холоду. Продвижение дивизии сдерживал мощный оборонительный узел противника. 17-я стрелковая дивизия по территории Карельского перешейка продвигалась очень медленно, т. к. финны умело оборонялись. Со стороны советских войск были огромные потери, особенно среди командиров. К середине февраля части 13-й армии, преодолевая ожесточенное сопротивление финнов, вышли на рубеж Муолаа – Ильвес – Салменкайта – Ритасари. Командир 271-го стрелкового полка майор Ерохин отдал приказ о новом наступлении. Шел сильный снег, и в нескольких метрах ничего нельзя было рассмотреть, и итогом данного приказа стало то, что до основных укреплений финнов дошли единицы, все остальные солдаты не смогли добраться из-за погодных условий. Потери батальона в личном составе были огромны – 75–80% [10]. Эта ситуация говорит о недостаточном опыте командиров. Началось новое формирование батальона, пополнение прибывало довольно быстро, за пару дней батальон почти полностью восполнил понесенные потери.

На территории, где проходили бои, сохранилось более 17 братских могил [9]. 13 марта 1940 г. была выведена из состава воюющих частей и в июне 1940 г. переброшена в Белорусский Особый военный округ.

За участие в «Зимней войне» 17-я стрелковая дивизия была награждена Орденом Красного Знамени.

Дивизия к 1941 г. потеряла большую часть командиров и значительную часть состава. Оценив вклад 17-й стрелковой в выполнение боевой задачи, командование тем не менее признало, что дальнейшее использование части невозможно. Советско-финская война по плану СССР должна была закончиться за 2–3 недели, но затянулась почти на 4 месяца. Затяжной характер боевых действий в советско-финской войне вскрыл целый ряд проблем в Красной Армии до начала Великой Отечественной войны. Эти проблемы мы можем наблюдать на примере 17-й стрелковой дивизии. Причинами тому стали непрофессионализм командующего состава, плохая обеспеченность продовольствием и боеприпасами, отсутствие четкого плана действий, плохая организация войск.

Несмотря на опыт, полученный в советско-финской войне, к началу Великой Отечественной войны боевая готовность 17-й стрелковой дивизии была на низком уровне. Это можно объяснить тем, что дивизия в основном состояла из новобранцев, а солдат, прошедших советско-финскую войну и получивших опыт в военном деле, осталось единицы.

В июне 1941 г. дивизия дислоцировалась в районе Полоцка. Она вошла в состав 21-го стрелкового корпуса 13-й армии. К 22 июня 1941 г. 17-я стрелковая дивизия перешла в район города Лида, который к 06:37 утра уже бомбардировал противник: он сбросил 5 бомб с большой высоты, которые упали на город. Все утро фашисты бомбардировали железную дорогу в городе. Дивизию война застала в период передислокации в летние лагеря, когда у солдат не было с собой никакого оружия. Ни один патрон, ни один снаряд не был отправлен вместе с дивизией, все осталось на складах [13].

Из-за неожиданно начавшейся войны не было четкого плана действий, это следует из того, что генерал армии Павлов Д.Г. в течении первого дня войны несколько раз менял боевую задачу 21-го стрелкового корпуса. Последнее же приказание командиру корпуса генерал-майору Борисову В.Б. ставило задачу выдвижения 17-й и 37-й стрелковых дивизий на рубеж Варена, Ново-Казаковщина, Дубинцы, река Дитва [14].

Первые распоряжения командующего фронтом до дивизии не дошли, т. к. она не имела связи со штабом корпуса, который 22 июня еще находился в Витебске. Генерал Борисов с оперативной группой своего штаба прибыл в район Лида только 23 июня. Выполняя последнее полученное распоряжение, он отдал приказ о выдвижении дивизии в направлении Радунь в целях взаимодействия с ударной группой Болдина. От высланной вперед разведки дошло донесение о том, что Радунь уже занята мотопехотой и танками противника, и ко времени издания этого приказа по крайней мере часть сил 17-й и 37-й уже вошла в соприкосновение с противником и завязала тяжелые встречные и оборонительные бои.

21-й стрелковый корпус планировал начать контрнаступление в 04:00 26 июня, уничтожить противостоящего противника и к исходу дня выйти на рубеж Гольшаны, Билякопцы, Эйшики, Нача, обеспечивая себя от флангового удара со стороны Вильнуса, но решение штаба Западного фронта, привлечь три боеспособных резервных дивизии для участия в контрударе, было ошибочным, из-за этого советские части не смогут удержать фронт [7].

Авиация противника наносила удары по железнодорожным станциям и районам сосредоточения войск. Тем самым лишив снабжение едой и боеприпасами советские части.

На утро 25 июня дивизия имела половину боекомплекта артиллерии и один боекомплект для стрелкового оружия; к 9 утра части 17 стрелковой дивизии, не встречая сопротивления противника, вышли на восточный берег р. Дзитва на участке Солишки, Белогрудцы.

Утром 26 июня 21-й стрелковый корпус перешел в наступление всеми дивизиями и, уничтожая мелкие танковые и моторизованные подразделения вермахта. Однако вскоре немцы возобновили наступление и начали теснить советские части к Лиде. В результате встречного столкновения дивизия

перешла к обороне. У корпуса отсутствовала связь со штабом 13-й армии и с соседями слева и справа. Противник взял Молодечно, Барановичи были захвачены на следующий день.

27 июня Дивизия сражалась севернее Немана вместе с 24-й и 37-й стрелковыми дивизиями. Части 17-я стрелковой дивизии в условиях окружения начали отход в сторону Новогрудка.

В последующие дни на Западном фронте обстановка с каждым разом все больше ухудшалась. Остро ощущался коллапс в руководстве фронта. Связи не было, воинские части перемешивались между собой. 28 июня противник, наступавший от Бельска и Гродно, соединился в районе Большой и малой Берестовиц, образуя котел. На дороге Деречин-Новогрудок наблюдалось движение колонн разных родов советских войск, отступающих на северо-восток.

28 июня 13-я армия вела бои на рубеже Минского укрепрайона. Внутренне кольцо окружения белостокской группировки продолжало сужаться. При отходе в направлении Деречин-Козловщина-Молчаль-Городище еще имелись шансы выскользнуть из кольца. Минск надлежало взять 27 июня, но героизм войск 13-й армии отсрочил его падение на сутки.

Далее перед дивизией стояла задача двигаться в сторону Минского укрепрайона. Им предстоял переход через реку Неман, но к тому времени враг уже разбомбил мост и с ходу прорваться на восток не удалось. Когда дивизия добралась до укрепрайона, то обнаружила, что там высадился немецкий десант. Завязался бой. Дивизия прорвала оборону противника и разделилась на отдельные отряды. Солдаты выходили из окружения через леса, они давали шанс скрытного передвижения и возможности пробиться на восток.

29 июня данных о 21-м стрелковом корпусе ни в штабе фронта, ни в штабе 13-й армии не было. Затем фронт потерял связь с самой армией. Западный фронт к 29 июня 1941 г. потерял 10 окружных и головных, не считая дивизионных складов, где хранилось более 25000 железнодорожных вагонов боеприпасов, и этим объясняется то, что при обилии артсистем, в том числе новейших, танковые войска вермахта не были остановлены не только на линии новых укрепрайонов, но и на промежуточных рубежах, и на старой границе, у Минска. К 30 июня фашисты уже заняли господствующие позиции на Западном фронте.

И 9 июля в районе Москвы из ополченцев формируется дивизия, которой присвоили название 17-й стрелковой. Она проходит обучение и к 20 июля совершает марш в район г. Малоярославец. И в это же время остатки старой 17-й стрелковой дивизии все еще находятся в окружении. 14–17 июля остатки 17,37 и 121 дивизии находились в лесу под Осиповичами. Их целью было перебраться на восточный берег Березины, т. к. предполагали, что Советский Союз там держит фронт. Дивизия испытывала дефицит оружия и снаряжения, и не имела тыловых служб и боеприпасов. Немецко-фашистские захватчики продолжали «чистить местность», все кто пытался вырваться из леса попадали под огонь немецких пулеметов.

Из всего вышесказанного следует, что, вступив в военные действия с первых часов войны, к сентябрю дивизия во второй раз поменяла состав. Части, вышедшие из окружения, скорее всего, не вошли в новое формирование: по имеющимся военному билету А.В. Маслова можно сделать вывод, что его бы оставили воевать в составе 17-й стрелковой, как и остальных солдат из первого формирования, но его в августе 1941 г. перевели в 36-полк связи и повысили в должности. Так каким образом тогда дивизия сохранила свой номер? Можно предположить, что часть работников штаба или бойцов дивизии вышла из окружения в конце июня и вынесла как минимум, боевое знамя или его смогли эвакуировать на самолете. Не ясна судьба штаба дивизии: сведения о гибели генерала Бацанова противоречивы, некоторые части дивизии вошли в новое формирование, другие же почему-то нет, также противоречива информация и про саму дивизию – некоторые источники утверждают о ее полной гибели в белостокском котле. Также анализ исторических документов и воспоминаний личного состава дивизии Н.Д. Ивашкина, А.В. Маслова, А.Н. Семяшкина, Г.Г. Скрипки показал, что солдаты тяжело переносили погодные условия, им не хватало боеприпасов, но, несмотря на это, продолжала участие в боевых операциях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На примере дивизии показаны проблемы, вскрывшие необходимость модернизации Красной Армии накануне и на начальном этапе Великой Отечественной войны. Среди них: непрофессионализм командующего состава, плохая обеспеченность продовольствием и боеприпасами, отсутствие четкого плана действий, плохая организация войск. Целью Западного фронта была защита западных границ Советского Союза. Это не удалось командованию фронта. Однако 17-я стрелковая дивизия все же смогла отсрочить взятие противником белорусских городов. Дивизия обороняла рубеж Вороново-Лида, не давая противнику продвигаться в город, где находилась железнодорожная станция, по которой армия получала ценное для нее продовольствие.

Литература

1. Анфилов В.А. Погибший в киевском «котле» // Военно-исторический сайт «Память». [Электронный ресурс]. URL: <http://pamyat.narod.ru/bacacov.htm> (дата обращения: 18.03.2020).
2. Балашов Е.А., Степаков В.Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на карельском перешейке. СПб: Нордмед-издат, 2000.
3. Белицкая М.А., Болотов Н.А. Влияние победы в Сталинградской битве на ход второй мировой войны // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 4(127). С. 177–182.
4. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под. общ. ред. генерала армии А.П. Белобородова; Главное управление кадров МО СССР. М.: Воениздат, 1963.
5. Гареев М.М. Сталинградская битва // Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 февр. 2008 г.). Волгоград: Издатель, 2008.
6. Директива о задачах огневой подготовки военных округов, объединений, соединений, частей на летний период 1941 года № 34678 17 мая 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140930-prikaz-o-zadachah-ognevoy-podgotovki-voennyh-okrugov-obedineniy-soedineniy-chastey-na-letniy-period-1941-goda-direktiva-nko-sssr-17-maya-1941-g> (дата обращения: 24.02.2020).
7. Егоров Д.А. 1941. Разгром Западного фронта. // Бесплатная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://mir-knig.com/read_220200-1 (дата обращения: 25.02.2020).
8. Журнал военных действий штаба Западного фронта 22.6.–9.7.41 г. // Память народа. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=111246425&backurl=division%5C17%20сд::begin_date%5C22.06.1941::end_date%5C17.07.1941::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktiv:i:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C2&date_from=22.06.1941&date_to=17.07.1941&division=17%20сд&static_hash=bb6a11084c91efee18ab00a724885899v1 (дата обращения: 24.02.2020).
9. Книга Памяти. Захоронения и воинские памятники 1936–1945 гг. Невский район // Администрация Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/08/29/Книга%20Памяти%20-%20Невский%20район%20СПб.pdf> (дата обращения: 03.01.2022).
10. Красная Армия в боях за социалистическую Родину. М.: Воениздат, 1941.
11. Куманев А.Г. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны: трагедия и подвиг. М.: Вече, 2012.
12. Отчет командира 167-й пехотной дивизии вермахта генерал-лейтенанта Ганса Шёнхарля. [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/285872/boj-pod-osipovichami-14> (дата обращения: 02.03.2020).
13. Светенко А. Уроки истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://radiovesti.ru/person/249151/> (дата обращения: 18.03.2020).
14. Скрипка Г.Г., командир 55-го СП 17-й СД, Я помню ... Пехота // Рубон – сайт военной археологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://rubon-belarus.com/japomnju/skripkasp55sp.html> (дата обращения: 25.02.2020).

ALISA MASLOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FRONT WAY OF THE 17TH RIFLE DIVISION

The article deals with the analysis of the military operation of the 17th rifle division as the component of the 13th army of the North-Western Front, on the basis of the archive documents, published in pamyat-naroda.ru and the information from the documents. There is reconstructed separately the attack route of the division.

Key words: the Great Patriotic War, North-Western Front, attack route, historical memory, war participant.

УДК 929

Е.В. МЕЛИХОВА

(Melikhova.katyusha@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

К.К. РОКОССОВСКИЙ – ПОЛКОВОДЕЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Представлены биографические сведения полководца Великой Отечественной войны К.К. Рокоссовского. Отмечаются его боевые заслуги в сражениях войны и Сталинградской битвы. Приведены оценки боевой деятельности в исторической литературе.

Ключевые слова: К.К. Рокоссовский, Великая Отечественная война, полководческая деятельность, боевые операции, боевые заслуги, Сталинградская битва, «Гений маневра».

В последнее время стали все чаще уделять огромное внимание одной из самых масштабных битв в Великой Отечественной войне и в истории в целом – битве под Сталинградом. Все чаще звучат имена тех людей, от обычных мирных граждан до великих полководцев, которые старались любой ценой защитить этот город.

Одной из таких ярких личностей является единственный в истории Советского Союза маршал двух стран: СССР и Польши, военачальник и просто советский офицер – Константин Константинович Рокоссовский. Человек, прошедший Первую мировую войну, Гражданскую войну в рядах Красной армии, участник множества боевых операций, проведенных в годы Великой Отечественной войны, таких как битва под Москвой, Сталинградская битва, битва на Курской дуге. Имеющий огромное множество наград, орденов за боевые заслуги, человек, который по решению Сталина принимал участие вместе с маршалом Г.К. Жуковым в параде от 24 июня 1945 г. Так много всевозможных заслуг перед отечеством. И так мало о нем знает наша молодежь.

К сожалению, современное поколение даже и не озадачивает себя такими вопросами, как человек из обычной польской семьи смог достичь таких высот по военной службе? Как к нему относился И.В. Сталин, даже если доверял самые ответственные поручения? Какие были взаимоотношения с другими маршалами Советского Союза? И какая память осталась об этом великом полководце в современном XXI в.?

Историография по данной теме достаточно обширна. Биографией знаменитого полководца интересовались многие. Так, литературный критик, журналист, автор многих произведений о Великой Отечественной войне Наум Мар в 1986 г. пишет книгу «Есть упоение в бою...» [6], в которой описывает яркие моменты из жизни маршала К.К. Рокоссовского как коммуниста, патриота, интернационалиста.

Полководческая деятельность, заслуженная роль в Великой Отечественной войне, боевой опыт в битве под Москвой, битве за Сталинград, была раскрыта известным военным историком В.О. Дайнеком. В его многочисленных книгах приведены данные обо всех операциях, в которых принимал участие маршал К.К. Рокоссовский. Перу этого автора принадлежит анализ непревзойденного военного искусства негибачего бойца.

Советский военный историк А.М. Самсонов создал объемный труд по истории Сталинградской битвы, и, конечно же, наряду с другими особое внимание уделил военным операциям с участием Донского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский. В своем труде автор привлек большое количество исторических документов, которые создают общее впечатление о всех заслугах великого маршала, который вошел в историю, как «гений маневра».

Также об участии маршала К.К. Рокоссовского в боевых операциях Сталинградской битвы пишет в своей книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» современный российский военный историк А.В. Исаев [4]. Он описывает маршала, как человека, который быстро понимал всю суть проблемы, знающего тактику ведения боя, уважающего солдат.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Советским маршалом интересовались не только российские писатели, военные историки, но и зарубежные журналисты, военные деятели эпохи Второй мировой войны. Так, американская газета “Times” 23 августа 1943 г. выпускает статью, в которой отмечает, что «знаменитая тройка» сыграла решающую роль в обороне под Сталинградом, именно под их командованием было остановлено немецкое наступление 1943 г. – это генералы Красной армии М.М. Попов, Н.Ф. Ватутин и, конечно же, К.К. Рокоссовский [2, с. 285].

Помимо различных научных и художественных произведений, личностью маршала, начиная с 1950-х годов, заинтересовались режиссёры. Существует немало различных документальных и художественных кинолент, которые раскрывают малоизвестные факты о личной жизни маршала, облачают мифы и легенды о полководческой деятельности К.К. Рокоссовского. К тому же в этих кинолентах представлены кинохроники с участием самого маршала, что придает особую ценность для изучения данной темы.

Константин Константинович Рокоссовский – поляк по происхождению, крещенный православной верой, из старинного купеческого рода, который насчитывает более пятисотлетнюю историю [5, с. 7]. Человек, который прошел славный боевой путь от царской армии времен Первой мировой войны, до советской Красной армии. За мужество, героизм, отвагу, проявленную в боевых операциях имеет множество наград: 3 георгиевских креста IV и III степеней, ордена Красного Знамени, Ленина и многие другие – всего более 40 наград [3, с. 124].

К.К. Рокоссовский был физически развит, высокий, почти двухметровый красавец. Всегда сам лично пытался вникнуть во все детали, увлекался конной ездой, чтением военно-исторической литературы [5, с. 85].

За годы военной службы успел подружиться с такими выдающимися личностями как: Г.К. Жуков, С.К. Тимошенко, И.Х. Баграмян и мн. др. Успел побывать во многих странах: Монголия, США, Англия, Франция и другие страны.

Однако как всегда все хорошее всегда как-то рушится. Так и в жизни К.К. Рокоссовского – момент, о котором он никогда не любил вспоминать – годы, проведенные в следственном изоляторе, именуемом «Кресты» [1, с. 48]. Период жизни, который занял почти два с половиной года – были самыми жуткими как для самого маршала, так и для его семьи. И именно в этот период К.К. Рокоссовский понял, что подвело впервые его польское происхождение. Его обвинили в государственной измене, совершенной военным служащим, в том, что он встречался с японским военачальником Мититаро Комациубара [8, с. 62]. И К.К. Рокоссовский вместе со своей семьей стали считаться врагами народа. Начались бесконечные пытки, его даже дважды выводили на расстрел, но за все это время будущий маршал ни разу никого не оклеветал и ничего не подписал [Там же, с. 80–81].

Также тяжело пришлось и семье Константина Рокоссовского. Их выгнали с квартиры. Жена Юлия Петровна не могла найти себе работу, как только узнавали, что она жена врага народа, ее сразу же увольняли. Дочь Ариадна постоянно меняла школы, т. к. ее дразнили одноклассники, что она «дочка врага народа».

Однако все равно, по словам его близких друзей, сослуживцев, командиров, К.К. Рокоссовский – человек, чья полководческая деятельность, как и он сам заслуживает наивысших похвал.

Когда началась Великая Отечественная война, К.К. Рокоссовский был назначен командующим Юго-западным фронтом. Позже его перевели на Брянский фронт. Когда положение на юге страны ухудшилось, то Ставка Верховного главнокомандующего вне всяких сомнений направляет К.К. Рокоссовского в Сталинград.

Приказом от 30 сентября 1942 г. был создан Донской фронт, а 1 октября Константин Константинович приступил к своим обязанностям. К моменту создания Донского фронта противник в лице 6-й немецкой армии под командованием Ф. Паулюса набирал обороты. Было выделено большое подкрепление, приглашены опытные военачальники, такие как Гот, Манштейн, Гудериан и мн. др. [7, с. 248]. И защищать Сталинград от такого сильного противника выпало трем фронтам, но главную роль сыграл имен-

но Донской фронт. В дни Сталинградской битвы Донской фронт, несмотря на свой немалочисленный состав, был задействован во всех боевых операциях. И всегда играл ключевую роль в этих операциях.

Во время Сталинградской битвы было разработано два плана: операция «Уран» и как составная часть «Урана» – операция «Кольцо». К.К. Рокоссовский, не являясь разработчиком этих операций, вместе со своим Донским фронтом участвовал во всех сражениях. Смело высказывал И.В. Сталину обо всей обстановке, которая происходила на поле боя.

К.К. Рокоссовский лично предложил написать и направить ультиматум о капитуляции, опираясь на исторический опыт всемирно известных полководцев, 8 января 1943 г. о том, чтобы 6-я немецкая армия Ф. Паулюса сдалась в плен [7, с. 458]. И также лично в ночь на 31 января допрашивал генерал-фельдмаршала. Однако даже немцы отзывались о К.К. Рокоссовском, как о самом гуманном военачальнике, который, взяв в плен около 15 тыс. немецких солдат, отдал приказ на оказание им медицинской и иной помощи. Даже сдавшийся в плен фельдмаршал Ф. Паулюс отметил особое отношение советского командующего.

Однако на протяжении всей войны К.К. Рокоссовский всегда соперничал с маршалом Г.К. Жуковым. И иногда Ставка Верховного главнокомандующего не всегда поддерживала действия Рокоссовского и даже отвергла его предложения по подготовке боевой операции «Уран».

Таким образом, можно сделать вывод, что участие К.К. Рокоссовского в Сталинградской битве оставило большой отпечаток в боевой биографии маршала. Он вошел в историю, как человек, который всегда проявлял заботу к солдатам, смело отстаивал свою точку зрения перед Ставкой Верховного главнокомандующего, ко всем операциям подходил с исторической, психологической точки зрения. Его называли «гением маневра». В память о великом полководце во многих уголках России, в частности и в самом Волгограде и даже за рубежом, стоят памятники маршалу К.К. Рокоссовскому. Историки до сих пор интересуются его биографией, личной жизнью, а самое главное боевыми подвигами. И, по их мнению, бесценная роль К.К. Рокоссовского не оценена в полной мере.

Литература

1. Григорян А.М. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб.: СПбГУ, 2013.
2. Громов А.Б. Жуков. Взлеты, падения и неизвестные страницы жизни великого маршала. Белгород; Харьков: Клуб семейного досуга, 2013.
3. Дайнес В.О. Гений войны Рокоссовский. Солдатский долг маршала. М.: Эксмо: Яуза, 2013.
4. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Эксмо, Яуза, 2008.
5. Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. Великие полководцы Второй мировой войны. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006.
6. Мар Н.И. Есть упоение в бою... Страницы жизни Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского. М.: Изд-во «Детская литература», 1986.
7. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1989.
8. Свистунов И.И. Сказание о Рокоссовском. М.: Воениздат, 1976.

EKATERINA MELIKHOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

K.K. ROKOSSOVSKY – THE MILITARY COMMANDER OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the biographical details of the military commander of the Great Patriotic War – K.K. Rokossovsky. There are emphasized his services in the battles of the war and the Stalingrad battle. The author evaluates his military activity in the historical literature.

Key words: *K.K. Rokossovsky, the Great Patriotic War, military commander activities, military operations, service in battle, the battle of Stalingrad, “the Genius of Manoeuvre”.*

УДК 93/94

Т.В. МОЛЧАНОВ

(*tamik_molchanov@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕФОРМАТОРСТВО П.А. СТОЛЫПИНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ*

Анализируются проекты военной, образовательной и судебной реформ П.А. Столыпина. Раскрывается многогранная деятельность главы Российского правительства в период 1906–1911 гг. сквозь призму источников личного происхождения и периодической печати.

Ключевые слова: *история России н. XX в., источники личного происхождения, мемуаристика, периодическая печать, реформы П.А. Столыпина.*

В 2022 г. в России отмечается юбилейная дата – 160 лет со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина, общественная деятельность которого серьезно повлияла на решение острых проблем социально-экономического характера, которые стояли перед Россией в начале XX в.

С именем Председателя Совета министров Российской империи в первую очередь связана его аграрная реформа. И это вполне обосновано, т. к. она являлась самой обширной и обсуждаемой. Однако государственная деятельность главы Российского правительства в период с 1906 по 1911 гг. не ограничивалась решением одного из самых острых вопросов социально-экономического развития страны. К списку проводимых им реформ можно отнести военную, земскую, образовательную, судебную и мн. др. Акцентируем внимание на военной, образовательной и судебной реформах, раскроем, как отразилась его реформаторская деятельность в этих направлениях в мемуарной литературе.

Вступление П.А. Столыпина в должность Председателя правительства выпало на очень тяжелые времена для Российской империи. Поражение в Русско-японской войне, а также революционные события 1905 г. указали Петру Аркадьевичу на то, что остро назрело реформирование военной сферы.

Необходимость качественной перестройки вооруженных сил также признавали и члены Государственной Думы. Исследователь Б.Г. Федоров в своем труде «Петр Столыпин: “Я верю в Россию”» пишет о том, что многие члены Государственной Думы относили к причинам поражения в войне: «отсутствии Главного морского штаба и полноценной стратегии, некомпетентность, плохую организацию работы и воровство, чрезмерную централизацию, неподготовленность руководства» [14, с. 575].

По мнению Председателя правительства необходимы были системные преобразования в военной сфере, которые бы включали «разработку нового воинского устава, введение льгот по отбыванию воинской повинности для различных категорий призывников, увеличение содержания офицерского состава, создание благоприятных условий для военнослужащих срочной службы» [7, с. 13].

Кроме того, после поражения в русско-японской войне Петр Аркадьевич выдвигал идею восстановления сильного российского флота. Доказывая необходимость строительства мощного флота для России, глава Правительства в Государственном Совете 13 июня 1908 г. высказался так: «Великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот – это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой державы, обладающей морем» [14, с. 581].

В ходе реализации правительственного курса П.А. Столыпин добивается некоторых успехов и в 1909 г. в Балтике начинается строительство первых русских кораблей-дредноутов.

В воспоминаниях старшей дочери Премьер-министра Марии Бок ярко отражена озабоченность отца по вопросу реализации военной реформы: «Этой зимой 1910/1911 года мой отец особенно интересовался двумя вопросами: проведением земства в Юго-западном крае и проведением новой судострои-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тельной программы, в частности, кредитов на постройку дредноутов. Печать была в это время сильно занята вопросом: нужен ли России флот? Полемика была жгучая. Было два мнения: 1) создать, после разгрома нашего флота в Японскую войну, эскадренный флот, 2) ограничиться созданием флота береговой обороны. Об этом писалось в газетах, печатались книги, об этом говорилось с думской трибуны... Вникнув, таким образом, в суть дела, папа твердо стал на точку зрения Морского Генерального Штаба, против большинства членов Государственной Думы, считая, что России, как великой державе, необходим эскадренный флот, и сделался защитником проведения морской программы» [2, с. 202]. Одним из результатов такой «твердой убежденности» стал спущенный в 1911 г. на воду новейший эскадренный миноносец «Новик».

Подчеркнем, реформы в военной сфере проводились не только из соображений национальной безопасности страны. Так, Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях пишет: «Столыпин у нас никто не заменил, и революция, среди тяжелой нравственной и материальной атмосферы войны, восторжествовала. Пока я пишу эти строки, передо мной живо встает величавый в своей силе и простоте образ Столыпина, и мне припоминаются неоднократно слышанные от него слова: “Для успеха русской революции необходима война. Без нее она бессильна”» [11, с. 116].

Подчеркнем, премьер-министр осознавал, что революция может стать бессильной только тогда, когда внутри страны исчезнут наиболее острые социальные проблемы, которые и давали силу революции. Решить эти проблемы можно было только мирным и легитимным путем. Ведь любая реформа может дать свои плоды только через определенный период развития, который должен быть обязательно мирным для России, что предельно четко осознавал глава Российского Правительства.

Кроме того, для П.А. Столыпина было очевидным, что развитие экономической и политической составляющей страны очень тесно связано с уровнем просвещения и профессиональной подготовки граждан страны. Именно поэтому и возникла идея проведения образовательной реформы, которая, в свою очередь, должна была создать общедоступную и единую образовательную сеть со всеобщим начальным, средним и высшим образованием.

Один из организаторов партии «октябристов» Алексей Васильевич Оболенский в своих воспоминаниях пишет: «Столыпин очень задумывался и о подрастающем поколении. Он сознавал, что школа мало давала людей, преданных родине, не вырабатывала воли, а влияние семьи значительно ослабевало. В новых организациях молодежи: в скаутах, соколах, разведчиках – он думал найти поддержку этим недостаткам и шел навстречу этим течениям» [6, с. 37].

Уже в своем первом выступлении от 6 марта 1907 г. на посту Премьер-министра в Государственной думе П.А. Столыпин выделил те принципы, которые должны быть заложены в основание проводимых преобразований: установление «общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения империи»; объединение усилий государства и общества в просвещении народа; создание «разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством» [12, с. 60].

В скором времени Министерством народного просвещения было предложено несколько проектов, которые касались постановки дела обучения, а также самому созданию и развитию образовательных учреждений. Очень важным был проект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», предполагавший предоставление «всем детям обоего пола» возможности пройти «полный круг обучения в правильно организованной школе» [7, с. 625]. Обучение в училищах, которые входили в созданную школьную сеть, должно было быть полностью бесплатным. А само формирование школьной сети отдали в руки органов местного самоуправления.

В проектах Положений начальных и высших типов училищ определялись порядок их учреждения, содержание учебной части, правила приема учеников, соотношение числа учеников и учителей, компетенция педагогических совещаний, директоров и инспекторов, училищных попечительств и училищных советов. Целью проектов было максимальное расширение возможностей получения образования.

По Положению о начальных училищах, в такие типы училищ принимались на обучение дети от 8 лет из любого сословия и с любой религией. Правом открывать начальные училища обладал широкий круг учреждений и лиц: от правительственным ведомств и земств, до фабрик, заводов и даже частных лиц. При разработке учебного плана и определении продолжительности учебного года должны были учитываться хозяйственные, географические и религиозные особенности различных регионов. В училищах предусматривались также различные кружки и курсы для детей и взрослых, которые стремились «расширить и пополнить свое образование, по преимуществу, специальное в применении к технике, ремеслам, торговле и пр.» [7, с. 627].

Если говорить о высших училищах, то в них предусматривался 4-летний курс обучения, дававший выпускникам «законченное низшее образование». В такие училища принимались все желающие вне зависимости от пола, религии и сословной составляющей, условием было окончено начальное училище и возраст от 10 до 13 лет (также право поступить в высшие училища имели ученики сдавшие вступительные экзамены). Обучающийся, успешно окончивший первые два класса высшего начального училища, имел право поступить в 3 класс средней школы. Ученицы, которые успешно окончили высшие начальные училища, приравнивались к ученицам, окончившим курс женских прогимназий. Содержавшие училища могли по своему усмотрению брать плату за обучение или же делать его бесплатным. Предлагалось открывать различные училища со специальными направленностями (педагогические, строительные, сельскохозяйственные и т. д.) [Там же, с. 642–649].

Был также проект Положения о гимназиях, в задачах которого были приведение к единой системе средних учебных заведений, а также их связь с начальным и высшим образованием. Исходя из этого Положения училища и гимназии объединялись в общую группу образовательных учреждений с курсом обучения на 8 лет и имевшим единый учебный план. Гимназии были своего рода подготовительным заведением для дальнейшего поступления уже в высшие учебные заведения. Право открывать гимназии наряду с Министерством народного просвещения имели земства, города, частные лица [Там же, с. 632–646].

В стране возникало огромное количество новых университетов и институтов. Учебная программа в них была профильной и составлялась от потребностей определенных регионов. В частности, в марте 1907 г. в Новочеркасске был учрежден Донской политехнический институт, имевший 4 факультета: горный, инженерно-мелиоративный, механический, химический и коммерческий [Там же, с. 13].

13 июня 1908 г. кадет В.А. Караулов высказался насчет отмены ограничения поступления в университеты лиц, окончивших 4 класса духовной семинарии. В статье кадетского периодического издания газеты «Речь» были приведены его аргументы: «Препятствия эти вредны как для государства и общества, так и для церкви. При всех недостатках духовной школы, надо признать, что она выпускает людей с сильным характером и замечательной трудоспособностью» [8, с. 3].

Член Государственной Думы III созыва С.Н. Клочков, высказываясь об образовательной реформе П.А. Столыпина, отмечал необходимость организации образовательных учреждений в северной части страны: «Север России, такая огромная губерния, как архангельская и вологодская, с уездами, разбросанными на громадных пространствах, отдаленных от центров образования, с восторгом будут приветствовать это пожелание. Там учебных заведений очень мало. От недостатка их страдает и чиновник, и священник, и в особенности крестьянин» [Там же].

Начальник переселенческого департамента В.Ф. Романов, описывая в своих воспоминаниях поездки по переселенческим районам, пишет: «... наглядно видишь процесс зарождения хозяйственно-культурной жизни, начиная от первого шалаша вновь прибывшего переселенца и кончая богатыми, каких может быть мало и в метрополии, селами с школами, здания которых не уступают нашим средним губернским гимназиям, с церквями и проч.» [10, с. 226]. Из этого можно сделать вывод, что строительство школ, а также достойная поддержка образования, в целом, происходила даже в дальних регионах страны.

Не все из приведенных выше проектов были одобрены в таком виде. Например, документ о начальных училищах был внесен на рассмотрение в III Государственную Думу, позже перешел в IV Думу, но законодательного утверждения так и не получил. Проект о гимназиях был внесен на рассмотрение в III Государственную Думу, но вскоре был возвращен в министерство и оставлен без дальнейшего развития. А вот законодательный акт о высших училищах, внесенный в III Государственную Думу, пройдя все стадии принятия, был утвержден Николаем II 25 июня 1912 г.

И все-таки, в результате реализации образовательной реформы, инициированной П.А. Столыпиным, в определенной мере удалось создать общедоступную и единую систему образования, в которой были начальное, среднее и высшее образование, каждая из ступеней которого давала полный курс знаний. Также появились зачатки создания и развития профессиональных специализированных заведений (педагогических, бухгалтерских, строительных, сельскохозяйственных и т. д.). В результате образовательной реформы к концу 1914 г. удалось добиться видимого прогресса. В России к тому времени действовало 123745 начальных учебных заведений. В начальной школе обучалось 30.1% детей в возрасте от 8 до 11 лет (в городах – 46.6%, в сельской местности – 28.3%). К 1913 г. в России насчитывалось 63 государственных высших учебных заведения, в которых обучались 71379 студентов, а также 54 общественных и частных высших учебных заведения, где обучалось 52153 студента [5, с. 115].

Петр Аркадьевич Столыпин, осуществляя свою реформаторскую деятельность, не обошел стороной и судебную сферу, и уже с весны 1907 г. активно разрабатывал проект закона «О преобразовании местного суда».

Премьер-министр был активным сторонником введения законности и правопорядка во всех сферах жизни страны, а также всегда мечтал создать единое и общедоступное правовое пространство в масштабах империи. Нельзя однозначно утверждать, что Петра Аркадьевича не удовлетворяла судебная реформа 1864 г., реализованная Александром II. Однако он не считал ее законченной, а поэтому предлагал модернизацию. Новая реформа суда и судоустройства предусматривала создание унифицированной судебной системы, упразднение волостных судов, а также судов земского начальника, городского судьи и уездного члена окружного суда. Вместо него устанавливался «один общий для всех граждан, независимо от сословных различий, мировой судья» [7, с. 8], положение которого проект стремился определить, по возможности сохраняя нормы Судебных уставов 20 ноября 1864 г., относившиеся к мировому суду. Реформа должна была сделать суд более дешевым и доступным для населения. Главное место в реформе П.А. Столыпин отводил мировому суду. Новый закон устанавливал систему цензов: нравственный, образовательный, имущественный и служебный.

Не все реформы, проводимые П.А. Столыпиным, принимались политическими кругами, т. к. многие члены партий, представлявшие различные фракции III Государственной Думы, считали, что в ходе революционных действий государство итак пошло на многие уступки населению (например, Манифест 17 октября 1905 г., Указ от 9 ноября 1906 г.). Именно поэтому проект судебной реформы находился на рассмотрении около 3 лет. Представитель либеральной общественности Н.И. Астров зафиксировал в своих воспоминаниях, что «старая реакция стремилась уничтожить мировой суд» [1, с. 230].

Однако все же 29 мая 1910 г. законопроект «О преобразовании местного суда» был передан в Государственный совет. Для его обсуждения была создана отдельная Особая комиссия.

В тот период в либеральной газете «Речь» подробно описывалась ситуация вокруг прений в Государственной Думе о местном суде. Разногласия на Особой комиссии сосредоточились на двух пунктах: на устройстве апелляционной инстанции во главе с выборным или назначенным председателем и на имущественном цензе для выборных судей. Так, крестьяне хоперского округа, протестуя против ценза пишут, что «если бы по устанавливаемому цензу, выбрали в мировые судьи святителя Николая Чудотворца, то и тогда народ сказал бы, что он избран из дворян и потому, хоть и святой, не может судить по правде» [9].

Известный российский адвокат А.Е. Фаворский тоже высказался о судебной реформе. Анализируя его высказывания, опубликованные в периодике, можно констатировать, что он встал на защиту

и сохранение крестьянского (волостного) суда: «Законопроект наносит крестьянскому быту тяжелую рану, уничтожая совершенно всякое право на его существование. Конечно, теперешний волостной суд плох, но из этого не следует, чтобы его нельзя было реорганизовать. Мировой судья никогда не сумеет разобраться в крестьянских делах, так как крестьянский мир мало знаком с письменным законом» [9]. В заключении автор настаивает на необходимости для мировой судьи знать местный язык и высказывается против имущественного ценза [Там же].

Князь Н.Н. Чолокаев, являвшийся членом Государственного Совета, вполне допускал возможность отделения земских начальников от волостных судов, а также возможность одновременного существования мирowego и волостного суда. Об этом он открыто заявил на заседании 4-го съезда уполномоченных дворянских обществ 12 марта 1908 г. [4, с. 651].

Глава правительства выступал за сохранение волостного суда, т. к. это был единственный вариант, при котором законопроект реформы можно было провести через верхнюю палату парламента. О нем в Думе были все в курсе. Представители октябристов его поддержали. Об этом в своих воспоминаниях пишет государственный деятель, возглавлявший длительный период канцелярию Государственной Думы, Я.В. Глинка: так, лидер «Октябристов» А.И. Гучков, узнав о предложении правительства, заявил, что это «компромисс, на который надо пойти, чтобы совет пропустил этот законопроект» [3, с. 72–73].

Законопроект воссоздал в селах институты мировых судей, которые, в свою очередь, должны были избираться на земских собраниях, а в городе на заседаниях городской Думы. Мировой судья должен был рассматривать определенный круг гражданских и уголовных дел, которые не носили характер особо тяжких. Решение мирowego судьи не было окончательным, его можно было оспорить в вышестоящем суде.

Также в Государственную Думу вносились и другие инициативы по укреплению правовой сферы страны. Предлагались различные перечни прав подсудимого на момент прохождения следствия, обсуждалось введение гражданской и уголовной ответственности чиновников за покушение на права и свободы граждан. Необходимо отметить, что тут шла речь о том, что к чиновникам относили не только мелких, но и подразумевались крупные государственные служащие, например, Председатель Совета министров, члены Государственного Совета, члены Государственной Думы и пр.

Смерть П.А. Столыпина 5 сентября 1911 г. не повлияла на рассмотрение в Думе проекта закона «О преобразовании местного суда». Член Государственной Думы II, III и IV созывов В.А. Маклаков позже напишет: «Достаточно сказать, что не только 2-я Дума, но и 3-я и 4-я до самой революции не успели рассмотреть всего, что было заготовлено именно в первое междустье» [13, с. 29].

Проект закона «О преобразовании местного суда» был одобрен Государственной Думой и Государственным советом, а 15 июня 1912 г. утвержден императором Николаем II. Этот закон восстанавливал мировой суд в Российской империи, который действовал на основании Судебных уставов 1864 г. с некоторыми дополнениями и доработками. По уровню юридической техники Закон стоял выше Судебных уставов 1864 г.

Закон «О преобразовании местного суда» был последним значимым законопроектом в истории дореволюционного мирowego суда. Суть закона сводилась к тому, что была восстановлена значимая роль мирowego суда в российском судопроизводстве.

Таким образом, опираясь на разнообразный документальный материал, можно сделать закономерный вывод – П.А. Столыпин разработал целый пакет реформ, включающих в себя кроме аграрной, военную, образовательную и судебную. Все они были взаимосвязаны между собой и дали мощнейший толчок для модернизации страны.

Документы свидетельствуют – не было людей, которые относились к его деятельности нейтрально или безразлично. При этом отношение современников к реформаторству Премьер-министра было неоднозначным: от категорического неприятия личности Петра Аркадьевича и его курса, до восхищения Столыпиным – «мозгом нации» и его преобразовательной деятельностью на благо России.

Литература

1. Астров Н.И. Воспоминания. Т. 1. Париж: YMCA press, 1940.
2. Бок М. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М.: Современник, 1992.
3. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
4. Журнал заседаний четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916: в 3-х тт. Т. 1. 1906–1908. М.: РОССПЭН, 2001.
5. Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: личность и реформы. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2001.
6. Оболенский А.В. Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному // П.А. Столыпин глазами современников / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина; [под общ. ред. П.А. Пожигайло]. М.: РОССПЭН, 2008. С. 33–37.
7. П.А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1.
8. Речь. 1908. № 140. 13 июня.
9. Речь. 1909. № 311. 12 нояб.
10. Романов В.Ф. Историческая миссия на Дальнем Востоке // П.А. Столыпин глазами современников / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина; [под общ. ред. П.А. Пожигайло]. М.: РОССПЭН, 2008. С. 207–243.
11. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002.
12. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991.
13. Столыпин: Жизнь и смерть / сост. Г.П. Сидоровнин. Саратов: Соотечественник, 1997.
14. Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биограф. П.А. Столыпина: в 2 т. Т. 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2002.

TURAN MOLCHANOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

REFORMATION OF P.A. STOLYPIN IN THE EVALUATION OF THE CONTEMPORARIES

The article deals with the projects of the military, educational and judicial reform of P.A. Stolypin. There is described the complex activity of the Head of the Russian government in 1906–1911 through the prism of the sources of the private origin and the periodical press.

Key words: *the Russian history of the beginning of the XXth century, sources of private origin, memoiristics, periodical press, reforms of P.A. Stolypin.*

УДК 93/94

А.Х. НАГИЕВА

(*nagievaalina@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРОТЕКЦИОНИЗМ В ПОЛИТИКЕ С.Ю. ВИТТЕ НА ПОСТУ МИНИСТРА ФИНАНСОВ*

Рассмотрена и проанализирована экономическая политика Российской империи в годы службы на посту министра финансов С.Ю. Витте. Осуществление задуманных министром мероприятий способствовало решению ряда важных экономических задач, стоящих перед государством на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: *экономическая политика, протекционизм, торговля, С.Ю. Витте, таможенная политика, таможенный тариф.*

Экономическое развитие России в XIX в. прошло долгий путь. В первой половине столетия происходило обновление экономики страны: особая роль отводилась расширению товарно-денежных отношений, развитию вольнонаемного труда, а также производятся попытки модернизации промышленности. Однако из-за сохранившегося уклада, сохранения крепостнической системы и внеэкономического принуждения развитие шло замедленными темпами. Уже во второй половине века благодаря реализации крестьянской реформы 1861 г. ситуация меняется. В экономике начинается процесс первоначального накопления капитала, а капитализм начинает утверждаться как господствующий способ производства. При этом сохранялась большая разница между различными отраслями экономики: стремление к бурному росту промышленности и застой в сельском хозяйстве. В целом процесс модернизации России растянулся на долгие годы. Отмечается особенно интенсивный период экономического развития страны во время нахождения на ведущих государственных должностях С.Ю. Витте.

Сергей Юльевич Витте – один из самых выдающихся, но противоречивых государственных деятелей России. Значимые изменения, явления и события, происходившие в тот период, так или иначе связаны с его именем.

Будущий министр родился в 1849 г. в городе Тифлисе и происходил из аристократической семьи. Молодой дворянин был прекрасно образован. Уже в 1871 г. началась его карьера чиновника в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Продолжилась его карьера в Департаменте общих дел Министерства путей сообщения. После чего в его государственной деятельности был краткосрочный перерыв.

В это время складывается мировоззрение С.Ю. Витте под влиянием его дяди генерала Р.А. Фадеева. С.Ю. Витте явно поддерживал славянофильские идеи Р.А. Фадеева, а также увлекался богословскими сочинениями А.С. Хомякова [1].

В 1886 г. выходит статья С.Ю. Витте «Мануфактурное крепостничество» [3]. Статья соответствовала духу славянофильства, характерного для С.Ю. Витте в тот период времени. Он критикует экономическую политику действующего министра финансов Н.Х. Бунге и выступает против развития капитализма в Российской империи. Главную задачу государства он видит в недопущении превращения русских крестьян в пролетариев, он опасается, что промышленное производство превратит рабочих в «рабов автоматов и машин». Кроме того, в статье присутствуют первые призывы к протекционизму. С.Ю. Витте высказывает мнение о необходимости сочетать протекционистские пошлины со справедливым налогообложением и поддержкой промышленности. Промышленность в то же время должна обслуживать российских земледельцев, чтобы те «не отрывались от земли».

В дальнейшем С.Ю. Витте сближается с М.Н. Катковым, К.П. Победоносцевым и министром финансов И.А. Вышнеградским. После этого карьера С.Ю. Витте стремительно развивается, и уже в 1892 г. он заменил Вышнеградского на посту министра финансов.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Взгляды С.Ю. Витте стремительно меняются – он отступает от идей славянофильства и выступает за необходимость индустриализации и выход в ведущие промышленные державы мира. Изменения взглядов С.Ю. Витте связывается с его увлечением идеями немецкого экономиста Фридриха Листа. У него же С.Ю. Витте почерпнул мысль о том, что сельское хозяйство не стоит отдельного внимания, поскольку имеет ограниченные возможности, тогда как промышленность представляет неограниченное поле для развития.

Кроме того, С.Ю. Витте получил следующую оценку от своего современника: «Витте был сыном своего века – горячим поклонником капитализма. Однако его развитие он видел в торговле, обрабатывающей и добывающей промышленности». Он был государственным, стремившемся не к достижению достатка населения, а к обеспечению величия государства в целом [4, с. 49].

На посту министра финансов С.Ю. Витте провел ряд реформ:

– «Винная реформа» предполагала создание государственной монополии на продажу спиртных изделий (1895 г.). Осуществлялась она постепенно – вначале монополия была введена в 35 губерниях империи, и через некоторое время распространена на всю территорию страны. Итогом реформы стало увеличение поступлений денег в государственный бюджет. Так, например, доход от водки составлял 52 млн руб. в 1897 г., а в начале XX в. – 365 млн руб. Сам С.Ю. Витте объяснял необходимость проведения данной реформы не столько возможностью увеличить доходы государства, сколько необходимостью борьбы с пьянством. В своих воспоминаниях он говорит: «...реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства» [2, с. 85].

– Денежная реформа стабилизировала и укрепила положение российского рубля, поскольку он теперь был обеспечен золотом (1897 г.). При реализации данной реформы С.Ю. Витте столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, денежная система России до этого момента была основана на кредитных билетах, и население не знало на тот момент металлического обращения. Во-вторых, сам министр финансов не был подробно знаком с вопросами денежного обращения, а потому его действия представлялись непоследовательными. Наконец, С.Ю. Витте, осознавая преимущество металлического обращения над бумажным, столкнулся с проблемой выбора металла: должно ли это быть золото, или же серебро, или совместное использование двух металлов. В итоге он остановился на золоте. С.Ю. Витте высоко оценил результаты проведенной денежной реформы: «...денежная реформа, окончательно упрочившая кредит России и поставившая Россию в финансовом отношении наряду с другими великими европейскими державами» [Там же, с. 92]. Благодаря этому также возросло количество иностранных инвестиций в страну. Иностранные вложения в российскую промышленность составили более 2 млрд руб. Сам С.Ю. Витте положительно оценивал увеличение доли иностранного капитала в России и их большую роль в развитии торговли и промышленности [Там же, с. 252].

Несмотря на такие положительные изменения, как стабилизация рубля и введение золотого денежного обращения, резко увеличилось косвенное налогообложение, из-за которого страдало население.

Кроме того, перед С.Ю. Витте стояла важная задача – догнать ведущие страны Европы. Ускоренное промышленное развитие обеспечивалось за счет привлечения иностранного капитала, накопления капитала внутри страны за счет внутренних ресурсов, защиты отечественных производителей и поощрения экспорта [1]. Таким образом, протекционизм занимает важное место в обеспечении достижения стоящих перед государством целей.

Перед тем, как изучить протекционистские мероприятия в политике С.Ю. Витте, необходимо дать определение данному понятию. Протекционизм – экономическая политика государства, направленная на поддержку национальной экономики. Осуществляется с помощью различных экономических инструментов, но основными можно назвать торговые пошлины, ограничивающие ввоз иностранных товаров, а также стимулирование отечественного экспорта [5, с. 100]. Кроме того, протекционизм помимо явных положительных сторон для развития экономики, имеет и ряд недостатков. Он может служить замедлению экономического роста и снижению объемов международной торговли, может привести к изоляции страны на международной арене. Также протекционизм может привести к таможенным

войнам. Когда одна страна в ответ на повышение пошлин для защиты собственных производителей также вынуждена продавать товары по повышенным пошлинам уже другого государства. Россия также столкнулась с таким в противостоянии с Германией. Торговая война разразилась между государствами из-за введения максимального тарифа Германией, таким образом товары из России облагались более высокими пошлинами, чем такие же товары других стран. Россия в ответ также ввела максимальный тариф. После этого Германия ответила очередными мерами, также поступила и Россия. В итоге, торговые отношения между государствами «сделались невозможными». Вспоминая об этих событиях, С.Ю. Витте говорит, что «обе стороны начали чувствовать разорительность подобного образа действий, и Германия начала соглашаться на уступки» [2, с. 303]. В 1894 г. государства заключили «довольно справедливый», как отмечал С.Ю. Витте, торговый договор сроком на 10 лет [8, с. 62]. Кроме того, протекционизм приводит к повышению цен.

Наиболее ярко протекционизм в политике С.Ю. Витте проявился в проведении таможенной политики – увеличении таможенных пошлин. Таможенная политика в данный период была направлена на решение ряда задач. Во-первых, необходимость увеличить таможенные доходы страны. Во-вторых, защитить отечественную промышленность. В-третьих, завершить формирование таможенных органов России для обеспечения защиты интересов государства [5, с. 455].

Важно отметить, что курс на защиту отечественной промышленности за счет ограничения внешней торговли был намечен еще И.А. Вышнеградским. При этом ставки нового таможенного тарифа многократно превышали ставки предыдущего тарифа (см. табл.). Ставки приобрели запретительный характер [8, с. 61].

Таблица

Таможенные пошлины по основным товарам российского импорта (копейки золотом за 1 пуд)

Товар	Тариф 1868 г.	Тариф 1891 г.
Каменный уголь	0	2–3
Руда железная	0	10,5
Чугунные изделия	50–250	111,5–255
Железо	20–50	90–150
Кузнечные и котельные изделия	100	255
Рельсы	20	90
Паровозы	75	300

С.Ю. Витте сотрудничал с Д.И. Менделеевым, разработчиком Таможенного тарифа 1891 г. «Создание своей собственной промышленности – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы», – отмечал С.Ю. Витте в 1899 г. [7, с. 175].

Д.И. Менделеев играл важную роль в проведении мероприятий С.Ю. Витте. Дмитрий Иванович писал заключения и анализировал сложившуюся ситуацию. Именно Д.И. Менделеев по просьбе С.Ю. Витте помог убедить императора в необходимости продолжения проводимой политики покровительственной системы в России, признавая неизбежность жертв протекционизма [Там же, с. 176]. Действительно, помимо положительных сторон проводимой политики, нельзя не отметить, что широкие слои населения страдали от повышения цен и получения в некоторых случаях менее качественной продукции. По некоторым оценкам, во второй половине XIX в. население страны «положило на алтарь отечественной промышленности» около 15 млрд руб. Несмотря на увеличение ставок в разработанном им Тарифе, Д.И. Менделеев считал, что основная задача протекционизма не запретительные пошлины, а создание условий для индустриализации России [Там же, с. 173].

Необходимость протекционистских мер обосновывалась слабой конкурентоспособностью российских промышленников. При этом С.Ю. Витте полагал, что данные меры носят временный характер. Он считал, что по мере укрепления российской экономики и развития промышленности, экономическая политика должна была становиться все более либеральной [8, с. 63].

По проводимой С.Ю. Витте таможенной политике можно сделать следующие выводы: в период 1891–1900 гг. среднегодовой таможенный доход России вырос на 78 млн и составил 180,7 млн золотых рублей. Среднегодовая доля таможенного дохода в общей сумме государственного дохода за тот же период составила 26,5%. Таким образом, можно говорить о том, что как минимум одна задача (увеличить доходы казны за счет таможенных поступлений) была решена [6, с. 457].

Кроме того, наблюдался и рост экспорта, импорта и внешнеторгового оборота России. В 1891–1900 гг. экспорт составил 663,4 млн руб., импорт – 534,1 млн, внешнеторговый оборот – 1197,5 млн руб. В 1902 г. экспорт – 825,3 млн руб., импорт – 527 млн руб., в 1903 г. экспорт – 943,3 млн руб., импорт – 601,5 млн руб.

Таким образом, итогами политики С.Ю. Витте на посту министра финансов стало решение ряда экономических задач, а именно увеличение экспорта и импорта, обеспечение промышленности государства сырьем и материалами собственного производства, укрепление положения государства на международной арене. И, наконец, Россия сделала огромный шаг вперед в развитии экономики и, в частности, промышленности.

Литература

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–53.
2. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2: (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II / [Коммент. канд. ист. наук В.И. Бовыкина и К.Н. Тарновского].
3. Витте С.Ю. Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. № 3. С. 17–19.
4. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
5. Ерешко Е.В. Симбиоз протекционизма и либеральных таможенно-тарифных мер в Российской таможенной политике XIX в. // Историческая и социально-образоват. мысль. 2009. № 2. С. 100–105.
6. Иванов К.Е. Основные направления таможенной политики С.Ю. Витте на посту министра финансов Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Образование и право. 2021. № 3. С. 454–458.
7. Савченко М.М. Д.И. Менделеев и таможенный тариф (из истории разработки и осуществления таможенно-тарифной политики России) // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 172–176.
8. Цедилин Л.И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М.: Институт экономики РАН, 2014.

ALINA NAGIEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PROTECTIONALISM IN THE POLITICS OF S.YU. VITTE AS THE MINISTER OF FINANCE

The article deals with the consideration and analysis of the economic policy of the Russian Empire of S.Yu. Vitte in the days of service as the Minister of Finance. The fulfilment of the intended events by the Minister supported the solution of the row of the important economic problems, set to the state at the turn of the XIX–XX centuries.

Key words: economic policy, protectionalism, trade, S.Yu. Vitte, customs policy, custom tariff.

УДК 93/94

К.А. ПЕРМИНОВ

(PerminovKirill2003@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ ВОЛГОГРАДА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОРОДА*

Наш родной город Волгоград известен своей славной и героической историей. Его улицы пережили целые исторические эпохи, а Сталинградская битва стала событием, которое остановило наступление германского фашизма на нашей земле. Именно Волгоград положил начало интересному явлению – побратимскому движению между городами. Это движение охватило целые страны, и сейчас благодаря этому города устанавливают между собой дружественные, культурные, политические и экономические связи. Актуальной темой для анализа в данной статье будет изучение появления в топонимической системе Волгограда названий городов-побратимов.

Ключевые слова: *топонимы, города-побратимы, улицы, побратимское движение, урбанонимы.*

В топонимической системе Волгограда значительная часть урбанонимов связана с событиями Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы. Эта проблема достаточно хорошо отражена в работах волгоградских исследователей [1, 12, 13]. Однако побратимские связи нашего города, сохраненные в названиях улиц, еще не нашли должного освещения.

Города-побратимы – это города, которые установили между собой дружественные связи с целью ознакомления и взаимопроникновения жизнью, политикой, экономикой, культурой и историей. История зарождения и развития побратимского движения не менее интересна.

Всё началось в 1942 г., когда жители английского города Ковентри, пострадавшего от многочисленных бомбёжек немецкой авиации, были вдохновлены яростным и героическим сопротивлением советского народа в ходе Сталинградской битвы. Была выдвинута инициатива установления братских связей с защитниками города-героя и в 1944 г. англичане подготовили и отправили в Сталинград скатерть, на которой были вышиты имена 830 женщин города Ковентри и госпожи Эмили Смит. На скатерти также были вышиты слова «Лучше маленькая помощь, чем большое сочувствие». Сегодня она хранится в Музее-панораме «Сталинградская битва». Этот поступок вызвал широкий отклик в других странах мира и к 1980 г. по подсчётам учёного Грунерта городов-побратимов насчитывалось уже 6,5 тысяч [11].

К настоящему времени Волгоград установил большое количество связей с другими городами по всему миру. Это, конечно, не могло не отразиться в названии урбанонимов. Восемь улиц Волгограда названы в честь братских городов [8].

Таблица

Отражение названий городов-побратимов на улицах Волгограда

Города-побратимы Волгограда	Отражение в названиях урбанонимов
Ковентри (Великобритания)	Ул. Ковентри
Острава (Чехия)	Ул. Остравская
Дижон (Франция)	–
Кеми (Финляндия)	–
Льеж (Бельгия)	Ул. Льежа
Турин (Италия)	–
Порт-Саид (Египет)	Ул. Порт-Саида
Ченнаи (Индия)	–

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Города-побратимы Волгограда	Отражение в названиях урбанонимов
Хиросима (Япония)	Ул. Хиросимы
Кёльн (Германия)	–
Хемниц (Германия)	–
Кливленд (США)	–
Торонто (Канада)	–
Чэнду (Китай)	–
Цзилинь (Китай)	–
Ереван (Армения)	Ул. Ереванская
Крушевац (Сербия)	–
Русе (Болгария)	–
Тирасполь (Молдавия)	Ул. Тираспольская
Измир (Турция)	–
Плоньск (Польша)	–
Сандански (Болгария)	–
Орландо (США)	–
Олевано-Романо (Италия)	–
Севастополь (до 2014 г. Украина)	Ул. Севастопольская

Улица Ковентри находится в Центральном районе Волгограда. Её назвали в честь братского города в 1973 г. Интересен тот факт, что юридически на этой улице нет ни одного дома, т. к. они не носят её названия, поэтому она стала легендарной. Однако данная ситуация не уникальна, ведь если пройти два квартала в сторону Музея – Панорамы «Сталинградская битва», то можно увидеть улицу им. Родимцева, где обстановка та же.

Островская улица находится в Красноармейском районе. Сталинград и Острава подписали дружеский договор в 1947 г. Этот город находится на востоке Чехии, является её крупным историческим и культурным центром, основанным в 1267 г. Были и предпосылки для установления братских отношений: в 1945 г. во время Моравско-Островской наступательной операции город был освобождён маршалом Андреем Ивановичем Ерёмченко, который командовал тогда Четвёртым Украинским фронтом [7]. На данный момент Волгоград и Острава реализуют различные совместные международные проекты, развивают сотрудничество между университетами. Такие общественные ассоциации, как «Островский русский дом», Чешско-русское сообщество (выступило с инициативой организации проекта «Волгоград в Острове») [6], общество дружбы «Волгоград-Острава» способствуют дальнейшему развитию и укреплению связей между братскими городами.

Улица Льежа находится в Ворошиловском районе. Этой улице тоже юридически не принадлежит ни один дом. Льеж находится в Валлонском регионе Бельгии, в 100 км от Брюсселя. Он прославился как яростный и свободолюбивый город, который многие века оказывал активное сопротивление французским и испанским неприятелям, а во время Первой мировой войны смог задержать армию кайзера Вильгельма II и выиграл время для мобилизации военных Бельгии и Франции. Во время Второй мировой войны за него также шли ожесточённые бои [4]. В Льеже похоронен Евгений Доценко, активный участник бельгийского партизанского движения во время Второй Мировой войны, известный так же, как «профессор из Сталинграда» [5]. Всё это способствовало установлению в 1959 г. братских отношений со Сталинградом.

Улица Порт-Саида находится в Центральном районе города. Город Порт-Саид находится в Египте на севере Суэцкого канала, является портом на Средиземном море. Во время Суэцкого кризиса в 1956 г. город оказался в центре вооружённого конфликта. Англо-французский десант высадился в Порт-Саиде, однако город оказал упорное сопротивление. Хоть битва и длилась один день (благодаря вме-

шательству ООН война была прекращена), на его защиту помимо армии встали жители города, ополченцы [10]. За это город был прозван «египетским Сталинградом». Жители Сталинграда и Порт-Саида в 1957 г. инициировали обращение ко всем странам мира с призывом запретить оружие массового уничтожения. С этого момента их дружба становилась только крепче.

Улица Хиросимы расположена в Центральном районе города. Японский город Хиросима был основан в 1589 г. – в том же, что и Царицын. Этот город известен тем, что первым в истории испытал на себе все ужасы атомной бомбардировки. Некоторые люди делали страшные заявления – здесь теперь никогда «не взойдёт ни одна травинка». Однако Хиросима доказала обратное. Она восстановилась из руин и сейчас является цветущим, динамично развивающимся городом. Побратимские отношения город установил с Волгоградом в 1972 г. Сейчас наш город с Хиросимой связывает активное сотрудничество в области молодёжной политики и образования в духе мира [9]. Так же большое влияние на развитие отношений имеет Волгоградское отделение Общества «Россия-Япония», которое открылось в 2020 г.

Ереванская улица находится в Советском районе Волгограда. Ереван является столицей и крупнейшим культурным и экономическим центром Армении. Этот город несколько раз подвергался ужасным разрушительным катастрофам, но восстанавливался снова и снова. В 1998 г. между Волгоградом и Ереваном было подписано соглашение о сотрудничестве, однако официально побратимами города стали только в 2015 г.

Улица Тираспольская располагается в Краснооктябрьском районе. Тирасполь является столицей Приднестровской Молдавской Республики, которая вышла из состава Молдавии, в результате чего начался так называемый «Вооружённый конфликт в Приднестровье». Республике объявили экономическую блокаду, но Россия продолжает оказывать гуманитарную помощь Приднестровской Молдавской Республике. В 2006 г. туда были доставлены партии гуманитарной помощи из Волгограда. Эта помощь была организована администрацией Волгограда при поддержке регионального отделения партии «Единая Россия» и молодёжного движения «Новые люди» [3]. В этом же году города достигли специального соглашения и стали городами-побратимами. Это было закреплено в ходе торжеств, посвящённых 62-й годовщине освобождения приднестровской столицы от немецко-фашистских захватчиков.

Улица Севастопольская находится в Дзержинском районе. Севастополь, как и Волгоград, имеет славную героическую историю. Он оказывал героическое сопротивление фашистам на протяжении долгого времени во время Великой Отечественной войны. 19 ноября 2013 г. был подписан договор о породнении Волгограда и Севастополя (тогда еще в составе Украины). День 19 ноября является символическим – в этот день началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. Документ о дружбе был подписан в триумфальном зале Государственного Музея-Панорамы «Сталинградская битва» [2]. Для городов-героев открылись дополнительные возможности в экономической, социальной и политической сферах, а также в вопросах патриотического воспитания молодёжи.

Подводя итог исследованию, хотелось бы отметить, что побратимское движение является ярким примером развития дружественных и культурных связей между народами. Интересуясь историей своего города, названиями его топонимов, мы невольно изучаем историю других городов и народов, культур. Это делает наш взгляд на мир шире, позволяет найти познавательную информацию о том, что же связывает историю Волгограда с историей других городов.

Литература

1. Беженцева А.Р. История отражения Сталинградской битвы в названиях улиц Волгограда // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2020. № 6(35.2). С. 11–12. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1609249979.pdf> (дата обращения: 09.01.22).
2. Борисов А. Волгоград и Севастополь стали братьями // V1.RU. Волгоград онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://v1.ru/text/gorod/2013/11/20/56915881/> (дата обращения: 09.01.22).
3. Волгоград нашел побратима в Приднестровье // Общероссийская общественная организация Деловая Россия. [Электронный ресурс]. URL: <https://deloros.ru/volgograd-nashel-pobratima-v-pridnestrove.html> (дата обращения: 08.01.22).
4. Галкина Т.А., Павлинов П.С. Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс]. URL: <https://w.histrf.ru/> (дата обращения: 10.01.22).

5. Дощечникова О. Сталинградское Сопротивление Льежа // V1.RU. Волгоград онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://v1.ru/text/gorod/2013/05/23/56861331/> (дата обращения: 09.01.22).
6. Зельма Г. Проект «Волгоград в Острове» стартовал в Чехии // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20130204/921080632.html> (дата обращения: 09.01.22).
7. Маковский В. Моравско-Оставская наступательная операция 10 марта – 5 мая 1945 г. // Министерство обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12010709@cmsArticle (дата обращения: 08.01.22).
8. Постановление администрации Волгограда от 10.10.2011 № 3060 (ред. от 24.12.2015) «Об утверждении Общеродского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» // Администрация Волгограда 10.10.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446506494> (дата обращения: 08.01.22).
9. Пресс-релиз Волгоград и Хиросима продолжают работу по продвижению молодежных мирных инициатив // Волгоградская городская дума. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volgosvet.ru/d1d3/Activity/PressRelease/i18578> (дата обращения: 09.01.22).
10. Примаков Е.М., Арутюнов Р.А. Поучительный урок (вооруженная агрессия против Египта). М.: Госполитиздат, 1957.
11. Пятака В. Порождение городов: истоки и основные особенности // Вестник мэрии. 1994. № 8. С. 54.
12. Соловьева С.В. Сталинградские снайперы в топонимике Волгограда // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 4(127). С. 218–222.
13. Сталинградская битва в названиях улиц и площадей Волгограда. Словарь-справочник / С.В. Соловьева, Е.Ю. Болотова, М.Н. Опалев. М.: Изд-во «Планета», 2020.

KIRILL PERMINOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

TWIN CITIES OF VOLGOGRAD IN THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE CITY

Our native city Volgograd is famous for its glorious and heroic history. Its streets survived the whole historical eras, the battle of Stalingrad became the event that had stopped the offense of the German fascism at our land. Volgograd made the start of the interesting phenomenon – the twin cities movement between the cities. The movement covered the whole countries and now by means of it the cities make the friendly, cultural, political and economic contacts. The topical theme for the analysis in the article is the study of the origin of the names of the twin cities in the toponymic system of Volgograd.

Key words: *toponyms, twin cities, streets, twin cities movement, urbanonyms.*

УДК 6389

Е.В. САХАРОВА

(katya.kobeleva.1999@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

«ДОМОСТРОЙ»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Рассматривается источниковедческий аспект литературного памятника средневековой Руси «Домострой».

Автор раскрывает проблему авторства «Домостроя», формы исторического источника, характер содержащейся информации.

Ключевые слова: *исторический источник, семейно-бытовые отношения, Сильвестр, редакция, список, информация.*

«Домострой» является одним из важнейших памятников своего времени, характеризующим семейно-бытовые отношения в средневековой России. Данный памятник носит междисциплинарный характер, т. к. представляет интерес не только для историков, но и лингвистов, филологов, культурологов. «Домострой» можно рассматривать как важный культурный памятник, изображающий духовно-семейные и бытовые ценности России пятисотлетней давности. «Домострой» в своем роде уникальное произведение. Он был посвящен не типичным, по большей части нам темам, а относился к вопросам по житейским и бытовым отношениям, и что самое примечательное, особенно в то время – такая направленность воспринималась, как нечто новое.

«Домострой» имеет полное название – «Домострой, содержащий информацию, учения и наставления, полезные для каждого христианина – мужа, жены, ребенка, слуги и служанки».

Как отмечал В.В. Колесов: «“Домострой” возник еще в XV веке во времена Новгородской республики». Исследователь определил, что данный литературный памятник возник как результат длительной коллективной работы на основе других литературных источников, которые существовали на тот момент. Данная книга была крайне распространена среди элиты общества того времени [1, с. 32].

Известный советский историк М.Г. Рабинович акцентирует внимание, прежде всего, на уникальности хозяйственности и расчётливости советов, дающихся в «Домострое» и изучении быта населения Руси XI–XVI вв. [13, с. 125].

Советский исследователь русского средневековья А.А. Зимин ссылался на то, что «Домострой», можно вполне считать своего рода энциклопедией по ведению русского быта, сборником нотаций и поучений по всем отраслям домашнего хозяйства. Так же, по мнению автора, наблюдается и мысль о том, что понятие «семья» входит в собирательное понятие «дома» в целом [3, с. 55].

При анализе современных исследований в данной области необходимо отметить работу Л.П. Найдёновой «Мир русского человека XVI–XVII вв.». Данный литературный источник дает большое количество информации по темам семьи и брака, а также о самом памятнике. Основной целью «Домостроя» исследователь видит обучение человека, который живет в условиях несовершенств и трудностей в процессе сохранения собственной души для жизни вечной [8, с. 4].

Как считают многие, благовещенский протопоп Сильвестр является автором-составителем «Домостроя». Многие ученые считают его не только составителем, но и редактором. Анализируя особенности стиля и изложения материала, можно сделать вывод, что в написании этого большого труда принимали участие несколько человек, и что работа заняла ни один год. На страницах «Домостроя» так много повторений одного и того же материала, что выделить одного автора было бы невозможно. Существуют также диалекты разных частей страны и вариации в стиле повествования. В целом, можно сказать, что «Домострой» вобрал в себя сформировавшийся исходя из морали и этики кодекс поведения, а также духовно-нравственные тексты тех времен и систематизировал их.

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Исследователи выделяют религиозные и светские источники написания «Домостроя»: Летописи, Наставления священников о том, как нужно жить праведному христианину; Поучения отцов к сыновьям; «Обиходники», регламентирующие порядок жизни в монастырских обителях; Аналогичные домострои, привезенные из европейских стран; Бытовые новеллы, которые касаются особенностей жизненного уклада городских и крестьянских семей. Всё это позволило создать действительно уникальное произведение, лучшее выражение того, что известно, как «учительская проза» [2, с. 76–78].

Памятник дошел до нас в трех редакциях и сохранился в многочисленных списках XVI–XVIII вв. Поздние копии более полные по сравнению с ранними. Выходит, что полная версия «Домостроя» была составлена в конце XV в., начале XVI или первой половине XVI в. С тех пор никто не дополнял эту полную версию в нашей литературе, и каждый, кто делал свою копию «Домостроя», брал ее с этой копии. Все документы из более поздних копий XVII в. находятся в этом списке, и самое странное, что ни копии XVI и XVII вв., ни список XVIII в. не содержат никаких дополнений или мелкого шрифта. Это позволяет предположить, что письменная редакция «Домостроя» была завершена в нашей литературе в первой половине XVI века, и что после этого времени не было ни одной редакции в собственном смысле слова.

Текст первой редакции (до середины XVI в.) издан И.Е. Забелиным в 1882 г. Текст второй редакции по Коншинскому списку конца XVI – начала XVII вв. подготовил к изданию и издал А. Орлов в 1908 г. Третья редакция текста «Домостроя» – органическое соединение двух первых. В XVII в. они были представлены даже в стихотворной форме [9, с. 35].

«Домострой» первой редакции по рукописи, написанной в 60-х гг. XVI в., хранится в настоящее время в ГИМ.

В «Домострое» много повествовательных особенностей, которые отражают уровень мышления в XVI в.

Детали жизни освящаются нравственным отношением Божественной истины. «Материальный мир оживает, когда все “благословляется”, а деньги, благословленные Божьей благодатью, становятся символом праведной жизни. Человек должен жить по христианским обычаям; экономика одухотворяется через этику – то, что представлено в книге, является различными проявлениями жизни» [11, с. 77].

Так повелось, что средневековье во многом состояло из аксиом, в которые нужно было безусловно верить: иерархия сословий и вытекающее отсюда обязательство подчиняться стоящему выше в этой иерархии, на тот момент являлось совершенно естественным. Так же «Домострой» можно считать посланием человека к миру, но не напрямую, а именно через отношение к Богу. Других идеальных отношений средневековый человек на то время не знал. «Домострой» в чем-то и культ тоже, несомненно, преимущественно, в духовности. Такого рода мышление является иррациональным. Это означало то, что человек не нуждается в доказательствах, достаточным было верить на слово.

Под воспитанием понималось все общее руководство над своими подданными. В то же время личная совесть считалась главным инструментом решений и действий господина («монарха», «повелителя»). По Б.А. Романову, «Домострой» был призван внести в сознание автоматическую совесть тем, кто забыл о своих социальных обязанностях. Особенно это касалось женщин [12, с. 42].

Текст «Домостроя» основан на нескольких традиционных жанрах. Первый – это «поучение отца сыну», хорошо известное на Руси с середины XI века (например, поучение Владимира Мономаха, завещанное его сыну). В нем наблюдаются назидательные и краткие, иногда афористичные выражения.

Во-вторых, это «слова Святого Отца». Впоследствии они были собраны воедино и составили несколько превосходных сборников нравоучительного содержания – Измарагд (Изумруд). Многие части Измарагда были включены в текст Домостроя [14, с. 47].

В-третьих, «Домострой» находился под влиянием многочисленных средневековых «монастырей», которые определяли порядок и иерархию, например, монашеское служение, и во многом приближались к идеалу монашеской жизни.

В-четвертых, текст «Домостроя» содержит образы из жизни: городские истории обычных людей, которые чаще всего характерны для городов большого масштаба. Именно в таких рассказах можно

найти массу простонародных выражений, признаков повседневной жизни и точных обозначений, которые переносят читателя в реальную жизнь городского дома.

В-пятых, текст «Домостроя» находится под сильным влиянием современной западноевропейской «архитектуры домов», которая восходит к самым древним подобным текстам. Можно упомянуть древнегреческий текст Ксенофонта (445–355 гг. до н. э.) «О доме» и «Политику» Аристотеля – писателя, пользующегося особенно высоким авторитетом в средневековой литературе [17, с. 11].

«Домострой» состоит из трех основных секций. В предисловии к первому изданию говорится, что эти разделы содержат правила сообщества, касающиеся «духовного строительства» (религиозные заповеди, главы 1–15), «светского строительства» (о семейных отношениях, главы 16–29) и «строительства дома» (семейные советы, главы 30–63) [16, с. 76].

В то же время «Домострой» отражает изменения социально-экономической жизни XVI в. и перспективы состоятельных горожан. Его экономика уже была тесно связана с рынком, но все еще существовали большие запасы; в ней говорится о добровольной службе слуг, а также предусматривается использование труда крепостных.

Композиция произведения нарушена: содержание постоянно дополняется своего рода «приложением», своего рода комментарием – травником, лечебником, «указом» о том, как «повелевать садом» и т. д.

В издании Сильвестра таким дополнением становится глава 64. Это краткий рассказ автора обо всем «Домострое», написанный Сильвестром своему сыну. В то же время это своего рода светский аргумент в пользу Домостроя, основанный на собственном опыте Сильвестра: Сильвестр показывает сыну, насколько действенны и справедливы советы, изложенные в книге, и как можно добиться успеха в современном обществе, следуя им.

Последняя глава – это конечный результат предложенных «Домостроем» действий, т. е. их итог. Эта глава обычно считается самостоятельным произведением и часто переписывается отдельно.

Сегодня «Домострой» часто упрекают в излишнем консерватизме. В XIX в. славянофилы и западники использовали его как доказательство своих идей. Ошибка в том, что этот документ нельзя отрывать от его исторического и культурного контекста, потому что менталитет средневековых людей сильно отличался от менталитета последующих поколений.

В тексте «Домостроя» содержится еще такая особенность: государями зовутся одновременно царь-батюшка, и хозяин дома. Разумеется, не случайно в лидере государства мы привыкли видеть отца-кормильца, защитника. А ведь это и есть признак архаичности мышления. Этот первобытнообщинный признак не исчезает ни в средние века, ни в XIX в., ни даже в конце XX в. И уже из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что «Домострой» не является произведением суровым – ведь семья не может строиться на только карательных отношениях. И родители, как бы ни были строги, все равно любят свои детей, заботятся о них и своих домочадцах, опекают их, желают им только лучшего, добра. Философ XX в. Н.А. Бердяев отмечал: «Россия XVI века, крепкая религиозным чувством, богатая государственным смыслом, нуждалась до крайности и во внешней цивилизации и в умственном просвещении. Именно таково исходное положение, с которого начиналось развитие новой России. “Домострой” провел эту грань между старой и новой Россией, и важно было проследить пути органического развития традиции изнутри себя самой...» [10, с. 11].

Прошло более чем пятьсот лет со времен создания «Домостроя». Жизнь, без сомнений, идет вперед. Сегодня мы можем говорить об уровне развития общественного устройства, о громадном шаге вперед в изучении научных передовых открытий, о неизмеримо возросших возможностях человека. Но стали ли люди нравственно богаче, духовно выше, чем наши соотечественники несколько лет назад? К сожалению нет, не стали. И тогда возникает вопрос: актуально ли это произведение сегодня?

Необходимо задуматься над тем, насколько в нашей жизни важно вернуться к семейным ценностям, устоям, к тому, что составляет фундамент нашей жизни, внести чистоту и нравственность в нашу повседневность.

Этот памятник русской литературы нельзя недооценивать и в наши дни, ведь пользуясь этой книгой и опираясь на житейскую мудрость «Домостроя» прожило ни одно поколение наших отцов и дедов. История развития человечества, общества и культуры – это история не только постепенного освоения новых, но и, прежде всего, использование старых культурно-традиционных ценностей, осмысливая опыт прошлых поколений ради светлого будущего.

Литература

1. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М.: Советская Россия, 2010.
2. Забелин И.Е. «Домострой» по Списку Общества истории и древностей российских. М.: Изд-во МГУ, 2012.
3. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: Академия, 2008.
4. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект-Пресс, 2000.
5. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Изд-во ЛГУ, 2013.
6. Личман Б.В. История России. М.: Прогресс, 2005.
7. Мезин С.А. История русской культуры X–XVIII веков. М.: Центр гуманитарного образования, 2000.
8. Найдёнова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М.: Сретен. монастырь, 2003.
9. Орлов А.С. Домострой: Исследование. М.: Изд-во МГУ, 2007.
10. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. М.: Захаров, 2004.
11. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. / под ред. Д.С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 2006.
12. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Наука, 2006.
13. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры феодального города. М.: Академия, 2011.
14. Сахаров А. Живые голоса истории. М.: Молодая гвардия, 2011.
15. Соловьев В.А. Статьи. М.: Академия, 2015.
16. Ужанков А. Будущее в представлениях писателей Древней Руси XI–XIII вв. // Русская речь. 1988. № 6. С. 78–84.
17. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 2009.

EKATERINA SAHAROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“THE DOMESTIC RULE”: SOURCE STUDY ASPECT

*The article deals with the source study aspect of the literary monument of the Middle-Age Rus “The Domestic Rule”.
The author describes the issue of the authorship of “The Domestic Rule”, the form of the historical source and the character of the contain information.*

*Key words: historical source, family and domestic relations,
Silvester, edition, list, information.*

УДК 93/94

В.Ю. СЕЛИВАНОВА

(valeria.maksimova2014@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН-РЕГЕНТОВ: Е. ГЛИНСКАЯ И С. РОМАНОВА*

Рассматриваются вариации определений термина «легитимность государственной власти» в современной науке и значимость легитимности в определённые исторические периоды человечества. Анализируется деятельность регентов Елены Глинской и Софьи Романовой с целью определения легитимности их власти.

Ключевые слова: история России, регентство, XVII век, женщины-правительницы, Софья Алексеевна, Вечный мир, Нерчинский договор, Крымские походы, Славяно-греко-латинская Академия, Пётр I, допетровская Россия, старообрядчество.

Легитимность власти имела огромное значение в периоды после буржуазных революций, когда власть народа возрастала, и они могли, так или иначе, выбирать, кто будет править государством. Однако, тем не менее, одобрение правителей имело значение и в монархический период.

На сегодняшний день существует множество определений термину «легитимность» в политологии и в праве. Начнём с того, что «легитимность» происходит от латинского слова “legitimus” – законный. На основании этого даются следующие определения «легитимности государственной власти» – «это власть, которая соответствует представлениям общества данного государства о надлежащей, требуемой, необходимой власти» [1] и, например, ещё, «признание обществом или большинством народа сложившейся системы власти как естественной, нормальной, соответствующей его воле и интересам» [9].

Кроме того, в политико-правовой науке существует и схожее понятие легитимности – «легальность». Легальной властью будет в том случае, когда она действует по существующим законам и нормативно-правовым принципам, и не зависит от того, признается ли она населением государства. Кроме того, необходимо отметить и то, что в юридических документах нельзя встретить «легитимность», поскольку данный термин не является юридическим в отличие от «легальности».

Если говорить на примерах исторических событий, то, например, правление Екатерины II является ярким примером легитимной власти, но нелегальной. Нелегальным правлением оно являлось, т. к. Екатерина лишила власти законного наследника престола, Петра II, но, тем не менее, являлась легитимным, т. к. оно нашло отклик в российском населении.

По факту на легитимность и легальность государственной власти влияло и конкретное положение в самой стране. В периоды, когда власть переходила от одной династии к другой, подданным было нелегко разобраться в законности права на престол того или иного претендента. Например, в годы войны Алой и Белой розы, когда любой наследник Плантагенетов занимал английский престол, воспринимался англичанами позитивно, несмотря на то что смена правителя происходила большое количество раз. Позитивный настрой английского народа, в первую очередь, был связан с тем, что они верили в будущие преобразования вошедшего на престол короля, которые приведут к завершению войны и кровопролития.

Говоря уже о приходе Елены Глинской к власти, важно отметить, что на сегодняшний момент данный вопрос является дискуссионным в отечественной историографии. До наших дней не дошёл главный исторический источник, духовная грамота Василия III, который бы подтверждал факт передачи власти от Василия III непосредственно к Елене, обходя Опекунский совет.

Самые известные исследователи периода регентства Елены, А.Л. Корзинин [4] и М.М. Кром [5, с. 128] отмечают, что в глазах подданных именно Иван IV обеспечивал легитимность

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

её власти. При изучении документов отмечается некая форма «соправительства» [7], которая, по своей сути, и давала обоснование власти Глинской по кровному родству. Исследователи отмечают, что Елена к осени 1534 г. смогла устранить Опекунский совет, а затем и признания титула «государыня» за собой. Хотя, в действительности, не обладала всей полнотой великокняжеской власти.

Впервые обращение к Елене датируется сентябрём 1534 г. в выписке из книг дьяка Тимофея Казакова: «князь великий Иван Васильевич всея Руси и мати его государыня великая княгини Елена» [3, с. 437]. Именно в этом случае стоит обратить внимание на написание титула Ивана IV, который именуется во всех документах «государем великим князем всея Руси», когда Елена носит следующий титул: «государыней великой княгиней». Казалось бы, что титулы носят схожий смысл, но именно в титуле Елены отсутствовала часть «всея Руси», тем самым, это подчеркивало, что носителем суверенитета государства был Иван IV.

Несмотря на то, что Елена являлась соправительницей сына, она не обладала всей полнотой великокняжеской власти. Все нормативные акты в годы её регентства были только от имени Ивана IV. Глинская не обладала властью для выдачи официальных грамот, не обладала и самостоятельностью в и пожаловании думных чинов, и в назначениях на должности воевод, не имела право принимать и отправлять посольства, заключать мирные договоры. Кроме того, Елена была вынуждена обращаться к боярам, т. к. не имела опыта в управлении государством.

Важно отметить, что упоминается государыня только в бумагах внутренних дел, когда на документах, связанных со внешними делами, Елена не фигурировала. Кроме того, М.М. Кром [5, с. 129–131] отмечает, что не затрагивалось регентство Елены во всех иностранных источниках того времени, предпочтение отдавали Ивану IV, который, по их мнению, в трёхлетнем возрасте самолично принимал все решения.

Большая часть исследователей предполагают, что власть Е. Глинской поддерживала Русская Православная Церковь в лице митрополита Даниила, который и венчал на великое княжество малолетнего Ивана. Помимо представителей Русской церкви у Елены Васильевны была поддержка и со стороны московской знати, например, представители родов Оболенских и Ярославских.

Таким образом, несмотря на признание титула «государыни» за Еленой, её полномочия как правительницы были существенно ограниченны, но, тем не менее, Е. Глинская нашла отклик на своё правление во всех привилегированных слоях русского населения XVI в.

Софья Алексеевна пришла к власти благодаря Стрелецкому восстанию 1682 г., события которого историки интерпретируют по-разному. Двоецарствие Ивана V и Петра I с регентом Софьей сложилось после того, как стрельцы подали челобитную о прощении царевне Софье о правлении Российским государством. Как отмечает С. Медведев, только спустя время и уговоров всего Московского царства Софья благодаря милосердию своему согласилась на управление всеми делами государственным [6].

Важно понимать, что после майских событий 1682 г. Софью вряд ли можно было назвать единоличной правительницей или самодержицей. Понятно, что поначалу статус Софьи Алексеевны был не определён, и если обращаться к работе А.П. Богданова [2], то можно утверждать о том, что само регентство не получило юридического оформления. Однако разного вида источники подтверждают наличие реальной власти в руках царевны. Так, например, подтверждение регулярных посещений Софьей заседаний Боярской Думы можно найти в официальных русских источниках. На заседании 2 марта 1683 г. «Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья Росии Самодержец и Сестра Их Государыня Благородная Царевна и Великая Княжна Софья Алексеевна, слушав тех статей в комнате, указали и Бояре приговорили» [8] начать сыск беглых крестьян. Необходимо обратить внимание на то, что титулы Петра, Ивана и Софьи носят разный характер. Также, как и в случае с Е. Глинской, носителями суверенитета были Пётр и Иван, но никак не Софья.

В грамотах, которые высылались европейским правителям, о Софье не упоминалось, однако, иностранцы, посещавшие Россию в данный период, понимали, в чьих руках сосредотачивалась власть. Например, Георг Адам Шлейссингер отмечает, несмотря на то что Иван и Пётр занимали трон, фактически решение принимала Софья и бояре. О царевне он говорил: «то, что она одарена высоким княжеским разумением, ясно, как день, и многим известно» [11].

Таким образом, восстание 1682 г. не предоставило царевне формальных признаков власти. Кроме того, представители царского дворца в большем случае являлись сторонниками Петра, но Софье удалось найти на кого опереться в годы своего регентства, на В.В. Голицына и Ф.Л. Шакловитого. Также царевна надеялась заручиться поддержкой со стороны главы Русской Православной церкви, однако, этого не удалось. Враждебное отношение патриарха Иоакима к ней объясняется его консервативными убеждениями, что они поощряли «латинскую ересь», разрешая католикам посещать Русское государство. Софья нашла отклик в многочисленных стрельцких кругах и среди последователей никоианцев, которые поддерживали борьбу правительства со старообрядцами.

Известно, что Софья пыталась узаконить свой статус правительницы и включала своё имя в царский титул. Кроме того, её профиль уже к концу её регентства начали чеканить на монетах, и она старалась как можно чаще появляться перед народом и на официальных торжествах. До нашего времени сохранились гравюры, на которых Софья была изображена с короной на голове.

Доказано, что и сторонники Софьи Алексеевны искали возможность венчания её на царство. Когда в 1689 г. расследовалось дело Шакловитого, было обнаружено, что в августе 1687 г. была предпринята попытка убедить стрельцов подать властям челобитную. Шакловитый говорил, что Софья отправила его в Коломенское и просила его разведать, какова может быть реакция стрельцов, если «она государыня изволит венчатца царским венцом». Видимо, в конечном счете Софья «учинить того не изволила», опасаясь «гнева» своих братьев [10, с. 281].

Однако, легитимность Софьи напрямую зависела от возраста Петра I. Чем старше он становился, тем больше в представлении народа формировалась мысль о том, что на престоле должен находиться законный царь без какого-либо представителя в связи с его совершеннолетием.

Таким образом, можно подвести итог, что легитимность правления как Елены Глинской, так и Софьи Романовой напрямую зависело от признания их российском обществом, т. е. от одобрения знатных и незнатных династий их в качестве лица, заменяющего монарха по случаю его малолетства. Кроме того, немало важный факт в легитимности правления данных регентш зависело и от их взаимоотношений с монархами: Елену и Софью с монархами связывало кровное родство. Данные факты подтверждают легитимность правлений Глинской и Романовой.

Литература

1. Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7. С. 3–8.
2. Богданов А.П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М.: ВЕЧЕ, 2008.
3. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики: моногр. М.: Наука, 1970.
4. Корзинин А.Л. Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533–1538 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 19–29.
5. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40 годов XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
6. Медведев С. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/polk-15/3.htm> (дата обращения: 15.01.2022).
7. Наказные речи (в списке) Князя Андрея Иоанновича Старицкого, на имя малолетнего Великого Князя ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА и матери его Правительницы Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ: не понуждению его ехать в Москву и об успокоении сердечного его прискорбия Государскою милостью // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. С. 37–38.
8. О посылке сыщиков для отыскивания беглых // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 15.01.2022).
9. Примова Э.Н. К вопросу о легитимности власти // Власть. 2013. № 8. С. 112–116.
10. Хьюз Л. Царевна Софья / пер. с англ. и науч. редактирование: к. и. н. С.В. Лобачёв; рецензенты: д.и.н., проф. С.А. Козлов, д.и.н., с.н.с. А.П. Павлов. СПб.: Гранд, 2001.
11. Шлейссингер Г.А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. [пер. по рукописи с нем.] // Вопросы истории. 1970. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevlit.ru/texts/sh/shleisinger1.php> (дата обращения: 17.01.2022).

VALERIYA SELIVANOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**LEGITIMACY OF RULING OF WOMEN-REGENTS: E. GLINSKAYA
AND S. ROMANOVA**

The article deals with the variations of the definitions of the term “legitimacy of public authorities” in the modern science and the significance of the legitimacy in the definite historic periods of the humanity. There is analyzed the activity of the regents – Elena Glinskaya and Sofya Romanova – with the aim of the definition of the legitimacy of their authority.

Key words: History of Russia, regency, the XVIIth century, women-rulers, Sofya Alekseevna, Eternal Peace, Treaty of Nerchinsk, Crimean Campaigns, the Slavo-Greek-Latin Academy, Peter the Great, pre-Peter Russia, Old Belief.

УДК 94(47+571)

А.А. СЕРЁЖНИКОВ
(rdawon2012@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТЕЙ С.К. МИНИНА И Я.З. ЕРМАНА В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Осмысляются личности лидеров царицынских большевиков, с именами которых связано установление советской власти в Царицыне, в советском искусстве и культурном наследии Волгоградской области. Впервые в научный оборот вводятся изобразительные и мемориальные источники.

Ключевые слова: Я.З. Ерман, С.К. Минин, Царицын, Великая Российская революция 1917 г., гражданская война, памятник, портрет, соцреализм.

Лидерам царицынских большевиков Якову Зельмановичу Ерману и Сергею Константиновичу Минину историки уделили более чем скромное внимание. Их жизнь и деятельность уложились в скупые строчки энциклопедий, биографических справочников и краткие упоминания на страницах историко-краеведческих изданий как советского, так и современного периода об их вкладе в установление советской власти в Царицыне и Гражданскую войну на юге России. Однако в первые годы советской власти о них говорили, писали, увековечивали их образы в искусстве.

В 1925 г. в Комсомольском саду, вместо временного обелиска на могиле Я. Ермана и защитников Красного Царицына был установлен памятник по проекту местного художника Н.Н. Любимова [3]. Открытие памятника состоялось 7 ноября 1925 г., событие было приурочено к 8-й годовщине Октябрьской революции.

Не будучи скульптором, Н.Н. Любимов выполнил мемориал в виде груды булыжников – символа оружия пролетариата, сцементированных между собой, воплотив идею сплоченности пролетариата в борьбе за свои права. На одной стороне этого памятника было высечено – «Борцам за рабочее дело, погибшим от рук белогвардейцев 1918–1919 гг., от пролетариата Царицына». На другой стороне – «Яков Ерман» [3]. Памятник на могиле Ермана пережил Сталинградскую битву, став одним из четырех сохранившихся довоенных монументов Сталинграда-Волгограда.

Памятник в Комсомольском саду является надгробием на братской могиле, общее число захороненных в которой неизвестно. В той же могиле похоронены командующий резервами Северо-Кавказского Военного Округа И.В. Тулак, командующий артиллерийской бригады Донецко-Морозовской дивизии И.Н. Зеленин, рабочий, секретарь партийной ячейки мельницы К.М. Грудинин, восемь курсантов пехотной школы, пять курсантов пулеметных курсов – участники подавления кулацкого восстания в Михайловке, красноармейцы, погибшие при защите Царицына в 1918–1920 гг.

Бюст С.К. Минина, не упомянутого в документах скульптора, когда-то был частью музейной экспозиции Сталинградского краеведческого музея, но 5 ноября 1937 г. он был разбит, став одним из тех вещей (книг, фотографий, картин), которые Сталинградское краевое управление по делам литературы и издательств признало «контрреволюционным хламом» [6]. Имя С.К. Минина, как и он сам, попало под репрессии 1930-х.

С именем Я.З. Ермана и С.К. Минина связано также установление ряда мемориальных досок. Как правило, такие доски устанавливаются на зданиях, в которых проживала или работала знаменитая личность или в которых (возле которых) произошло важное событие. На мемориальной доске в редких случаях изображён профиль, бюст, барельеф или горельеф человека и пояснительная надпись.

Мемориальная доска с именем Я.З. Ермана расположена в Кировском районе г. Волгограда на здании заводского управления Волгоградской мебельной фабрики имени Я.З. Ермана. В прошлом, фабрика была Волгоградским мебельно-деревоперерабатывающим комбинатом, который являлся одним

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

из крупнейших на Нижней Волге. Мемориальная доска была открыта в ноябре 1967 года. Надпись на ней гласит: «Здесь в 1917–1918 гг. неоднократно выступал перед рабочими один из руководителей борьбы за Советскую власть в Царицыне Яков Ерман» [10].

Мемориальная доска с именем С.К. Минина расположена в г. Дубовка Волгоградской области. Она находится на фасаде дома, в котором родился и воспитывался С.К. Минин. Надпись на доске гласит: «В этом доме жил Сергей Константинович Минин, профессиональный революционер, один из руководителей борьбы за установление Советской власти в Царицыне 1917–1918 гг.» [8].

Память о них увековечена в названиях географических объектов, промышленных предприятий, учреждений культуры, хотя большинство из них уже переименованы или закрыты. Смена политических приоритетов дегероизировала многие имена, в том числе и лидеров царицынских большевиков.

Еще в 1930-е гг. были переименованы районы Сталинграда, когда-то носившие их имена. В 1925 г. посёлок Ельшанка г. Сталинграда был переименован в посёлок Минина, который в последствии стал ядром существовавшего с 1930 по 1933 г. Мининского района Сталинграда – юга современного Ворошиловского района Волгограда. В апреле 1935 г. в честь Якова Ермана был назван район (позже стал Сталинским, сейчас – Центральный район г. Волгограда).

Не стало рейдового баркаса «Яков Ерман» [4] (капитан А.А. Дегтярев), который был на переправах в районе Сталинграда в дни Сталинградской битвы [2], ДК им. Ермана мебельной фабрики, а в наши дни закрыта и сама мебельная фабрика им. Ермана.

Сохранились улица имени С.К. Минина в г. Дубовка Волгоградской области, железнодорожная платформа имени Я.З. Ермана в Кировском районе.

В позднесоветской скульптуре к образам лидеров царицынских большевиков обращались прославленные волгоградские скульпторы Алексей Евдокимович Криволапов, Петр Лукич Малков, Виктор Григорьевич Фетисов.

Бюст работы Фетисова установлен в 1957 г., в год 40-летия Октября, в Центральном парке Победы г. Николаевска, где Я.З. Ерман погиб. Он изготовлен способом бетонного литья и тонирован под металл. На мраморной белой плите памятника короткая надпись: «Яков Ерман – первый председатель Царицынского исполкома». Суровое молодое лицо. Я.З. Ерман одет в солдатскую гимнастерку с косым воротом, ставшую для его образа хрестоматийной. Немногочисленные сохранившиеся фотографии Я.З. Ермана именно в ней запечатлели его в царицынской период. Это отражало его реальный социальный статус – солдата запасного батальона, но в художественном плане превращало его образ в солдата революции. Поверх гимнастерки мы видим ворот не менее знаменитой кожанки – одного из символов новой пролетарской культуры, иконы модного стиля своего времени, подчеркивающей военный характер облика.

В 1967 г. к 50-летию советской власти портрет Я.З. Ермана был создан П.Л. Малковым, для которого скульптурные портреты были одним из ведущих направлений его творчества. Скульптор создал своего героя крупным планом, как бы приближая его к зрителю. Все внимание сосредоточено на лице портретируемого. Чеканные формы, холодный цвет тонированного алюминия создают чистый, благородный, мужественный образ первого председателя Царицынского губкома, убитого в 1918 г. Этот портрет был приобретен с выставки «Советская Россия» Министерством культуры.

А.Е. Криволапов в жанре станкового искусства создал в 1983 году портрет Якова Ермана из мрамора, о ней упоминается в списке его основных станковых работ [7].

В течении нескольких лет А.Е. Криволапов работал над проектом памятника Я.З. Ерману по программе «Юбилей» к 400-летию города. Об этом упоминается в копии заявлении в арбитражный суд, которое хранится в личном архиве семьи скульптора. Однако изменилось время, а вместе с ним и отношение к революционной деятельности Ермана. О художественных достоинствах модели памятника уже никто не хотел слышать или говорить. Криволапов работал над ним несколько лет. Один из промежуточных вариантов скульптуры обнаружен на фотографии 1985 г. [5]. А последний, который хранится в мастерской мастера, в каталоге работ датирован 1990 г. [7].

События революции и Гражданской войны для многих советских скульпторов были связаны с каким-то особым ореолом чистоты, правды, веры и верности высоким идеалам общественного служения. Это подтверждают и другие работы Криволапова, навеянные революционной романтикой, например, проект памятника первым комсомольцам Царицына (1988 г.): сложный по фигурной композиции, движению, многозначности образов, отсылающих нас и к русской иконографической традиции, картинам К.С. Петрова-Водкина и М.Б. Грекова.

В те же годы завод им. Ермана заказал А.Е. Криволапову бюст царицынского большевика. От этого проекта остался лишь карандашный набросок в личном архиве семьи скульптора, по которому сложно судить о задуманном. Модель памятника была утрачена.

Живописную коллекцию лидеров царицынских большевиков открывает работа Николая Александровича Сыроева «Городская партийная конференция в Царицыне 7 июня 1918 г.», хранящаяся в музее-панораме «Сталинградская битва». Она не имеет даты, но, возможно, написана после 1956 г., т. к. содержит одну историческую неточность. 6 июня в город приехал И.В. Сталин, и он не мог не присутствовать в президиуме этой конференции, наряду с изображенными на полотне Г.К. Орджоникидзе и Я.З. Ерманом. Конференция приняла решение о необходимости мобилизации всех сил на борьбу с белогвардейцами и усилении партийного влияния во всех сферах жизни города [1].

На этой картине Я.З. Ерман как будто сошел со своей фотографии, которая была сделана царицынским фотографом И.А. Эрдманом, датируемой 1918 г. и считающейся его последним фото. Отрешенный взгляд человека, глубоко погруженного в свои размышления, сложенные перед собой руки. Он не слышит выступающего. Его фигура выбивается из общего контекста картины, или, может, он предвидит свою близкую смерть, которая последует через месяц с небольшим.

В коллекции Волгоградского музея изобразительных искусств имени И.И. Машкова хранятся портреты Я.З. Ермана и С.К. Минина, выполненные волгоградским художником Б.К. Сивецом в 1982 г. в стиле цветной линогравюры. На одном портрете Я. Ерман изображен крупным планом, опершись на стол в трехчетвертном повороте вправо, одетый в наглухо застегнутую гимнастерку, поверх которой наброшена шинель. Руки сложены на груди. Справа на стене висит телефон, на столе стоит стакан с чаем, слева – круглая чернильница. Слева вверху видны отсветы алого знамени. Он за работой, сосредоточен, размышляет о принятии какого-то важного решения.

Второй портрет является почти калькой с известной фотографии Минина из Волгоградского мемориально-исторического музея, и в тоже время таким же собирательным образом. На портрете С.К. Минин изображен на фоне шкафа с книгами красного цвета, сидящим в деревянном, резном кресле. Одет он в костюм с жилетом, белую рубашку с галстуком. Правой рукой он опирается на подлокотник кресла, в левой держит газету «Борьба», чьим первым редактором он был.

В 1977 г. были выпущены почтовые карточки с изображением на оборотной стороне Я.З. Ермана и С.К. Минина. Они были представлены на Волгоградской филателистической выставке «Славим тебя, Октябрь», посвященной 60-летию Великой Октябрьской революции. Слева на карточке на фоне красного знамени изображен погрудный портрет Ермана Якова Зельмановича. Под портретом надпись: «Я.З. Ерман 1896–1918. Первый председатель исполкома Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов». На второй карточке на фоне красного знамени изображен погрудный портрет С.К. Минина в будёновке. Под портретом надпись: «С.К. Минин 1882–1962. Председатель Царицынского комитета РСДРП (б). Первый председатель президиума Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов». Являясь одним из массовых средств распространения агитации, они предназначались для закрепления в общественном сознании образов руководителей царицынских большевиков.

В итоге можно сказать, что образы Ермана и Минина, созданные в разных видах изобразительного искусства, творцами разных советских поколений, отраженные в памятниках, памятных досках на исторических объектах, связанных с их жизнью и деятельностью, отличает одна общая черта – героизация и мифологизация их личностей, свойственная для искусства соцреализма, что отвечало духу времени, эпохе, ее традициям и ценностям.

Литература

1. Волгоград: хроника истории. 1589–1989. Волгоград: Нижневолжское книжное издательство, 1988.
2. Гоманенко О.А. Волжская водная коммуникация в дни Сталинградского сражения // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1(41). С. 21–29.
3. Ермаков А.Д. Памятники Волгограда. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982.
4. Значок «Отличник социалистического соревнования Наркомречфлота» № 2896 Дегтярёва Александра Андреевича, капитана баркаса «Яков Ерман» // Госкаталог Музейного фонда РФ № 7618558.
5. Мастерская А.Е. Криволапова // Волгоград. Фотоальбом. М.: Советская Россия. 1985. С. 17.
6. Материкин А.В., Комиссарова Е.В. Волгоградский областной краеведческий музей: 90 лет служения Отечеству. 1914–2004. Очерки истории. Волгоград: Изд-во «Панорама», 2005.
7. Скульптор Алексей Криволапов. Каталог / сост. Л.А. Михайловская. Волгоград: [Б. и.], 2008.
8. Сухова Н.Н. Путеводитель по купеческой Дубовке и окрестностям // Царицынское генеалогическое общество. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/dubovka/putevod.htm> (дата обращения: 11.01.2022).
9. Юдин В.Н. Яков Ерман. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1958.
10. Филонич Е.Г. Кировский район Сталинграда – Волгограда: прошлое и настоящее. Волгоград.: Волгоградское научное изд-во, 2014.

ALEKSANDR SEREZHNIKOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

COMPREHENSION OF THE PERSONALITIES OF S.K. MININ AND YA.Z. ERMAN IN THE SOVIET ARTS AND CULTURAL HERITAGE OF THE VOLGOGRAD REGION

The article deals with the comprehension of the personality of the leaders of the Tsaritsyn Bolsheviks, whose names are associated with the establishment of the Soviet regime in Tsaritsyn, in the Soviet Arts and cultural heritage of the Volgograd region. There are firstly introduced the figurative and memorial sources into the scientific discourse.

Key words: *Yu.Z. Erman, S.K. Minin, Tsaritsyn, the Great Russian Revolution of 1917, the Civil War, memorial, portrait, socialist realism.*

УДК 93

М.М. ТИХОМИРОВА
(malige.2000@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Раскрываются основные вопросы историографии движения учащейся молодежи в Первую русскую революцию (1905–1907 гг.). Выделяются этапы историографии, аспекты студенческого движения в 1905–1907 гг. и проблемы, затрагиваемые исследователями в разные периоды изучения данной темы.

Ключевые слова: Первая русская революция, учащаяся молодежь, студенчество, семинаристы, правомонархическое движение, революционное движение, историография.

Молодежь всегда являлась важной составляющей частью общества, определяющей характер его развития и воплощающей в своей деятельности возможности раскрытия социально-культурного, социально-экономического, политического потенциала государства. Именно молодежь всегда живо откликалась на всевозможные инновации и идеи, что активно использовалось различными политическими силами в своих целях, и это особенно хорошо заметно на примере ее действий в Первую русскую революцию. Историография движения учащейся молодежи в Первой русской революции достаточно обширна.

До революции 1917 г. вопрос участия молодых людей, преимущественно студентов, в Первой русской революции ставился неоднозначно. Одни авторы, настроенные либерально, отмечали важность академических требований и отрицали наличие политических причин движения, связи студентов с рабочими. Представители так называемой «мелкобуржуазной историографии», напротив, во главу угла ставили общественно-политическую борьбу учащейся молодежи, отмечали идеализацию террористов из студенческой среды, важную роль студенчества в революционной борьбе. Особой точки зрения придерживался В.И. Ленин, утверждая: студент был поддержкой рабочему в 1890-е гг., а в начале XX в. уже поддержка рабочего укрепляла студенческое движение, и таким образом студенчество было «естественным союзником» рабочего класса. Несмотря на то, что данная концепция утвердилась в советской историографии не сразу, пройдя ряд этапов, в конце концов она стала на твердую почву [5, с. 124].

Можно выделить несколько этапов утверждения ленинской концепции роли студенчества в революционном движении. Первый этап – октябрь 1917 г. – середина 1930-х гг. В это время происходит становление советской историографии в целом: идет сбор документов, записываются воспоминания деятелей студенческого движения, выявляются источники – судебно-следственные материалы, нелегальная печать, пресса, вещественные источники, мемуары, личная переписка и т. д. [17, с. 42]. Можно назвать три особенности данного периода: относительная узость источниковой базы; появление статей, авторы которых участвовали в описанных событиях, а следовательно – довольно субъективное изложение событий; борьба концепций вплоть до крайностей – преувеличения роли студенчества в отдельных работах [5, с. 125]. В 1930-е гг. появляются первые обобщающие работы по истории студенческого движения, например, монография В.И. Орлова [18]. Расширяется источниковая база и проблематика, устанавливается ленинский взгляд на студенчество в Первой русской революции. Однако возникают диаметрально противоположные взгляды, приуменьшающие значение студенческого движения (тезис П.Н. Лепешинского о том, что «студенчество в начале XX в. было мелкобуржуазным попутчиком, а не союзником пролетариата») [цит. по: 5, с. 126]. Данная точка зрения получает распространение позже. Во второй половине 1930-х – 1950-х гг. студенческое движение определялось как оппозиционное, а не революционное, следовательно, авторы вновь пришли к выводу, что студенчество стояло на либеральных позициях, выступая не столько за революционные ценности, сколько

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

за свои собственные, и эта борьба проявлялась в стихийных вспышках [5, с. 127]. Третий этап характеризуется исследователями переоценкой студенческого движения, выделением в нем отдельных течений. Появляются обобщающие монографии, коллективные труды, в которых описана история студенческого движения, его предпосылки и ход. Авторы, основываясь на концепции В.И. Ленина, пришли к выводу, что революционно-демократические студенты играли немаловажную роль – благодаря руководству большевиков, они придали политический характер своему движению, несмотря на наличие либерально-настроенных «академистов», как назовут позже студентов, не включивших в свои требования пунктов, касавшихся политики [Там же, с. 128–130]. Ленинская точка зрения о значении революционного студенчества в Первой русской революции господствовала в историографии до 1990-х гг., после чего произошел новый пересмотр позиций историков. Вновь пополнилась источниковая база, расширилась проблематика. В круг вопросов включили не только социалистические, либеральные, но и монархические воззрения учащейся молодежи. Если прежде главной силой, инициатором движения учащейся молодежи исследователи называли студенчество, то теперь рассматривается не только оно, но и в целом, а также отдельно затрагиваются вопросы участия как студентов, так и семинаристов, гимназистов и гимназисток, епархиалок и др.

Особо выделяется историография приверженцев правомонархических взглядов, т. н. «черносотенного» движения учащейся молодежи в Первую русскую революцию. Она тоже прошла ряд этапов в своем развитии: первый – с начала 1900-х по 1920-е гг., второй – с 1930-х по 1960-е гг., третий – с середины 1960-х по 1980-е гг., четвертый – с 1990-х гг. и до наших дней. В литературе либеральной направленности утвердилась идея отождествления черносотенного движения с фашизмом. При этом интерес исследователей к русскому консерватизму и традиционализму только растет [2, с. 3]. Дореволюционная историография не отличалась глубокими исследованиями вопроса и являла собой публицистику: представители правящей политической элиты восхищались черносотенцами и оправдывали их деятельность, революционно-демократически настроенные авторы заняли прямо противоположную позицию [11, с. 397]. Историографию дореволюционного периода можно охарактеризовать как критическую, но имеющую своим предметом социально-политическую ситуацию в стране, а черносотенство рассматривалось лишь в контексте ситуации [10, с. 131]. До революции по большей части публиковались черносотенные лидеры и теоретики. Их работы имели своей целью популяризацию идей и организаций [2, с. 3]. Основоположником историографии в деле изучения идеологии и политики черносотенного движения можно вновь назвать В.И. Ленина («Опыт классификации русских политических партий», «Политические партии в России», «О черносотенстве») [12, с. 36]. Из-за установленного В.И. Лениным взгляда на черносотенное движение как на «партию помещиков», историками долгое время игнорировался его социальный состав [Там же, с. 43–44], наличие в рядах правомонархистов студентов. Существовала и другая точка зрения, которую, впрочем, социал-демократы поддерживали тоже – черносотенцы были реакционным антисемитским движением маргиналов, по мнению либералов [2, с. 3–4]. Свой вклад в историографию движения внес Л. Мартов [13, с. 37–41]. Далее, в 1920–1930-х гг. изучение черносотенства базировалось на марксистско-ленинской методологии [11, с. 397–399]. Работы исследователей содержали жесткую критику движения и нередко – ряд неточностей и даже умышленных искажений [2, с. 4]. После длительного перерыва, с середины 1960-х гг. начинается третий период историографии черносотенного движения. В монографиях А.Я. Авреха, В.С. Дякина, С.А. Степанова предпринимались попытки анализа формирования объединений, их социальной базы, программы, направлений деятельности, а также отношений с другими политическими партиями [1, 8, 22]. Вводятся в оборот новые источники: материалы архивов, мемуары, пресса. Научная новизна трудов В.В. Комина и Л.М. Спирина получила дальнейшее развитие в исторических публикациях 1980-х гг. Появились коллективные работы [11, с. 3–4]. Кроме исследований внутри страны, появляются работы эмигрантов (И.А. Ильин, И.Л. Солоневич) [15, 21]. В 1940-е–1950-е гг. черносотенное движение ассоциируют с фашизмом, а с конца 1950-х гг. исследования правомонархи-

ческого движения прекращаются. Однако уже в следующем десятилетии данная тема снова выходит на свет, а за черносотенцами закрепляется новый термин – «революционеры справа» [2, с. 5].

С 1990-х гг. открывается доступ к новым источникам, с отказом от идеологии расширяется проблематика движения правомонархистов – они перестают восприниматься исключительно с одного ракурса [11, с. 3–4]. Отдельные аспекты деятельности правомонархических партий рассматриваются в работах Ю.В. Белянкиной, Д.Д. Богоявленского, А.В. Давиденко, Ф.И. Долгих, А.В. Елисеева, А.А. Иванова, К.Л. Медолазова, Р.Б. Ромова, О.Н. Савицкой, О.А. Тарасова, И.Е. Фомина [3, 4, 6, 7, 9, 14, 16, 19, 20, 23, 24]. Тематика большинства научных статей об истории черносотенных союзов и организаций имеет «сквозной» характер – в них содержится анализ отдельных аспектов их деятельности как в масштабах всей России, так и в отдельных регионах [11, с. 3–4]. К началу XXI в. подход к проблеме черносотенства становится более объективен [2, с. 5–6].

Отметим также, что проблемой черносотенного движения занимались и зарубежные исследователи [Там же, с. 5–7].

В целом можно выделить несколько периодов в истории изучения участия учащейся молодежи в Первой русской революции: первый период (первая треть XX в.) – становление историографии, борьба различных идеологических позиций между собой, постепенное установление ленинской концепции; второй (1960–1980-е гг.) – развитие концепции, привлечение новых источников; третий период (1990-е гг. – настоящее время) – отказ от ленинской концепции, объективизация знаний, расширение круга источников и проблематики исследований. При этом нужно отметить, что до современного этапа работ, посвященных учащейся молодежи, придерживавшейся правомонархических позиций, выявлено не было.

Наше исследование позволяет заметить, что тема движения учащейся молодежи в революционных событиях начала XX в. продолжает оставаться дискуссионной: одни авторы рассматривают учащуюся молодежь лишь как «попутчиков» пролетариата, двигавшего революцию, другие считают, что она была, наоборот, в авангарде революции. Не в достаточной степени изучен вопрос наличия сторонников монархизма в ученической среде. К тому же, многие исследования затрагивают только волнения студенчества или семинаристов, в то время как понятие «учащаяся молодежь» включает в себя также воспитанников гимназий, училищ и пр.

Литература

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения / отв. ред. А.М. Анфимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989.
2. Антропов О.К., Лещевников Н.Л. Некоторые аспекты историографии черносотенного движения в России в 1905–1917 гг. // Астраханские Петровские чтения: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 19 дек. 2019 г.). Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2020. С. 3–8.
3. Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века: 1905–1914 гг.: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Кострома, 2005.
4. Богоявленский Д.Д., Н.Е. Марков и Совет министров: Союз Русского Народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. Воронеж, 2001.
5. Георгиева Н.Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 124–131.
6. Давиденко А.В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России: 1900–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2001.
7. Долгих Ф.И. Правые в III и IV Государственных Думах России: 1907–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004.
8. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967.
9. Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997.
10. Ивакин Г.А. Дореволюционная историография черносотенного движения в России // Социум и власть. 2014. № 3(47). С. 128–134.
11. Ивакин Г.А. Историография черносотенного движения: этапы становления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 3–4. С. 397–408.
12. Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг.: моногр. М.: Междунар. издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2014.
13. Ивакин Г.А. Черносотенное движение в трудах Л. Мартова: историографический анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 37–41.

14. Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
15. Ильин И.А. Собрание сочинений. [Доп. Т. 6]: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; имен. указ. О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2001.
16. Медолазов К.Л. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения, 1901–1913 гг.: дисс. ... канд. историч. наук. Орел, 1999.
17. На баррикадах: Воспоминания участников революции 1905–1907 гг. в Петербурге / сост. Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак. Л.: Лениздат, 1984.
18. Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во политкаторжан, 1934.
19. Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе: 1907–1912: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 2003.
20. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг.: По материалам Саратовской губернии: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Волгоград, 2001.
21. Солоневич И.Л. Белая империя; Статьи 1936–1940 гг. М.: Изд-во журн. «Москва», 1997.
22. Степанов С.А. Черная сотня в России, 1905–1914 гг.: дисс. ... д-ра историч. наук. М.: Росвузнаука, 1992.
23. Тарасов О.А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы первой мировой войны: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 1997.
24. Фомин И.Е. Тактика монархических организаций Центральной России по защите самодержавной политики царизма (1900–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 1994.

MAIYA TIHOMIROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

STUDENTS IN THE REVOLUTION OF 1905–1907: THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

The article deals with the fundamental questions of the historiography of the students' movement in the First Russian Revolution (1905–1907). There are revealed the stages of the historiography, the aspects of the students' movement in 1905–1907 and the questions, discussed by the researches in the different periods of studying this theme.

Key words: the First Russian Revolution, students, studentship, seminary students, right monarchical movement, revolutionary movement, historiography.

УДК 9.908

М.М. ТИХОМИРОВА
(malige.2000@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОВОЛЖСКИЕ НЕМЦЫ В ПОИСКАХ ДРЕВНОСТЕЙ (1920-Е ГГ.)*

Прослеживается краеведческая деятельность поволжских немцев в 1920-х гг. – П.Д. Рау и А.П. Дульзона, начинавших свой исследовательский путь в рядах любителей и организаторов музейного кружка.

Ключевые слова: *Республика немцев Поволжья, поволжские немцы, П.Д. Рау, А.П. Дульзон, краеведение, археология.*

Нижнее Поволжье – многонациональный и обладающий богатой историей край. На его территории проживали со второй половины XVIII в. немцы, они развивали ремесла, занимались науками. В 1920-е гг. появилось уже государственное образование этого народа – Автономная область, а затем и Республика немцев Поволжья. Среди поволжских немцев находились талантливые исследователи и просто заинтересованные, занимавшиеся историей люди. С 1920-х гг. в Республике активно продвигается грамотность и образование, в связи с чем развивается краеведение, открываются музеи.

Среди памятников археологии, расположенных на территории Республики немцев Поволжья, большую категорию составляли курганы. Для местного населения они всегда были привычным элементом окружающего их ландшафта. Известны факты вскрытия курганов крестьянами – намеренно или случайно. Следовательно, и интерес к находкам из курганов, безусловно, возникал. Предпринимались попытки выяснить откуда они взялись, что внутри них находится и означает. И у некоторых людей этот интерес перерастал из обывательского, прагматичного в исследовательский.

Среди таких заинтересованных персон можно выделить организаторов «Общества изучения местных древностей», созданного в 1920 г. в с. Ровное (Зельман, Seelmann) – это П.Д. Рау, А.П. Дульзон, И. Пауль [4, с. 5]. Все они были работниками сферы образования, проявившими интерес к краеведению и направившими свои силы на его развитие через деятельность музейного кружка. Большую роль в этом сыграло знакомство с А.А. Кротковым, одним из авторитетных деятелей Саратовской Ученой Архивной Комиссии, приехавшим в уезд на раскопки разрушенных курганов. Благодаря его влиянию местные любители истории смогли конкретизировать профиль своего кружка. Одной из ключевых задач его деятельности стало создание и пополнение экспозиции Ровненского музея древностями, полученными в результате археологических раскопок. А.А. Кротков помогал кружковцам как в полевой работе, ведении дневника, составлении отчета, так и в создании экспозиции Ровненского музея. Их силами были осуществлены раскопки двенадцати курганов у сел Фриденберг, Ровное, Скатовка, хутора Шульц, Блюменфельд, Штрассбург, а также обследование стоянки с микролитическими орудиями у с. Кочетное. Курганы дали около двух десятков разновременных захоронений от эпохи поздней бронзы до периода Золотой Орды. По итогам исследований П.Д. Рау подготовил свой первый археологический отчет. Постепенно деятельность кружка была замечена и принята благосклонно: заведующий отделом народного образования Зельманского уезда И. Шваб оказал поддержку Обществу – как только была оформлена коллекция, выделили помещение для экспонатов [8, с. 9].

Общество просуществовало недолго [Там же, с. 10], но оставило заметный след. Оно способствовало развитию интереса к краеведению, к древней истории в целом. Впоследствии материалы этих археологических раскопок, находившиеся в Ровненском музее, были перевезены в г. Покровск (ныне Энгельс), в Центральный музей Республики немцев Поволжья, и стали частью его археологической коллекции [Там же, с. 14]. Двое из создателей «Общества изучения местных древностей» впоследствии стали именитыми учеными.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

П.Д. Рау, оставив учительскую деятельность, поступил в Саратовский государственный университет на гуманитарное отделение германской секции педагогического факультета [6, с. 211] и начал посещать семинар проф. Рыкова [2, с. 213]. Будучи студентом, он принял участие в ряде раскопок, вместе с аспиранткой Т. Минаевой проводил разведки по р. Торгун [7]. Весной 1925 г. по рекомендации П.С. Рыкова он получил Открытый лист для проведения собственных раскопок [5, с. 10]. П.Д. Рау провёл исследования курганных могильников по течением рек Республики Еруслан, Торгун и др. [1, с. 15]. Центральное место в сфере его научных интересов постепенно заняла эпоха бронзы. П.Д. Рау выделил и охарактеризовал новые материалы, объединив их в самостоятельную полтавкинскую ступень (впоследствии выделенную исследователями в самостоятельную археологическую культуру) [9, с. 162]. Изучая материалы раннежелезного века, он разработал собственную периодизацию сарматских древностей.

Его исследования высоко были оценены и на родине, и за рубежом: он стал заместителем директора, а позднее и директором Центрального музея Немреспублики, а Немецкий археологический институт принял П.Д. Рау в ряды своих член-корреспондентов [4, с. 6].

Другой организатор Общества – А.П. Дульзон, продолжая преподавать, стал известен, прежде всего, своими лингвистическими и этнографическими изысканиями. Он занимался изучением говоров и диалектов поволжских немцев и других народов, проживавших на территории Немреспублики [10, с. 38]. Несмотря на успехи в преподавательской и воспитательной деятельности [3], создание и активную пропаганду лабораторного метода занятий, А.П. Дульзон выбрал науку – диалектологию и этнографию.

В конце 1920-х – 1930-е гг. началось свертывание краеведческой деятельности, подчинение науки идеологии и диктату партии. Развернувшиеся в научной области репрессии коснулись и П.Д. Рау, и А.П. Дульзона. Ученых обвиняли в контрреволюционной деятельности, буржуазных оценках истории. Археолог П.Д. Рау покончил с собой в 1930 г., а лингвист А.П. Дульзон был выслан. Однако и будучи депортированным, А.П. Дульзон не прекратил заниматься научной деятельностью. Он изучал говоры новой местности, писал научные работы, даже несмотря на невозможность публикаций (многие его наработки сохранились в виде рукописей до реабилитации ученого). В 1944–1946 гг. А.П. Дульзон был участником первой историко-археологической экспедиции в Сибирь, положившей начало научному изучению прошлого Сибири. Под его руководством было проведено свыше восьмидесяти лингвистико-этнографических и археологических экспедиций по Сибирскому региону [3, с. 746].

Путь П.Д. Рау и А.П. Дульзона от заинтересованных молодых людей к серьезным ученым не только поучителен, но и может послужить примером для школьников. Показательно, как любознательность человека развивается и, следуя своим интересам, он находит свое призвание, познает мир и, в частности, историю родного края.

Литература

1. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013.
2. Дремов И.И., Лескова Л.Г., Семенова И.В. [и др.]. Фамилия Рау: жизнь и судьба ее представителей // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2017. № 3. С. 210–226.
3. Ерина Е. Дульзон // Немцы России: энциклопедия: Т. 1: А–И. Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) [и др.]. М.: ЭРН, 1999. С. 745–746.
4. Максимов Е.К. Из жизни и деятельности П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). (Саратов, 12–17 мая 1997 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ун-та, 1997. С. 5–8.
5. Малов Н.М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). (Саратов, 12–17 мая 1997 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ун-та, 1997. С. 8–13.
6. Малов Н. Рау // Немцы России: энциклопедия: Т. 3: П–Я / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) [и др.]. М.: ЭРН, 2006. С. 211–212.

7. Отчет об археологических разведках по р. Торгун в 1924 г. // Труды Нижневолжского общества краеведения. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1. С. 5–21.
8. Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М. Археолог из Покровска (к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). (Саратов, 12–17 мая 1997 г.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ун-та, 1997. Ч. 2. С. 5–30.
9. Сухорукова Е.П. Изучение эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья в трудах саратовских археологов первой половины XX века // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 160–163.
10. Юдина Т.В. Иоганн-Георгий Гейнрихович Дингес – российский ученый. М.: МСНК-пресс, 2012.

MAIYA TIHOMIROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE VOLGA GERMANS IN SEARCH OF ANCIENTRY (1920S)

The article deals with the regional studies of the Volga Germans in the 1920s – P.D. Rau and A.P. Dulson, starting their research way in the rows of the fans and organizers of the museum club.

Key words: the Republic of the Volga Germans, the Volga Germans, P.D. Rau, A.P. Dulson, regional studies, archeology.

УДК 93

А.С. ТОМОВ
(nice.tomov@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ГУЧКОВА В ПЕРИОД 1893–1915 ГГ.*

Рассматриваются направления общественной деятельности Александра Ивановича Гучкова. Сделан акцент по изучению его целей и принципов работы в государственных органах власти и коммерческих организациях.

Ключевые слова: общественная деятельность, должность, государственный служащий, правительство, депутат.

О личности Александра Ивановича Гучкова в российской истории начала XX в. известно следующее: он являлся депутатом Государственной думы Российской империи III и IV созывов, вместе с депутатом В.В. Шульгиным принял отречение от престола последнего российского императора Николая II, руководил военным и морским министерством с марта по май 1917 г. [10, с. 131].

Однако, в исторических исследованиях нередко умалчивают то, что за два десятилетия не только военной, но гражданской службы, он успел проработать в различных государственных и коммерческих структурах, сделав блестящую карьеру, от избрания членом Московской городской управы до назначения на пост военного министра при Временном правительстве. Какие бы должности не занимал А.И. Гучков, он старался реализовать свою главную цель – это служение интересам своей Родины, старался сделать все возможное, чтобы она постоянно развивалась и процветала.

Общественную деятельность А.И. Гучкова в III Государственной думе подробно освещали в своих работах отечественные историки и исследователи: А.С. Сенин «Александр Иванович Гучков» [8]; Л.А. Можаяева «Гучков Александр Иванович (1862–1936)» [2] и представители западной историографии такие историки, как: А. Рибер «Купцы и предприниматели в императорской России» [3]. Анализ представленных исследований показал, что в отечественной историографии А.И. Гучков предстает, как государственный деятель, заботившийся об улучшении внутреннего положения России и выступающий новатором в преобразовании социальной сферы государства, тогда как в зарубежной историографии в большей мере уделяется внимание личностным и профессиональным качествам А.И. Гучкова, которые влияют на занимаемые им должности, постепенно превращая его в харизматического и импульсивного лидера.

Данное исследование предусматривает рассмотрение основных направлений общественной деятельности А.И. Гучкова, уделяется внимание изучению преследуемых А.И. Гучковым целей при реализации его действий в отношении общественной сферы.

Начало общественной деятельности для А.И. Гучкова началось раньше, чем он получил свою первую должность. В 1891 г. во многих районах Российской империи отмечался неурожай и наступлением голода, узнав об этом, А.И. Гучков был вынужден прервать свое обучение в Европе и он вернулся на Родину, где сразу же вместе с известными литераторами И.Ф. Анненским и В.Г. Короленко развернул помощь для жителей, пострадавших от неурожая Нижегородской губернии [8, с. 69].

Таким образом, он продемонстрировал свое неравнодушное отношение к своим соотечественникам, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

С 1893 г. в общественной сфере Александра Ивановича Гучкова наступил новый этап его активной деятельности, связанный с его избранием в орган местного самоуправления, он стал членом Московской городской управы на четырехлетний срок. Заступив на новую должность, Александр Иванович сразу принялся за реализацию городских проектов. Результатом данных усилий стало окончание постройки мытищинского водопровода, а также прокладка первой линии канализации в горо-

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

де. За данные заслуги А.И. Гучков в 1894 г. был удостоен первой своей награды – это орден св. Анны III степени. Зарекомендовав себя как ответственный и исполнительный государственный служащий, уже в 1896–1897 гг. А.И. Гучков был повышен до старшего члена Московской управы, где он добросовестно исполнял обязанности товарища городского головы. За безупречную службу на этом посту в 1896 г. его награждают орденом св. Станислава II степени [2, с. 119].

Данные заслуги А.И. Гучкова перед государством свидетельствуют о его желании и стремлении к улучшению условий жизни в городе. С другой стороны, на своем примере он показал своим коллегам из управы на какие общественные проблемы города им следует уделять свое внимание.

После русско-японской войны 1904–1905 гг., в разгар которой А.И. Гучков являлся помощником главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии, он вернулся в Россию, где к тому моменту началась Русская революция [8, с. 70].

Главной его заботой во время революции было не только обсуждение и принятие политических решений о создании новой политической партии «Союз 17 октября», но и оказание помощи пострадавшим от революционного движения в стране. Конкретным шагом в этом направлении стало внесение денежных средств А.И. Гучковым в благотворительный отдел Московской городской управы в размере 650 рублей, внушительной по тем временам суммы. Помимо этого, Александр Иванович вместе с другими депутатами Московской думы во время заседания по поводу декабрьского вооруженного восстания 1905 г., внесли на рассмотрение важный вопрос о выплате жалования рабочим и служащим за время прокатившейся по стране рабочей забастовки. Итогом стало одобрения среди депутатов положения о выплате зарплаты всем рабочим и служащим во время декабрьской забастовки [Там же, с. 71].

События Первой Русской революции России 1905–1907 гг. являлись тем уроком для А.И. Гучкова, который понимал, чтобы не допустить ухудшения ситуации в стране, нужно предпринимать меры по стабилизации внутренней ситуации в государстве, путем проведения целого ряда социально-экономических реформ, ведь давно назревшие проблемы именно этой сферы стали одной из причин начала революционной ситуации в России.

Так, 17 октября 1907 г. во время проводимых парламентских выборов в России, Александр Иванович Гучков становится депутатом Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.) от партии октябристов [5, с. 135].

Став народным избранником, А.И. Гучков наметил себе задачи, которые подлежали быстрому и оперативному решению, среди них были обозначены следующие:

1. Законодательное оформление помощи лицам, пострадавшим в ходе Первой Русской революции.
2. Урегулирование статуса и деятельности старообрядческих общин.

Первая задача могла быть решена принятием законопроекта «О вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц» от 11 декабря 1907 г. [4, с. 27].

Данный законопроект указывал на категорию лиц и обществ, которые были вправе получить денежную компенсацию, также приводилась конкретная сумма, выделявшаяся правительством по реализации представленной цели. Лично А.И. Гучков считал этот законопроект действенным и выразил одобрение от лица партии октябристов по его принятию [9, с. 147].

А.И. Гучков пытался найти решения и второй задачи, прежде всего, определить статус и деятельность старообрядческих общин. Однако здесь депутат-октябрист столкнулся с трудностями, ведь проблема, связанная со старообрядческой общиной, вызвала дискуссии в Государственной думе и расколола партии и фракции внутри парламента на два противоборствующих лагеря – это лево-октябристское большинство, к которому принадлежал сам А.И. Гучков и правое меньшинство. Противоположные мнения у двух сторон вызвали три поправки законопроекта «О старообрядческих общинах» от 12 мая 1909 г. [1, с. 121].

Это свободное исповедание для старообрядцев, порядок образования старообрядческих общин и установление для старообрядческих духовных лиц – собственной иерархии священнослужителей [6, с. 134].

Представители первого политического объединения выступали за принятия данных поправок в законопроект, т. к. они считали это приведет к установлению новых демократических положений в духовной жизни России, тогда, как их противники – правые выступали против данных пунктов законопроекта, с их точки зрения он тогда подорвет религиозное единство государства, что приведет к угрозе безопасности для самой России.

Сам А.И. Гучков считал, что: *«эти три пункта» носили принципиальный характер, поскольку являлись «единогласно подсказанными всеми старообрядческими голосами России»* [7, с. 135].

Что означало намерение лево-октябристского крыла парламента принять указанный документ. Однако, как и первая законодательная инициатива, этот документ находился в долгом рассмотрении Государственной думы, с началом же Первой мировой войны, его принятие отложили до благоприятного времени.

Взгляды и принципы А.И. Гучкова, которые он проявил при работе проблемами, указанными в законопроекте, показали, что подходы председателя октябристской партии по решению задач общественного характера носили демократический и либеральный принципы реформизма. Также Александр Иванович зарекомендовал себя как политик, готовый идти на компромиссы по выходу из сложившейся трудноразрешимой ситуации.

Перед Государственной думой стояли новые задачи и вызовы, требовавшие законодательного решения. Однако в 1914 г. разразилась Первая мировая война, и Россия была втянута в этот тяжелый и затяжной военный конфликт. Таким образом, внимание Думы переключилось на поддержку правительства и армии в этой войне. Аналогичную позицию занимал и А.И. Гучков, проработавший в парламенте до 1915 г. Однако, в 1915 г., Александр Иванович, видя безрезультатность деятельность законодательного органа, снял с себя полномочия депутата и стал главой созданной в мае того же года Центрального военно-промышленного комитета, задачей, которого заключалось в производстве: оружия, боеприпасов, обмундирования и т. д. для нужд армии и фронта и от занятия общественной деятельности ему пришлось отойти [8, с. 83].

По мнению историка А. Рибера, именно этот комитет под председательством А.И. Гучкова, стал формой сотрудничества промышленной буржуазии, отвечавших за военные поставки государству и рабочих, выполнявшие свою работу по обеспечению армии и флота всем необходимым для побед России на фронтах [3, с. 170–171].

Общественная деятельность А.И. Гучкова, которая ярко прослеживалась с избранием членом Московской городской управы и до ухода из Государственной думы была насыщена различными мероприятиями, которые он предпринимал для решения целого спектра целей и задач, предполагавшие ряд мер по: предоставлению помощи незащищенным слоям российского общества, благоустройству города, проработке вариантов и взаимодействию с другими политическими силами, направленные на решения проблем общественного характера в рамках государственного масштаба. Участие А.И. Гучкова в разрешении представленных проблем продемонстрировало его жизненную позицию, как государственного служащего, отстаивающего позиции и интересы государства во внутренней политике, а также определило его предпочтение как сторонника внедрения идей либерального реформизма, как единственно возможного варианта по развитию общественной сферы в России.

Литература

1. Кузнецов Н.Д. Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением церкви и государства: С прил. проектов закона М-ва вн [утр.] дел, Гос. Думы и Особой комис. Гос. совета. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1910. IV. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kuznecov/zakon-o-starobryadcheskih-obshhinah-v-svjazi-s-otnosheniem-tserkvi-i-gosudarstva/1_3 (дата обращения: 19.01.2022).
2. Можаяева Л.А. Гучков Александр Иванович (1862–1936) // Новый исторический вестник. 2002. № 2(7). С. 119–130.
3. Макаров Н.В. Англоязычная историография о деятельности А.И. Гучкова // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 167–175.
4. О вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц. 7 декабря 1907 г. // Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 1-я. Приложения к стеногра-

фическим отчетам. СПб., 1908. Т. 1. Стлб. 162–167. С. 27–29. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/37030#mode/%20inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 20.01.2022).

5. Портнягина Н.А. Обсуждение проблемы террора в Третьей Государственной думе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 1. С. 135–147.

6. Проекты законов, принятые Государственной думой. Третий созыв. Сессия 1: 1907–1908 гг. СПб.: Государственная типография, 1908. VIII. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/720879> (дата обращения: 21.01.2022).

7. Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.

8. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 69–88.

9. Томов А.С., Белицкая М.А. Деятельность А.И. Гучкова в Третьей Государственной думе // Электрон. науч.-образоват. журнал «Грани познания». 2021. № 6(77). С. 146–150. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1638448314.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

10. Томов А.С. Военная реформа А.И. Гучкова // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2021. № 3(38). С. 131–134. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1623324445.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

ANDREY TOMOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PUBLIC ACTIVITY OF A.I. GUCHKOV IN THE PERIOD OF 1893–1915

The article deals with the directions of the public activity of Aleksandr Ivanovich Guchkov. There is emphasized the study of the aims and principles of the work in the state authorities and commercial organizations.

Key words: public activity, post, public official, government, deputy.

УДК 94(47).084

Д.В. ТРЕТЬЯК

(d.v.tretyak99@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

Проведён анализ нормативно-правовых актов и региональных архивных документов из фондов ГАВО по вопросам социальной поддержки военнослужащих Красной Армии и членов их семей в первые годы советской власти. Выявлены особенности сформировавшейся системы социального обеспечения указанных категорий населения, а также черты преемственности с дореволюционной практикой.

Ключевые слова: социальная защита, военнослужащие, нижние чины, семьи нижних чинов, взаимодействие уровней власти.

Революция 1917 г. кардинально изменила ситуацию во всех сферах общественной жизни России. Были изменены принципы организации советской армии – все чины, звания и преимущества, с ними связанные, отменялись. В этой связи особое значение приобретает анализ новой советской системы социальной защиты военнослужащих в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке.

Социальные аспекты истории привлекают все большее внимание исследователей. Вопросы государственной социальной политики и особенности ее реализации на региональном уровне являются предметом исследования ряда научных трудов волгоградских историков [2; 4, с. 186], которые вносят значительный вклад в разработку проблем социальной поддержки отдельных категорий населения – детей-сирот [3], семей участников Великой Отечественной войны [11]. В рамках исследуемой темы следует выделить работы А.Ф. Завгороднего, освещающие вопросы организационной структуры и практики социальной защиты [10], И.В. Скаридовой и О.В. Бабарыкина по правовым аспектам советского пенсионного обеспечения военнослужащих [1; 16].

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью анализа характеристик создаваемой советской системы социальной защиты для выявления эффективных принципов и способов реализации социальной политики, в том числе – в кризисные периоды истории государства. Целью является изучение мер по обеспечению социальной защиты военнослужащих и членов семей в первые годы советской власти. Для этого необходимо изучить нормативно-правовые акты советской власти и региональные делопроизводственные документы, а также оценить эффективность создаваемой системы социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Используются проблемно-хронологический и историко-системный методы, а также общенаучные методы анализа и синтеза информации.

Главным органом новой системы социального обеспечения стало Министерство, а затем – Наркомат Государственного Призрения (с 1918 г. – Наркомат Социального Обеспечения). Были ликвидированы благотворительные общества, в том числе – общества помощи инвалидам. Принимается ряд ограничительных мер в отношении привилегированных в Российской империи групп населения – одним из проявлений реализации этого направления стало лишение пенсионного обеспечения офицеров армии и флота. Однако значимость продолжения реализации существовавших мер поддержки военнослужащих и их семей в условиях нестабильной внутри- и внешнеполитической обстановки обусловила дуализм и преемственность системы дореволюционных и советских нормативно-правовых актов в сфере пенсионного обеспечения [16]. Постановлением СНК от 29 декабря 1917 г. были отменены офицерские звания и преимущества, даваемые ими [9]. Все солдаты получили равное право на пенсию.

Значительные темпы инфляции, требующие постоянного изменения сумм для выплат пособий (например, в октябре 1917 г. власти Временного правительства в Саратовской губернии повысили

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

выдачу средств семьям солдат с 6 руб. 50 коп. в месяц до 11 руб. 75 коп. из-за роста цен на продовольствие [5]), привели к решению об отказе от денежного обеспечения военнослужащих и членов их семей и переходу к натуральным выплатам. Постепенно доля натурального содержания в бюджете заменялась денежным, нормы которого ежегодно повышались [10, с. 78].

Принятый 7 августа 1920 г. Декрет Совнаркома «О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-крестьянской Красной Армии и их семейств» [12] устанавливал пенсии для военнослужащих-инвалидов и семей погибших или пропавших без вести красноармейцев. Сумма выплат определялась в зависимости от разряда инвалидности: I разряд – 100% потеря трудоспособности – 3000 р.; II разряд – от 70 до 100% – 2100 р.; III разряд – от 40 до 70% – 1200 р.; IV разряд – от 15 до 40% – 450 р. Вдове военнослужащего, которая также была инвалидом, пенсия назначалась в половинном размере от пенсии погибшего мужа. Трудоспособной вдове пенсия назначалась в зависимости от количества детей – для семей с 1 или 2 детьми – 2000 р., с 3 детьми – 2250 р. Однако размер пенсий не мог быть выше, чем прожиточный минимум в конкретной местности, определенный местными профсоюзами. В этом отражалась особенность советской власти по созданию условий для равного минимального уровня жизни для всего населения страны. Этот принцип более ярко проявился в новом «Положении о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств» [15] от 28 апреля 1919 г., в котором пенсия рассчитывалась в зависимости от суммы дневного среднего заработка в местности.

В 1918 г. количество семей солдат, получающих пособия от государства, составляло 1,4 млн. К 1920 г. их число возросло до 8,66 млн человек. При этом возможностей системы было недостаточно для обеспечения всех нуждающихся. В марте 1918 г. волостные советы Самарской губернии должны были прекратить выдачу казенного пособия лицам, «которые по усмотрению комиссии могут существовать без [его] получения» [8]. Комиссариат по призрению семейств воинов, призванных на войну, Самарского исполкома советов в начале 1918 г. признавал, что «средства государства в крайней напряженности» и «часто в отделах [уездных пенсионных отделах] денег не бывает» [7]. Трудности в выполнении социальных обязательств проявлялись и в последующие годы – в 1923 г. помощь получали 40 тыс. инвалидов, частично – 500 тыс., а около 1 млн не получали материальную помощь [10, с. 280]. В период НЭПа сокращается финансирование пенсионных выплат семей военных.

Пенсия по инвалидности начальствующему составу армии в соответствии с Положением от 19.03.1926 г. назначалась: инвалидам I группы в размере 100%, II группы – 75% и III группы – 50% оклада жалованья [14]. Выслуга в 20 лет давала право на пенсию в размере 50% оклада денежного содержания. За последующий год выслуги данная минимальная пенсия увеличивалась на 4% от размера оклада, а за годы выслуги сверх 25 лет – на 6%. Данное положение отмечает рубеж, после которого обеспечение пенсиями начальствующего состава армии стало особым звеном системы социальной защиты, регламентировалось отдельными законодательными актами и возлагалось теперь на Военное ведомство, что можно характеризовать как возврат распространенным в дореволюционный период практикам. Отличие заключалось в том, выплата пенсий производилась через органы государственного казначейства Министерством финансов, а Военное ведомство занималось изданием актов о назначении пенсий и оформлением документов.

Особенностью правотворчества в сфере льгот военнослужащим являлось стремление к кодификации законов, система которых оставалась почти неизменной с 1924 г. до Великой Отечественной войны. Кодекс «О льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей» [13] устанавливал льготы: по налогам и сборам; в сфере трудового землепользования и с/х, социального страхования, образования и здравоохранения; жилищные; при переездах военнослужащих и их семей; судебные; почтовые; денежные пособия. Например, были установлены льготные ставки оплаты жилья военнослужащими офицерского состава и сверхсрочнослужащими, местные Советы бронировали определенный процент жилой площади для размещения кадрового состава. Больные красноармейцы имели право на бесплатное лечение на курортах; на пособия для восстановления здоровья; на восстановление имущества, утраченного во время военных действий, и ряд других льгот. При этом реализация права

на льготы также была затруднена кризисным состоянием государства. В октябре 1917 г. в Камышинскую уездную милицию поступали сведения о том, что курорты переполнены инвалидами, а для получения путевки необходимо подавать прошения в Санаторно-курортный комиссариат г. Москвы или центральный комитет Красного Креста в Петрограде [6].

В деле организации поддержки военнослужащих и их семей поддерживалась инициатива на местах, которая проявлялась в разных формах – от сбора денежных средств и вещей до содержания домов инвалидов за счет отчислений трудовых коллективов. Осуществлять социальное обеспечение семей военнослужащих и инвалидов были обязаны крестьянские общества взаимопомощи, а затем и кассы взаимопомощи колхозников.

Таким образом, советской власти уже в первые годы своего существования и в условиях всеобъемлющего кризиса в стране удалось сформировать правовую базу социального обеспечения военнослужащих и членов их семей. Пенсионное обеспечение военнослужащих сохранялось на протяжении всего рассматриваемого периода, что отличает категорию военнослужащих от рабочих и крестьян, в отношении которых применялись другие формы – например, пенсионное страхование или общественная взаимопомощь. Можно отметить преемственность дореволюционных и советских нормативно-правовых актов в сфере пенсионного обеспечения. Кроме того, постепенно происходил отказ от уравнивания в правах рядовых солдат и офицеров (командного состава), а также от натурального обеспечения красноармейцев и их семей. Однако решающее отличие заключалось в самих принципах построения системы, обеспечивающих равный минимальный уровень жизни для всего населения страны. На определение размеров пенсий оказала влияние идеология и направленность на поддержку трудящегося населения страны, а установленная зависимость от прожиточного минимума в конкретной местности делала систему более гибкой и адаптированной к региональным особенностям и периоду экономической нестабильности. Несмотря на ограниченные финансовые возможности властей по непрерывной реализации взятых на себя обязательств, предоставляемая поддержка улучшала материальное благосостояние военнослужащих и их семей, что в конечном итоге положительно отражалось на укреплении государственности и обороноспособности страны.

Литература

1. Бабарыкин О.В. Генезис законодательства в СССР о правовом регулировании социальной защиты прав военнослужащих до начала 40-х годов XX века // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 3. С. 8–26.
2. Болотов Н.А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы: моногр. Волгоград: Перемена, 2004.
3. Болотова Е.Ю., Меркурьева В.С. Война и детство: реализация государственной политики по защите детей в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг.: моногр. Волгоград: Перемена, 2018.
4. Болотова Е.Ю., Савицкая О.Н. Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX–XX вв.: опыт региональных исследований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 185–191.
5. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 198. Оп. 2. Д. 11. Л. 82.
6. ГАВО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 276. Л. 48.
7. ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193а. Л. 11.
8. ГАВО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 193а. Л. 4.
9. Гусаков Д.Б. История пенсионного обеспечения и социального страхования в России. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ин-т психологии и социальной работы, 2010.
10. Загородний А.Ф. Деятельность государственных органов и общественно-политических организаций по социальной защите военнослужащих Красной армии и их семей в межвоенный период, 1921 – июнь 1941 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.
11. Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 2(115). С. 192–198.
12. «О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-крестьянской Красной Армии и их семейств»: декрет СНК РСФСР от 07.08.1918 // КонсультантПлюс: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19160#05685866974815188> (дата обращения: 13.01.2022).
13. «Об утверждении Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота Союза ССР и их семей»: Постановление ЦИК СССР от 29.10. 1924 г // Собрание Законов Союза ССР, 1924. № 21. Ст. 198.

14. «Положение о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии»: постановление ЦИК и СНК СССР от 19.03.1926 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25580#09122827385375294> (дата обращения: 13.01.2022).

15. «Положение о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств»: декрет СНК РСФСР от 28.04.1919 г // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37848#08495710283814972> (дата обращения: 13.01.2022).

16. Скаримова И.В. Правовое регулирование пенсионного обеспечения в советской России (октябрь 1917 г. – 1928 г.): историко-правовое исследование: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2011.

DARYA TRETYAK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ESTABLISHMENT OF THE SYSTEM OF THE SOCIAL PROTECTION
OF THE MILITARY IN THE FIRST YEARS
OF THE SOVIET REGIME**

The article deals with the analysis of the normative legal acts and the regional archive documents of the funds of the State Archive of the Volgograd region, concerning the social protection of the military of the Red Forces and the members of their families in the first years of the Soviet regime. There are revealed the peculiarities of the developed system of the social welfare of this category of population and the traits of the succession with the prerevolution practice.

Key words: social protection, the military, lower ranks, families of lower ranks, interaction of levels of government.

УДК 93/94

Д.А. ФЕДЮЩЕНКО
(DanFed98@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ САТЕЛЛИТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА СТАЛИНГРАДА И ОБЛАСТИ (ИЮНЬ 1942 – ФЕВРАЛЬ 1943 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Рассматриваются советские и современные работы, связанные со злодеяниями немецко-фашистских захватчиков и их сателлитов в июле 1942 – феврале 1943 г. на территории Сталинградской области.

Ключевые слова: история России, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, оккупационный режим, мирные граждане во время войны.

В современной России и обществе в последнее время все большее внимание уделяется событиям Великой Отечественной войны. Современные работы выходят за рамки экономических процессов, причин войны, героизма полков и воинских соединений, а все большее внимание уделяют жизни мирных, рядовых граждан Советского Союза, которые оказались на оккупированных территориях, на полях военных действий и в тылу. Долгое время данные вопросы не получали достаточной освещенности в научной, общественной среде, поскольку множество документов оставалось засекреченными, в последнее же время ситуация начинает меняться и дальнейшие исследования будут написаны уже с привлечением большого количества источников и фактического материала. Не менее важно знать и те работы, которые были написаны историками, чтобы иметь полноценную картину тех событий.

Процесс изучения злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Сталинградской области начался сразу же после окончания Сталинградской битвы. Долгое время данная информация оставалась под грифом «секретно», а сами злодеяния освещались учеными в рамках темы оккупационных режимов. В ноябре 1942 г. образуется Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области (далее Комиссия). Именно ее деятельность и начала процесс изучения злодеяний на территории области.

Первый период историографии проблемы хронологически определим ноябрем 1942–1960 гг. Комиссией, возглавляемой А.С. Чуяновым, издается небольшая работа «Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации: Документы» [6]. В данной работе публикуются акты и свидетельские показания о совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками злодеяниях в оккупированных районах г. Сталинграда в 1942 г. В данной работе впервые даются цели и задачи немецко-фашистских захватчиков в отношении мирного населения, а именно ограбление, насильственный увод, «рабско-крепостнический труд и кабала», истребление советского населения (в отношении партизанских отрядов и военнопленных). Исходя из этого видим, что в определении планов захватчиков нет задачи истребления мирных граждан, которые были вынуждены подчиниться, не проводится политика массового уничтожения. При этом, составляя акты о злодеяниях в отношении военнопленных, авторы ограничиваются круглыми цифрами и общим описанием, например: «Установлено из опроса и документов, что число пленных в лагере доходило до 6000 человек, при этом состав пленных до конца ноября <...> менялся. Так, в октябре через лагерь прошли 4000 граждан Сталинграда <...>. Среди мирных граждан в лагере содержалось большое количество женщин с детьми» [Там же, с. 11]. Конечно, данные, представленные в таком виде, у историков могут вызвать вопросы. Так, становится понятным, что данные опроса населения – не самый объективный и достоверный источник. Более того, если были найдены документы,

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

как указано в акте, то почему цифры, представленные в описании, целые, ведь, возможно, что они округлены. Впрочем, следуя принципу историзма, мы должны указать, что цель данного труда, как указано в предисловии, «довести до широких масс трудящихся факты кровавых злодеяний немецко-фашистских захватчиков ...» [5, с. 3], а не предоставить всеобъемлющие сведения, которые являлись засекреченными. Таким образом, данный труд комиссии дает общее представление о том, что происходило, нежели крупный фактологический материал.

В 1943 г. под авторством А.С. Чуянова появился другой труд по данной теме «Кровавые злодеяния немцев в селе Алексеевка, Сталинградской области» [11]. В нем описывается состояние пленённых мирных граждан и военнопленных в лагере № 205, расположенном вблизи села Алексеевка. Данная работа основывается также на свидетельских показаниях, но, однако, в самой работе не указывается, кто дал показания, что из описанного основано на лагерных документах. При этом факты, представленные в книге, достаточно подробны «<...> находившиеся в лагере получали хлеб всего четыре раза по 50–75 граммов на человека. Ежедневной пищей служила похлебка из дохлой конины. <...> его готовили из расчета по 50 граммов мяса – дохлой конины в день на человека ...» [Там же, с. 6–7].

Таким образом, в данный период накапливается фактический материал о злодеяниях фашистов на территории области, собираются свидетельские показания, большинство информация является секретной и недоступной для граждан. Основные труды по данной теме в данный период ставят перед собой задачу показать ужасы злодеяний, часто избегая указания на источники получения фактов. При этом основным методом получения данных является опрос мирных граждан, военных.

В период 1960–1990-х годов данная тема рассматривается в русле анализа оккупационного режима. Долгое время работы по данной теме ограничивались лишь материалами, опубликованными Комиссией. Можно выделить сборник научных статей по данной тематике под редакцией профессора Е.А. Болтина [7]. В данном сборнике статей, вышедшем на основе работы 3-й Международной конференции по истории движения Сопротивления, состоявшейся в г. Карловы Вары (Чехословакия), ряд исследователей дает характеристику политики гитлеровцев на оккупированных территориях Советской Союза. В сборнике преобладают тезисы о варварских, зверских злодеяниях немецко-фашистских захватчиков.

Появляется ряд диссертаций и исследований, среди которых можно выделить исследование М.М. Загорулько, Ю.Ф. Юденкова [5]. Данная работа на основе документального анализа дает характеристику планов Германии в отношении экономической политики на оккупированных территориях, исследователи показывают, каким образом эти планы видоизменялись, как они реализовывались на отдельных территориях страны. При этом вопрос о злодеяниях учеными практически не рассматривается.

Продолжилось изучение данной темы крупными изданиями документов в 80-е годы XX столетия и в начале 2000-х гг. Необходимо выделить сборники документов, в которых содержатся подзаконные акты, изданные немецко-фашистским правительством до и время Великой Отечественной войны. В первую очередь, это сборники документов, используемых на Нюрнбергском процессе и подготовленные для его проведения [9]. Также в данный период публикуется ряд работ, рассматривающих период оккупации с другой точки зрения. Так, можно выделить исследование Н.П. Волкова [3], который начинает рассматривать психологические аспекты оккупации, то, каким образом влияла оккупация на сознание граждан, какие действия предпринимались для создания трепета и ужаса перед оккупантами, поведенческие особенности угоняемого населения, рассматриваются вопросы партизанского движения и коллаборационизма.

Наиболее плодотворная работа начинает проводиться с 2000-х годов. В обозначенный период появляется ряд крупнейших исследований, которые охватывают различные аспекты оккупационной политики. С одной стороны, в данный период рассекречивается большое количество архивных материалов. С другой стороны, появляются результаты фундаментальных исследований, проводимых М.М. Варакиным [1], М.М. Гузевым [4], Т.А. Павловой [8]. В данных работах начинается исследование политической структуры оккупационного режима, его документальное обеспечение. Проводится исследование отдельных сторон жизни мирного населения в условиях оккупации, таких как: подневольный труд на предприятиях, восстановленных немецко-фашистскими захватчиками; деятельность

партизанских отрядов; деятельность и размах движения коллаборационизма; работа сельских школ и учреждений культуры; функционирование сельского хозяйства. Отдельно затрагиваются вопросы об угоне мирных граждан за пределы Сталинградской оккупационной зоны. Также данные исследователи стараются рассматривать оккупационный режим в отдельных территориальных границах районов города и области.

В 2008 г. издается сборник документов Комиссии, подготовленный коллективом под руководством М.М. Загорулько [10]. В данном труде впервые перед исследователями представлен большой перечень документов, справок, постановлений, опросов, допросов, связанных с оккупационным режимом и злодеяниями захватчиков. Следует отметить, что достоинством этого сборника является его фундаментальность, однако документы по злодеяниям все также представлены опросами, воспоминаниями, как и в трудах А.С. Чуянова в военные годы [6].

Благодаря политике правительства Российской Федерации, направленной на увековечение памяти о Великой Отечественной войне, на протяжении 2000-х годов постоянно происходит рассекречивание и издание все большего количества исторических источников, что позволило ученым продолжить свои исследования уже на основе более широкого спектра исторических источников, что вылилось в создание большого труда «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны» [1]. Данный труд представляет собой публикацию актов, справок, допросов, фотоматериалов, опросов мирных граждан, проводимых Комиссией.

Таким образом, можно подытожить, что данная тема представляет собой актуальное направление в современных исследованиях. На современном этапе обществу и исследователям не представлены документы концентрационных лагерей, находящихся в Сталинградской области, приказы и распоряжения немецкого командования, связанного с истреблением мирного населения в конкретных посёлках и районах Сталинграда. В связи с этим публикация именно документов по данной теме является важной задачей для исследователей, занимающихся данной проблемой.

Литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Волгоградская область: сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. С.В. Малых; отв. сост. О.В. Туголукова; сост. А.А. Давыдова, А.Н. Дегтярёва, Д.К. Кадуцков [и др.]. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издат. центр «ВОЕВОДА», 2020.
2. Варакина М.М. Архивные свидетельства о злодеяниях фашистских оккупантов на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. // III Сталинградские исторические чтения: сб. науч. докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 73-й годовщине контрнаступления советских войск под Сталинградом. (г. Волгоград, 19 нояб. 2015 г.). М.: Планета, 2016. С. 88–90.
3. Волков Н.П. Общественное сознание граждан СССР на оккупированной территории Северо-Запада Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
4. Гузев М.М. Жизнь и хозяйственная деятельность населения сельского района Сталинградской области, оказавшегося в оккупации (Ворошиловский район) // Сталинградская битва в судьбах народов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 1 февр. 2013 г.). Волгоград: Принт, 2013. С. 169–173.
5. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономической планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М.: Экономика, 1979.
6. Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации: документы / под общ. ред. А.С. Чуянова. Сталинград: Обл. кн-во, 1945.
7. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.) / под общ. ред. проф. Е.А. Болтина. М.: Политиздат, 1965.
8. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия. Гражданское население в Сталинградской битве: моногр. Волгоград: Перемена, 2005.
9. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко (рук.) [и др.]; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. 3-е изд. М.: Экономика, 1985.
10. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: Документы / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Панорама, 2008.
11. Чуянов А.С. Кровавые злодеяния гитлеровцев в селе Алексеевка, Сталинградской области. Сталинград: Обл. кн-во, 1943.

DANIIL FEDYUSHENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**MISDEED OF THE NAZI INVADERS AND THEIR SATELLITES AT THE TERRITORY
OF STALINGRAD AND ITS REGION (JUNE OF 1942 – FEBRUARY OF 1943):
THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION**

*The article deals with the Soviet and modern works, associated with the Nazi invaders and their satellites
in July of 1942 – February of 1943 at the territory of the Stalingrad region.*

*Key words: the Russian history, the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad,
regime of occupation, civilians during the war.*

УДК 7.033.5

Т.П. ФЕДЯНИНА

(*Ya.fedyanina-tanya@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ШАТРОВОГО СТИЛЯ
(на примере Церкви Усекновения Главы
Иоанна Предтечи в селе Дьякове)***

Статья посвящена особенностям русского шатрового зодчества. Поднята тема уникальности данного феномена. Особое внимание было уделено историографической части этого вопроса. Приводятся различные мнения историков и искусствоведов, рассматриваются главные дискуссионные вопросы, посвященные шатровому стилю. На примере Церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи были выделены основные архитектурные особенности русского шатрового стиля.

Ключевые слова: Шатровый храм, древнерусская архитектура, Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи, проблема датировки храмов, особенности стиля, дискуссионные вопросы.

Шатровый стиль является уникальным в своем роде. Шатер как архитектурный феномен представляет собой почти исключительно русское явление, нехарактерным для Западной Европы и относительно редко встречающимся на Востоке. Зарождение шатрового зодчества приходится на конец XV – нач. XVI вв. Активно этим стилем стали интересоваться историки и искусствоведы сер. XIX в., и уже тогда возникли первые дискуссии, посвященные данному вопросу. Существует два сложных момента в изучении шатрового стиля.

Во-первых, это происхождение самого стиля. То, как возник древнерусский шатровый стиль – дискуссионный вопрос уже не одно столетие. В современной исторической науке выделяют несколько основных теорий возникновения шатрового стиля: готическая, романская, восточная, и, наконец, теория о том, что шатровое зодчество сформировалось на базе древнерусской деревянной архитектуры. Последняя из них является наиболее достоверной и общепринятой. С.В. Заграевский отмечал, что деревянный шатер являлся «упрощенной формой» канонически обусловленного и обязательного в каменном православном церковном зодчестве купола в течение всей истории древнерусской архитектуры [4]. В свою очередь, каменное шатровое строительство является закономерным продолжением архитектурных традиций того времени.

Во-вторых, сложным вопросом, до недавнего времени, оставалась датировка первого памятника, относящегося к шатровому стилю. Многие годы велись споры о том, какая же церковь была возведена раньше: Троицкая (Покровская) церковь в Александровской слободе или церковь Вознесения в Коломенском. Только благодаря архитектурно-археологическим исследованиям В.В. Кавельмахера и С.В. Заграевского было установлено, что «шатровая Троицкая (ныне Покровская) церковь в Александровской Слободе была построена в 1510-х годах и, следовательно, была первым древнерусским шатровым храмом. Ранее долгие годы первым шатровым храмом считалась церковь Вознесения в Коломенском (1529–1532 годы)» [5].

Изначально, возникновение шатровых храмов связано с традицией строительства мемориальных памятников. Они могли быть возведены в честь каких-то важных событий внутри страны, но чаще всего, постройка таких храмов была связана с чем-то сакральным, личным для человека, например, моление о рождении наследника, или в честь уже самого царского преемника.

Если говорить об особенностях шатрового стиля, то, прежде всего, можно сказать, что основа всех шатровых храмов была примерно одинаковой: четверик, на который ставился небольшой восьмерик, служащий опорой для высокого восьмигранного шатра. При этом зодчие проявляли такую изобрета-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тельность в украшении и варьировании различных деталей, что ни один шатровый храм не был похож на другие. В своей монографии А.Л. Мясников отмечал, что особенностью этого стиля было то, что храм не имел столпов и держался только на стенах, из-за чего слишком широкие шатры ставить было невозможно [11]. Внутреннее пространство таких храмов было очень скромным. Количество молящихся достигало примерно десять человек.

Архитектура шатровых храмов всегда интересовала историков и искусствоведов, из-за оригинальности воплощения заложенных в ней идей. Этому феномену русской культуры посвящено большое количество монографий и статей. Однако выделим некоторых авторов, посвятивших многие годы изучению этого стиля. Сразу же хочется выделить Сергея Вольфганговича Заграевского. Спектр его исследований и увлечений был очень обширен, он является автором более десяти монографий, которые рассматривают древнерусскую архитектуру. Необходимо уделить особое внимание его работе «Три главных историко-архитектурных вопроса древнерусского шатрового зодчества» [5]. В ней он подробно рассматривает главные дискуссионные вопросы шатрового стиля. Изучая данные археологии, летописи, рассматривая работы других искусствоведов, С.В. Заграевскому удается найти ответы на главные «загадки» истории шатрового стиля.

Михаил Андреевич Ильин – выдающийся советский искусствовед, в своей монографии «Русское шатровое зодчество» [7] пишет о том, как важно изучать историю древнерусского зодчества, ведь это большая часть истории русского народа. Безусловно, это очень трудный процесс, т. к. многие памятники русского искусства, в частности, архитектуры, были уничтожены, или, например, перестроены, что значительно осложняет их изучение. Докопаться до истины – главная задача искусствоведов и реставраторов.

Большое значение для изучения памятников шатрового стиля имеют работы Вольфганга Вольфганговича Кавельмахера – отца Сергея Заграевского, который является известным советским архитектором-реставратором. Именно работа В.В. Кавельмахера как реставратора дала большой скачок в изучении памятников древнерусской архитектуры. Из объектов, которые изучал В.В. Кавельмахер, наиболее известны: церковь Введения на Подоле в Сергиевом Посаде, церковь Рождества Христова в селе Юркине, Старо-Никольский собор в Можайске [10].

Архитектурная археология – весь комплекс изучения памятников (и «над», и «под землей»). Реставрация – термин, означающий, прежде всего, «физическое» восстановление памятника. Эта наука включает и «чтение кладки», и анализ строительной техники, и производство зондажей, и множество других методик, причем реставрация за этими исследованиями может последовать, а может и не последовать. Именно В.В. Кавельмахеру принадлежит заслуга превращения всех методик в единую систему, позволяющую в сочетании с историческими и археологическими данными датировать и реконструировать храмы, а также проводить системный анализ архитектурных форм и стилей с выходом на исследование общих закономерностей развития древнерусского зодчества [Там же].

В своих работах, посвященных памятникам шатрового стиля, автор подробно описывает свои наблюдения, ход реставрационных работ, рассматривает причины создания, датировку архитектурных памятников, опровергает неверные теории и гипотезы. Так, например, В.В. Кавельмахером был произведен переворот в истории древнерусского шатрового зодчества, т. к. ранее первым шатровым храмом считалась церковь Вознесения в Коломенском, а исследователь доказал, что шатровая Троицкая церковь в Слободе была возведена существенно раньше [Там же]. Вклад ученого в развитие изучения шатрового зодчества невообразим. Далее мы не раз обратимся к его творчеству.

Если говорить о первых каменных памятниках шатрового стиля, то можно сказать, что для того времени, это был настоящий прорыв. Это было совершенно новое понимание строительства церквей, храмов. Новые композиционные решения, использование новых строительных материалов и техник. Внешнее и внутренне оформление храма можно было рассматривать часами. Русские зодчие впервые за долгое время отходят от византийских канонов, они начинают создавать неповторимый стиль рус-

ской архитектуры. Памятники нач. XVI в. совсем скоро назовут шедеврами. Таким памятником и была Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове.

Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове – является прототипом собора Покрова на Рву. В большинстве случаев, именно так принято говорить об этой уникальной постройке XVI в. На самом деле, это феноменальный памятник древнерусского зодчества, который привлекает особое внимание искусствоведов, ведь композиционный принцип церкви в Дьякове не имеет предшественников, а решения в оформлении внутреннего пространства не имеют аналогов.

Вопросы датировки и причины постройки этого памятника долгое время оставались нерешенными в исторической науке. Лишь в XIX в. Ф.Ф. Рихтером была выдвинута теория о том, что постройку церкви можно отнести к 1529 г., сам храм был воздвигнут по приказу Василия III, в честь рождения будущего наследника – Ивана Грозного [12]. В своих утверждениях Ф.Ф. Рихтер опирался на клировые церковные ведомости. На то время, концепция Ф.Ф. Рихтера звучала очень правдоподобно, и поэтому была актуальна еще долгое время, но уже к середине 20-х годов большей части исследователей этого вопроса стало ясно, что каменная церковь в 1529 г. быть построена не могла. Ведь по всем особенностям своей архитектуры и по техническим приемам, которые были использованы при строительстве, церковь Усекновения Иоанна Предтечи должна быть отнесена к середине XVI в. И именно здесь мы можем поставить ее в прямую связь с Покровским собором на Рву (1555–1561 гг.). К сожалению, вопросы датировки этого памятника шатрового стиля вплоть до 60-х годов не были предметом специальной работы исследователей. Только спустя длительное время в 1990 г. известный архитектор-реставратор В.В. Кавельмахер [9] опроверг теорию Ф.Ф. Рихтера и выдвинул новую дату возведения церкви – 1547 год, год венчания Ивана IV на царство. Место постройки церкви тоже было выбрано не случайно. Многие княжеские земли в XVI в. были заняты другими постройками, и оставалась лучшей и ближайшая из подмосковных резиденций – село Коломенское. Остальные великокняжеские села были менее приспособлены для строительства церквей. Однако, в Коломенском уже была построена масштабная церковь Вознесения, именно поэтому выбор пал на приселок Дьяково. Именно там находится церковь по настоящий день. На данный момент многие историки архитектуры поддержали концепцию В. Кавельмахера (А.Л. Баталов [1], С.В. Заграевский).

Долгое время был не решен вопрос авторства данного памятника архитектуры, но из-за сходства с Покровским собором на Рву, исследователями были выдвинуты предположения, что автором этих двух построек был один человек, или одна команда рабочих.

Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове необычна и очень интересна по своей архитектуре. Она состоит из пяти восьмигранных башнеобразных объемов, связанных ленточным фундаментом, однако отдельных друг от друга, каждый из которых имеет собственный вход. М.А. Ильин в монографии «Русское шатровое зодчество» приводит мнение о том, что центральный столп посвящен Усекновению Главы Иоанна Предтечи и вдвое больше других, имеет абсиду, полукруглый выступ в восточной стене для размещения алтаря. Затем следуют приделы, которые посвящены зачатию Анны и зачатию Иоанна Предтечи, а именно молению о даровании наследника. За ними следуют два башнеобразных предела, которые посвящены московским святителям – Митрополитам Петру, Алексию и Ионе, что объясняется их покровительством московскому княжескому дому и двенадцати апостолам. Придел во втором ярусе над западной галереей посвящен Константину и Елене. Видимо, придел был посвящен первому святому императорской Византии и рано умершей матери Ивана Грозного – Елене Глинской [7].

Ярусы столпов украшены филенками, а переход к куполам ярусами полукруглых и треугольных кокошников. Привлекает внимание завершение центрального столпа, над двумя ярусами кокошников возвышается восьмигранник, украшенный поясом ширинок. Над ним возвышается объем, который составлен из полуцилиндров и увенчан подобием антаблемента и перемежающимися щелевидными окнами. Над каждым полуцилиндром по центру стоит маленький цилиндр, а за ними виднеется стенка невысокого барабана с филенками, на котором возвышается шлемовидный купол [2]. В абрисах оформлении окон и центрального восьмерика прослеживается готический мотив, однако не столь за-

остренный и вертикализованный, как в архитектуре церкви Вознесения. Купол поддерживает элемент, пришедший из крепостного зодчества, так называемые «мышькули», сам купол выполнен с помощью особой закручивающейся техники выкладки кирпича. Абрис храма совершенно иной, если в церкви Вознесения главное – вертикаль, то здесь абрис ступенчатый, пирамидообразный, центрический, монолитный и очень устойчивый. На это работает как композиционное решение, когда все объемы сосредоточены вокруг центра, так и декорация, которая по сравнению с церковью Вознесения, фактически лишена строгих вертикальных линий.

Внутренне пространство храма также работает на единство и монолитность. Оно выкрашено в белый, стены разбиты тягами, в соответствии внешнему делению плоскостей, а между этими тягами стена, украшенная вертикальными профилированными низшими филёнками. Предположительно, храм изначально не имел росписей внутри, или они были орнаментальными. Все пять башнеобразных объемов представляют собой внутри многоярусные сужающиеся кверху полые восьмигранники, богато декорированные тягами – «полочками», ступенчатыми нависающими «консолями» и завершающиеся узорно выложенным куполом в виде зрительно вертящегося диска. В этих пространственных полых объемах нет и намек на прежние архитектурно-пространственные композиции. При всей своей уникальности пятибашенного храма в Дьякове в нем подготавливались и зрели те элементы новых архитектурных замыслов и концепций, которые в дальнейшем получили соответствующее распространение и применение с параллельных их переосмыслением и совершенствованием.

Сегодня Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи – это уникальный памятник московской Руси, который каждый год привлекает к себе внимание туристов и местных жителей. Загадки этого храма будут волновать историков архитектуры еще не одно столетие. Шатровое зодчество, его история происхождения и развития еще длительное время будут предметом дискуссий, в силу почти полного отсутствия первоисточников. Возникновение этого архитектурного феномена оказало влияние на дальнейшее развитие русской архитектуры, дало жизнь новым стилям. Сам храм теперь становится настоящим произведением искусства, его внешнее и внутреннее оформление поражают своим искусным исполнением. Использование новых строительных материалов, архитектурных форм и элементов делало шатровый стиль прорывом своего времени.

Литература

1. Баталов А.Л. О датировке церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове // Русская художественная культура XV–XVII веков. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 9. М., 1998. С. 220–239.
2. Домшлак М.И. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы: (юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города) / [М.И. Домшлак и др.]; редкол.: Баталов А.Л. [и др.]. М.: Искусство-XXI в., 2007.
3. Заграевский С.В. Новые исследования памятников архитектуры Александровской слободы. М.: АЛЕВ-В, 2008.
4. Заграевский С.В. Происхождение древнерусского шатрового зодчества: возвращение к проблеме // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2(16). С. 32–61.
5. Заграевский С.В. Три главных историко-архитектурных вопроса древнерусского шатрового зодчества (происхождение, первый каменный шатровый храм, запрет патриарха Никона). М., 2019.
6. Ильин М.А., Максимов П.Н., Косточкин В.В. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. С. 414.
7. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века: Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.: Искусство, 1980.
8. Кавельмахер В.В. К истории постройки именной церкви Ивана Грозного в селе Дьякове // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1991. М., 1997. С. 339–351.
9. Кавельмахер В.В. Памятники архитектуры древней Александровской Слободы: сб. ст. Владимир: Золотые ворота, 1995.
10. Кавельмахер В.В. Церковь Преображения в Острове. М.: Алев-В, 2009.
11. Мясников А.Л. Сто великих достопримечательностей Москвы. М.: Вече, 2012.
12. Рихтер Ф.Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высечки и живописи / составлены и изданы при Московском дворцовом архитектурном училище под рук. директора, проф. архитектуры Импер. акад. художеств Федора Рихтера. М.: Тип. В. Готье, 1850.

TATYANA FEDYANINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN TENT-SHAPED STYLE
(based on Church of the Beheading of st. John
the Baptist in Dyakov)

The article deals with the peculiarities of the Russian tent-shaped architecture. There is discussed the theme of the unique character of the phenomenon. There was emphasized the historiographic part of the issue. The author deals with the different opinions of the historians and art experts and considers the fundamental controversial issues devoted to the tent-shaped style. Based on Church of the Beheading of St. John the Baptist there were revealed the basic architectural peculiarities of the Russian tent-shaped style.

Key words: *Tent temples, the Old Russian architecture, Church of the Beheading of St. John the Baptist, issue of churches' dating, style's peculiarities, controversial issue.*

УДК 929.5

П.И. ФИСЕНКО

(fisenko.polina@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**САЛОН ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ В ТВЕРИ И ЕГО РОЛЬ
В СОХРАНЕНИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ НАСТРОЕНИЙ В РУССКОМ
ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.***

Рассматривается роль великокняжеского тверского салона Екатерины Павловны Романовой как идеологического центра консервативного движения в первой половине XIX в. Автором проанализировано историческое развитие салонов, а также обозначены их виды и характерные черты.

Ключевые слова: великокняжеский салон, галломания, идеология, консерватизм, литературоцентризм, салонная культура.

Культура XIX в. занимает особое место в истории России. Этот период ознаменован окончательным оформлением «дворянской» культуры, становлением национального самосознания, общим культурным подъемом. Одним из явлений, активно развивающихся в первой половине XIX в., являются салоны. Они были площадками для философских и литературных дискуссий, музицирования, представления публике новых произведений, которые в будущем войдут в перечень мировой классики. Однако в этот период салоны начинают брать на себя и другую функцию, а именно становятся идеологическими центрами, местами, где принимаются важнейшие государственные решения. В этом контексте актуально рассматривать тверской салон Екатерины Павловны Романовой, в котором сама великая княжна и ее гости являлись приверженцами консервативной политики.

Исследование научной литературы позволяет сделать вывод, что изучение салонной культуры началось с середины XIX в. Как такого анализа деятельности салонов не было, а работы носили описательный характер. На рубеже XIX–XX вв. можно отметить возросший интерес к изучению истории. Однако и здесь научные изыскания исследователей ограничивались культурой в целом, а салоны упоминались, но не поддавались детальному рассмотрению.

Новым этапом в изучении как культуры XIX в. в целом, так и конкретно салонов следует считать научные разработки советских ученых. Одной из первых работ, посвященных данной проблематике является исследование Н.А. Бродского «Литературные салоны и кружки первой половины XIX века» [5]. В своей работе автор анализирует исторические условия возникновения кружков и салонов. Особое внимание уделяется литературной жизни, которую автор называет господствующей в XIX в. Еще одним исследователем, рассматривающим салоны в контексте дворянской культуры, является Ю.М. Лотман. Его работы «Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» и «Культура и взрыв» обладают очень интересными сведениями о специфике повседневной жизни дворянства [6, 7]. Основная критика в адрес советских ученых состоит в признании значимости великосветских салонов только для литературного движения.

Следующим этапом в изучении салонной культуры является период с 1990-х гг. по настоящее время. Этот период отличается и обширными разработками по изучаемой проблеме и появлением узкоспециализированных работ по салонной культуре. Были предложены классификации салонов, рассмотрена их роль не только для культурно-просветительской деятельности, но и влияние на социальную обстановку внутри страны, роль в формировании настроений русского общества. Уже на современном этапе был защищен ряд работ, из которых можно выделить докторскую диссертацию Е.Н. Палий [10], посвященную салонам как феномену культуры, изучению в первую очередь литературных

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

салонов. Новый взгляд на деятельность салонов предлагает в своей кандидатской работе И.П. Азерникова [1]. Автор ставит задачу перейти от литературоцентризма в изучении салонов и исследовать их общественно-политические практики, а также проследить преемственность от французских салонов к русским великосветским салонам.

Одним из салонов, несколько выходящим за рамки литературно-музыкальных вечеров, является тверской салон великой княжны Екатерины Павловны Романовой. Ее личности и деятельности посвящена богатая источниками личного происхождения работа дореволюционного искусствоведа И.Н. Божерянова [4], а также современные статьи Е.М. Собко [13] и А.Ю. Минакова [8, 9].

Таким образом, существует достаточно объемный массив работ, который позволяет раскрыть феномен русской салонной культуры, его специфические черты, а также изучить деятельность салона как идейного центра на примере тверского салона Екатерины Павловны. Для создания более целостной картины необходимо обратиться к истокам салонной культуры, ее особенностям и разновидностям.

Салонная культура принимает привычные для нас формы в Средние века. В Европе при королевских дворах, а также у знатных дам собиралась знать, которая обсуждала не только местные сплетни и интриги, но и насущные политические и социальные проблемы, обсуждались произведения Античных мыслителей и деятельность философских школ. В 1664 г. во Франции появляется сам термин «салон», поэтому считается, что крупные организованные салоны начинают функционировать во Франции XVII – XVIII вв. Салон представлял собой пространство, где без каких-либо трудностей могли находиться и мужчины, и женщины, причем разного происхождения. Хозяйки таких салонов были глубокоуважаемыми женщинами, «задавали моду» для остального общества. Своей целью хозяйка видела развлечение для себя и гостей. Под салоном того времени, – пишет Е.Н. Палий, – следует понимать избранное общество, объединенное интересом к искусству, в частности к литературе, и собирающееся в известном доме, хозяйка которого умеет привлекать и объединять людей [10, с. 62]. Постепенно перерастая задачу развлечения гостей, салоны начали брать на себя роль распространителей либеральных идей, поддержку оппозиции власти, ораторских площадок для политиков и военных вождей.

Салонная культура зарождается, проходит свой путь и окончательно оформляется в целостное культурное явление во Франции. В XVIII в. в России очень сильно влияние французской культуры. На французском языке изъясняются представители дворянства, господствует французская мода. Соответственно, такое явление как салон перешло и в Россию и приобрело свои характерные черты, но суть самого явления осталась неизменной.

Исследователи феномена салонной культуры выделяют общие черты для всех салонов, такие как камерность – относительно небольшое замкнутое пространство, которое располагает к общению и непринужденной обстановке, а также нахождение в рамках одного пространства личностей, принадлежащих к разным полам, социальным статусам и должностям. Все гости салона приглашались непосредственно его хозяином, которые, играли определенные «роли» на таких вечерах. Стремление к наиболее углубленному и детализированному изучению салонов породило различные классификации, в основу которых заложены разнообразные признаки. Так, по тематике могут быть выделены как профильные салоны – литературные, музыкальные, философские, так и смешанные – литературно-музыкальные, литературно-философские. По местоположению – столичные и провинциальные, по составу гостей – аристократические и демократические. Все эти виды можно встретить и в России XIX в.

Салонная культура России, развиваясь на традициях французских салонов, с течением времени начинает приобретать все больше своих специфических черт, также зависящих от типа салонов. Выделение многими исследователями в первую очередь литературных салонов в XIX в. обусловлено их огромным влиянием на творчество отечественных писателей и поэтов, а также на культуру в целом.

С середины XVIII в. салоны начинают функционировать и в России, практически полностью перенимая французские традиции. Создаваясь, как в городах, так и провинциях, подразделяясь по тема-

тике на литературные, музыкальные, философские, а также отличные по составу гостей, салоны, может и косвенно, но ставили себе ряд задач, связанных с культурно-просветительской деятельностью. Особенно это заметно в первой половине XIX в., так называемом «пушкинском периоде» или периоде «романтизма». Однако это была их не единственная задача. Сложившаяся обстановка внутри страны, в обозначенный период, благоволила к обособлению дворянства в группы, которые поднимали вопросы о насущных проблемах во внутренней и внешней политике.

Дворянство, как сословие, всегда стремилось отделить себя от других, получая правовые привилегии от монарха, а также внешними признаками, например, стремились подчеркивать положение соответствующей одеждой, пользоваться преимущественно французским языком. Самосознание дворянина строилось на понятиях чести и гордости, а с появлением влияния европейской культуры – расширению культурных потребностей.

В начале правления Александра I салоны возникали на основе приверженности французской моде, но позднее они становятся не только культурными центрами, но и проводниками государственной политики, местами формирования и поддержки идеологических взглядов. Таким местом можно с уверенностью назвать тверской салон Екатерины Павловны Романовой. Салон великой княжны стоял особняком от других литературно-музыкальных салонов, т. к. функции его были шире культурно-просветительских, на что непосредственно влияла сама личность хозяйки.

Екатерина Павловна Романова – «любимая внучка императрицы Екатерины II, с младенчества ею оцененная, любимая сестра императора Александра I, она была истинною красотой царского дома и России» [4, с. 2]. Екатерина Павловна являлась той самой княжной, к которой сватался Наполеон I и получил решительный отказ. Вскоре княжна вышла замуж за принца Георга Ольденбургского и супруги выбрали своей резиденцией Тверь. Именно здесь появляется знаменитый тверской двор Екатерины Павловны, который будет принимать у себя знаменитейших литераторов и государственных деятелей.

Екатерина Павловна была прекрасной хозяйкой, к тому же блестяще образованной. Великая княжна увлекалась музыкой, литературой, очень любила живопись, и сама любила разрисовывать виньетки во дворце – «не будь она дочерью Императора, она в Италии была бы величайшей художницей» [Там же, с. 49]. К ней в Тверь съезжались высокопоставленные лица, люди мира искусства из Петербурга и Москвы: граф Ф.В. Ростопчин, граф А.К. Разумовский, Н.И. Гнедич, граф А.И. Мусин-Пушкин, И.И. Дмитриев, Ю.А. Нелединский-Мелецкий и др. [14, с. 40]. Супруги проводили много времени вместе, в салоне они обсуждали насущные вопросы, затрагивая различные темы, особенно касающиеся внутренней политики.

В конце XVIII – начале XIX в. имело место быть явление под названием «галломания», которое означало приверженность ко всему французскому. В ответ на тягу к западноевропейской моде в России начинает формироваться противоборствующее идеологическое движение, который во главу угла возносил традиционные ценности и порядки. Яркими представителями консерватизма в России были литератор Н.М. Карамзин, граф Ф.В. Ростопчин, писатель А.С. Шишков и др. Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин были частыми гостями в тверском салоне.

Новый виток развития национально-консервативных настроений связан с революцией во Франции, неприятии ее царской семьей и дворянством. Это породило стремление скорее избавляться от влияния галломании, чтобы избежать той угрозы, которые несли в себе революционные настроения. Екатерина Павловна очень прониклась идеями незыблемости русского самодержавия, которому не нужна никакая конституция. Россия, с ее точки зрения, должна быть гегемоном в Европе.

Изучая переписку Александра I и Екатерины Павловны, исследователи приходят к выводу о сильном влиянии княжны на российского императора. Екатерина Павловна писала брату множество писем и рассказывала ему обо всех вопросах, волновавших общество. В Твери обсуждались и решались назначения на многие ответственные посты; расположение великой княгини могло способствовать

быстрой карьере, а нерасположение, наоборот, – к опале. Не раз Тверь посещал известный писатель и историограф Н.М. Карамзин, где княжна вдохновляла его написать свои знаменитые сочинения «История государства Российского» и «Записка о древней и новой России». Здесь же была устроена встреча писателя и российского императора. Еще одно событие, на которое имела влияние великая княжна – отставка М.М. Сперанского, а, следовательно, отказ от его либерального проекта. К сожалению, не сохранилось документов, которые бы явно доказывали прямое влияние Екатерины Павловны на императора, но учитывая уровень доверия между ними, их частую переписку, а также консервативные взгляды самой княжны, предположение о ее влиянии на это событие вполне обоснованы.

Еще одним знаменитым гостем тверского салона был Федор Васильевич Ростопчин. Долгое время граф пребывал в опале, поскольку являлся фаворитом и проводником политики Павла I. Граф призывал отказываться от галломании и искать опору в русском национальном опыте. Эти мысли он излагал в своем знаменитом памфлете «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» [11]. Великой княжне очень импонировали мысли Федора Васильевича, что повлияло на восстановление того по государственной службе. В 1810 г. Ростопчин становится членом Государственного совета, а позже московским военным генерал-губернатором, главнокомандующим в Москве.

Свое наивысшее развитие консервативные настроения получают во время Отечественной войны 1812 года. Российский император видел своей целью свержение врага и опирался на приближенных к себе ранее представителей консервативной мысли, которые были выдвинуты не без поддержки великой княжны. Екатерина Павловна воодушевляла дворянство на сбор народного ополчения.

Салон великой княжны был не только традиционным местом литературных чтений и обсуждений, но и консолидировал в своем пространстве выдающиеся умы консервативной направленности, которые формировали государственный аппарат. Исторические события, происходившие в первой половине XIX в., показывают, что это время стало переломным в становлении консерватизма как идейно-политического направления, что происходило во многом благодаря личности Екатерины Павловны Романовой.

Литература

1. Азерникова И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2011.
2. Александр I (император; 1777–1825). Переписка императора Александра I с сестрой Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910.
3. Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929.
4. Божерянов И.Н. Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская, 1788–1818: биографический очерк с приложением портрета и автографа. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2018.
5. Бродский Н.А. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века. М.; Л.: Academia, 1930.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2008.
8. Минаков А.Ю. «Тверская полубогиня»: Великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической «партии» // Россия XXI. 2010. № 4. С. 102–123.
9. Минаков А.Ю. Консервативная «русская партия» начала XIX века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 43–58.
10. Палий Е.Н. Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность: дисс. ... д-ра культурологии. М., 2008.
11. Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 148–152.
12. Сапченко Л.А. «Она была одним из благодетельных существ для души моей» (о переписке Н.М. Карамзина с Великой княгиней Екатериной Павловной) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 1. С. 38.
13. Собко Е.М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 135–139.
14. Шишкова М.П. Тверской край – Музыка – Санкт-Петербург. Тверь: Фактор, 2003.

SERGEY FISENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE SALON OF THE GRAND DUCHESS EKATERINA PAVLOVNA IN TVER AND ITS ROLE
IN THE PRESERVATION OF THE CONSERVATIVE MOOD IN THE RUSSIAN
SOCIETY OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

The article deals with the role of the grand-ducal Tver salon of Ekaterina Pavlovna Romanova as an ideological center of the conservative movement in the first half of the XIXth century. The author analyzed the historical development of the salons and specified their kinds and characteristic traits.

Key words: grand-ducal salon, Gallomania, ideology, conservatism, literature centrism, salon culture.

УДК 93

С.А. ФОМЕНКО
(Fomens3@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА ПОМЕСТНОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–1918 ГОДОВ*

Статья посвящена Всероссийскому Поместному Церковному Собору 1917–1918 гг. Выделены особенности формирования состава Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 гг.

Ключевые слова: Состав Поместного Собора, особенности Собора, революция, реформы, особенности формирования состава Собора, Священный Собор 1917–1918 гг.

Созыв Чрезвычайного Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви, который, несомненно, стал важным явлением из-за ряда своих решений и самой постановкой вопросов, которые впервые обсуждались в православном мире. Созыв Собора происходил в особой атмосфере, когда над государством царил неопределённый страх. И спустя, более чем двухсотлетний перерыв, в период правления Временного правительства, Поместный Собор Православной Всероссийской церкви вновь удается собрать, чтобы решить важнейшие проблемы на тот момент времени.

Вопрос о формировании Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви играет немаловажную роль. Появление мирян на Соборе вызвало огромную волну удивлений, т. к. практика присутствия мирян на Поместном Соборе Православной Всероссийской Церкви не была распространена. Церковные каноны вовсе не упоминают об участии в Соборах клириков и мирян. Так, если в канонах и шла речь о проведении Соборов, то всегда указывалось на состав, состоящий из одних епископов, но тем не менее, присутствие клириков и мирян не воспрещалось церковными правилами. Истоки данного явления уходят еще в далекую древность, так, например, Карфагенский собор 256 г., свидетельства, которого указывают о присутствии на нем мирян [1]. Данная практика не исчерпала себя и при созыве Чрезвычайного Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви 1917 г., когда в нем принимали участие обыкновенные люди, не являющиеся церковными иерархами.

Для понимания принципов формирования Поместного Собора, необходимо обратиться к событиям еще с конца XIX – начала XX вв., т. к. изменения настроения в обществе неразрывно были связаны с Русской Православной Церковью. Обсуждение состава Собора возникло еще за долгое время до его начала. Подготовка к Собору началась еще с 1900-х годов. Еще в 1905 г. возникали серьезные дискуссии о составе Собора, и о их правах, которые нашли свое отражение в печати дореволюционной России. В 1906 г. Николаем II было учреждено Предсоборное Присутствие, целью которого была подготовка к предстоящему созыву Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви, но, помимо этого, необходимо было проработать основные Соборные решения. Дискуссии о составе Собора начались с обращения группы петербургских священников, которые в истории получили наименование «группа 32-х» к митрополиту Антонию (Вадковскому), который на тот момент был наиболее авторитетным духовным деятелем и возглавлял столичную кафедру [6]. Требованием священников стало широкое представительство на Соборе клириков, мирян и наделение их правами своего голоса, которое было бы равно голосу епископов на Соборе.

Было много споров к вопросу о составе Собора, но конец дискуссиям положил указ царя. Так, в статье № 1 положения «О составе предстоящего чрезвычайного Собора Русской Церкви и порядке производства дел на оном», который был выработан Предсоборным присутствием и одобрен императором Николаем II 25 апреля 1907 г., закрепивший тезис о том, что Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви должен состоять из епископов, клириков и мирян, однако две последние группы, исходя из данного положения статьи № 4 имели право только совещательного голоса [4]. Ключевая роль принятия решений все также оставалась за епископами.

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Епископам необходимо было присутствовать от всех русских епархий со всеми викариями. В случае, если епископ не мог присутствовать, то он был обязан послать своего заместителя из белого либо черного духовенства, либо мирян [5].

После выступления петроградских рабочих в феврале 1917 г., Святейший Синод обратился к архипастырям и пресвитерам Российской Империи с письмом о возвращении Православной Церкви к древнейшей форме ее управления. Святейший Синод писал о том, что при нынешних условиях Церковь существовать не может, необходима ее реформация и возвращение патриаршества [1, с. 45].

Вскоре, активные действия по созыву Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви были прекращены. Во многом, это связывают с нерешительностью Николая II, который отложил проект на неопределенный срок. И уже только при Временном правительстве удается собрать Собор, которое не было противником созыва Поместного Собора и никак этому не противодействовало. Временное правительство 11 августа 1917 г. издает постановление о правах Собора «Предоставить открывающемуся 15 августа в Москве Поместному Собору Всероссийской церкви выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви» [2, с. 53]. И уже 15 августа 1917 г. Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви был открыт в праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Обратившись к уставу Поместного Собора, необходимо выделить, что «Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви обладает всею полнотой церковной власти для устройства Русской церковной жизни на основе Слова Божия, догматов, канонов и предания Церкви» [Там же, с. 38]. На момент созыва Собора было насчитано 564 делегата, из которых большинство были выбранными. Собор проходил в 3 этапа с 15 августа 1917 г. по 20 сентября 1918 г. Таким образом, на 227 представителей от иерархии и духовенства, приходилось 299 мирян. Предсоборным советом 4 июля 1917 года было принято: «Положение о созыве Поместного собора Православной всероссийской церкви в Москве 15 августа 1917 года». Исходя из данного положения, состав Собора состоял из епископов, клириков и мирян [Там же, с. 13]. Помимо этого, в состав Собора входят члены по выборам, по должностям и по приглашению Святейшего Синода. Выборы производятся на основании правил самого «Положения». Основу Собора составили епархиальные делегации, которые состояли из правящего архиерея, двоих клириков и трех мирян. Обязательные условия были к клирикам, к которым предъявлялось, чтобы один из них обязательно был священником, а второй мог быть либо диаконом, либо пресвитером, либо псаломщиком. Выборы мирян проходили сначала на приходском избирательном собрании и те, кто был избран приходом, получали удостоверение о своем избрании с подписью председателя собрания и с приложением церковной печати. После выборщики из мирян и клирики принимали участие в благочинническом избирательном собрании, на котором избирали выборщиков на епархиальное избирательное собрание в количестве двух клириков и трех мирян [Там же, с. 53]. Обсуждение всех связанных с выборами вопросов, а равно самые выборы во всех случаях производятся клиром и мирянами совместно, т. е. клир участвует в выборе представителей мирян, и миряне участвуют в выборе представителей клириков. Таким образом, епархиальные делегации и составили основную массу соборян [8].

Права членов Собора определялись следующим положением, так: «Члены-епископы имеют право решающего голоса. Остальные члены – право совещательного голоса». В голосованиях каждый участвовал лично. Передача кому-либо голосов запрещалась. Мнение Собора выражается также большинством голосов (как решающих, так и совещательных)» [Там же].

Главной особенностью Собора 1917 года определяют в численном преимуществе мирян, нежели других групп, входивших в состав Собора, ибо миряне иногда и вовсе не принимали никакого участия в Соборах, как, например, Московский Собор 1689 г. И прежде, чем попасть на Собор, миряне проходили тщательный отбор. Избранными могли быть лица только православного вероисповедания, мужского пола, в возрасте не моложе 25 лет, которые были известны приходу христианским благочестием. К составу Поместного Собора не допускались лица, которые были известны своими непристойными поступками либо грехами, например, пьянством, непотребством и т. д. [2, с. 13]. Таким образом, избранным мирянином становился тот, кто получил наибольшее количество голосов из состава прихода.

Состав Поместного Собора был неоднородным, и мы можем сделать вывод о том, что среди мирян было много представителей интеллигенции. Ни одной женщины не присутствовало вовремя созыва Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви. Большую часть Собора составила церковная интеллигенция, в которую вошли: Гаврилов Феофан Григорьевич, преподаватель Воронежской Духовной семинарии, мирянин от Воронежской епархии, являющийся кандидатом богословия, а также Арапов Александр Иванович, крестьянин, выступил от мирян Саратовской епархии, родом из с. Таловка, Камышинского уезда, Саратовской епархии [2, с. 65].

На Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 гг. были допущены епископы, клирики и миряне, но принятие решений, как уже и упоминалось раньше, было отдано под контроль Соевещания епископов, состоявшего из всех архиереев – членов Собора. Важные решения принимались очень щепетильно и ответственно, так, обратившись к Соборному «Уставу», к статье № 64 раздела № 6, то все важные решения, после их рассмотрения полным составом Собора, подлежали обсуждению с позиции соответствия Священному Писанию, догматам, канонам и церковному преданию и только уже потом утверждению со стороны Соевещания епископов. Совет епископов был ключевым органом, так статья № 6 раздела № 6 «Устава» Собора определяла, что он мог отвергнуть $\frac{3}{4}$ голосов присутствующих на то или иное Соборное решение и передать его на повторное рассмотрение Соевещанию епископов [Там же, с. 43]. Если, и в следующий раз Соборное постановление будет отвергнуто, то оно не получало «силы Соборного определения» и было недействительным.

Работа Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви была прервана гражданской войной и гонениями на Церковь [4]. Состав Собора был неоднородным и внес большой вклад в развитие Русской Православной Церкви. Мы выяснили условия, при которых мирянин мог стать участником Поместного Собора и требования, которые требовались ко всем участникам Собора. Так, характер статьи предполагает развитие данного направления в моих последующих исследованиях.

Литература

1. Дестивель И. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/#0_01 (дата обращения 13.03.2022).
2. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М., 1918. Кн. 1. Вып. 1.
3. Звоноров С. К вопросу о созыве Поместного собора Русской Православной Церкви // БОГОСЛОВ.RU. Научный Богословский портал. [Электронный ресурс]. URL: https://bogoslov.ru/article/304763#_edn1 (дата обращения: 13.03.2022).
4. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2-х чч. М.: Крутицкое подворье, 2004. Ч. 1. С. 166.
5. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2-х чч. М.: Крутицкое подворье, 2004. Ч. 2. С. 827.
6. Положение о составе предстоящего Чрезвычайного Собора Русской Церкви и о порядке производства дел на оном // Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 3-е. Т. 1–33. 1885–1917 гг.] Т. 27. № 29097. С. 229–230.
7. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: в 4-х вып. М.: Новоспас. монастырь, 1994. Вып. 1.
8. Шкаровский М.В. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: его значение в жизни Церкви в советский период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 228–241.

SERGEY FOMENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FORMATION OF COMPOSITION OF LOCAL CATHEDRAL OF THE ORTHODOX RUSSIAN NATIONAL CHURCH IN 1917–1918

The article deals with the Russian National Local Council of 1917–1918. There are revealed the peculiarities of the formation of the composition of the Local Cathedral of the Russian National Church of 1917–1918.

Key words: Composition of Local Cathedral, peculiarities of Cathedral, revolution, reforms, peculiarities of formation of the composition of Cathedral, Holy Council of 1917–1918.

УДК 93

С.А. ФОМЕНКО
(Fomens3@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917–1918 ГОДОВ КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

Статья посвящена Всероссийскому Поместному Церковному Собору 1917–1918 гг. Поднята тема уникальности данного явления. Особое внимание было уделено историографической части данного вопроса. Приводятся различные мнения исследователей, их взгляд и оценка Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. Поднимается вопрос о взаимоотношениях между РПЦ и новой властью.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., уникальность, Декреты Советской власти, революция.*

Всероссийский Поместный Церковный Собор 1917–1918 гг. – это уникальное, не имеющее аналогов явление, в русской церковной, государственной, общественной истории. При Петре Первом происходит подчинение церкви государству. Было ликвидировано, учрежденное в 1589 г., патриаршество. Церковь, по сути, становится одним из государственных органов. Данное явление можно рассматривать как с позитивной точки зрения, так и с негативной.

Вопрос о необходимости созыва Собора поднимался не один раз с первых лет XX в. в беспокойный период Первой русской революции. Именно в 1905 г. Священный Синод запросил у епархиальных архиереев мнения по вопросам о необходимых церковных реформах. Однако консервативные позиции Николая Второго позволили консерваторам откладывать организацию Собора бесконечно долго. Его созыв стал возможен только со сменой власти [6, с. 15–41]. Так, Г. Митрофанов в своем труде выделял, что Собор является авторитетным органом в период безвластия в России. Участники Поместного Собора предполагали, что их мнение будет учтено православными людьми, часть которых несла военную службу [6].

Сначала организацией Собора занимался обер-прокурор В.Н. Львов, а затем его сменил А.В. Карташов, которые стремились к восстановлению патриаршества в России, понимая, что только таким способом можно сплотить православный народ в наступившие тяжелые времена. Участниками Предсоборного присутствия был проделан огромный объем работы за достаточно короткий срок, но результаты данной организации оказались в то время не востребованными.

Так почему же Собор можно назвать уникальным явлением? Во-первых, Собором была проделана огромная работа, так, Ф.И. Виноградов в своей сопроводительной записке писал, что Собором была проделана огромная работа и его труд во много раз превысил деятельность бывших Государственных Дум [5]. Во-вторых, было восстановлено патриаршество в России. На заседаниях Поместного Собора возникали споры о восстановлении патриаршества. Выборы нового Патриарха происходили в преддверии Гражданской войны. Так, 5 ноября 1917 г. состоялись выборы нового патриарха, которым стал митрополит Московский и Коломенский Тихон [10].

Важно выделить, что очень много верующих людей пострадало от политики новой власти, от ее отношения к религии. В следствие, Поместный Собор принял определение: «Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений за гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках... Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за ним воскресный день... исповедников и мучеников» [12].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

И возвращаясь к уникальности созыва Всероссийского Поместного Собора, то исследователи видят его в различных аспектах. Выделим несколько групп мнений церковных иерархов и исследователей на произошедшее. Первая группа видит ключевой момент Собора в учреждении патриаршества и ликвидации синодального периода в истории Русской церкви. Так, патриарх Кирилл, считает, что уникальность Поместного Собора связана прежде всего с учреждением патриаршества [9].

А.Л. Беглов, старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН, увидел уникальность Собора в том, что это был чрезвычайный Собор, которому необходимо было решить масштабную и непростую задачу, стоявшую перед РПЦ. Состав Собора обеспечил ему высокую степень легитимности [3].

Очень велико значение данного Собора в рамках нашего государства и православия в целом. Сегодня Поместный Собор оценивается историками как переломный этап в истории РПЦ, т. к. проблемы, поднимаемые на обсуждение Собора, касались не только узкой сферы религиозных вопросов, но и всего общества в целом. Церковь начала отвечать на социальные и политические процессы своего времени: на демократизацию, на изменения социального устройства, на изменение демографической ситуации и др.

Однако А.Г. Кравецкий, руководитель Научного центра по изучению церковнославянского языка Института русского языка РАН и П.Г. Рогозний, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, видят уникальность в другом, в демократичности, так Кравецкий считает, что Собор был именно избранным органом [1]. Таким образом, по мнению А.Г. Кравецкого, Поместный Собор 1917–1918 годов – это единственный законно избранный орган, существующий в России на тот момент.

П.Г. Рогозний отмечает, что при Временном правительстве, Русская Православная Церковь смогла получить полноценную свободу действий и выборы патриарха – это было именно решение церкви [8].

Можно привести тезис Николая Бердяева из статьи «Падение священного Русского царства», где автор пишет, что: «церковь не должна бояться гонений и преследований, так как самое страшное для церкви – это опека и покровительство» [3, с. 16–23]. Так, 11 декабря 1917 г. Церковь столкнулась с серьезным испытанием, когда Комиссариат народного просвещения принял постановление, в котором сообщалось: «передать из духовного ведомства дела воспитания и образования ведению Комиссариата народного просвещения. Передаче подлежат все церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, академии и другие средние и высшие школы и училища духовного ведомства со штатами и движимым и недвижимым имуществом» [11, с. 96]. И уже 23 января 1918 г. был опубликован Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в котором пункт 9 гласил: «Школа отделяется от церкви» [7]. Теперь преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных учреждениях не разрешалось. Таким образом, эти два декрета коренным образом меняли ранее принятые устои. Поместный Собор в ответ на постановление новой власти «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного Комиссариата по просвещению» принимает постановление, в котором содержится призыв встать православный народ на защиту прав веры. Люди надеялись, что данные действия заставят новую власть иначе посмотреть на происходящие события. Расчет на массовость оказался неоправданным.

Была создана специальная комиссия во главе с А.Д. Самариним, целью которой было поддержание связей с властями. И 28 марта делегация Поместного Собора посетила Совнарком, которую приняли В.Д. Бонч-Бруевич и наркомы Д.И. Курский, представитель комиссариата юстиции, и М.Т. Елизаров, комиссар по страховому делу. Далее глава делегации А.Д. Самарин сказал: «Мы хорошо знаем, какое единодушное чувство глубокого и сердечного возмущения вызвали во всех преданных Церкви православных людях изданный вами декрет о свободе совести и все распоряжения ваши, коими Церковь стесняется в своей жизни и лишается своего достоинства. На все это Православная народ смотрит и не может смотреть иначе как на тяжкое и ничем не вызванное с его стороны оскорбление его религи-

озного чувства и как насилие...» [4, с. 20]. Итогом стало непонимание друг друга обеих сторон, которое не принесло никаких положительных результатов для Русской Православной Церкви.

Таким образом, уникальность Поместного собора можно отметить еще в том, что впервые, начиная с XVII века, в России в Православной Церкви собрался Поместный собор. Все попытки собрать его в начале XX века, вплоть до революции 1917-го года, увенчались неудачами. Причиной во многом стала нерешительность Николая Второго. И только уже в период при Временном правительстве Собор удалось собрать. В результате, деятельность Собора была прервана, и реализация решений Поместного Собора отложена. Так, в 1988 г., когда церковь готовила свой новый Устав, целые фрагменты этого текста были заимствованы из определений Собора 1917–18-го года [2]. Наследие Собора вызывает интерес не только у современных церковных и светских историков, но и представителей современной Церкви. Так, характер статьи предполагает развитие данного направления в наших последующих исследованиях.

Литература

1. Александр Кравецкий в видеоинтервью к столетию Поместного Собора 1917–18 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=myMLyz0hul8> (дата обращения: 12.01.22).
2. Алексей Беглов в видеоинтервью к столетию Поместного Собора 1917–18 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XnnaM4XO5FE> (дата обращения: 12.01.22).
3. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. М.: Астрель, 2007.
4. Деяния Священного собора Православной Российской церкви, 1917–1918 гг. Репр. изд. М.: Новоспас. монастырь, Т. 8 (11): Деяния 118–136, 2000.
5. Дудинов П.А. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. (Состояние источников и вопрос издания его деяний) // Христианское чтение. 1997. № 14. С. 88–96.
6. Митрофанов Г. История Русской Православной церкви. 1900–1927. СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2002.
7. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286–287.
8. Павел Rogoznyy в видеоинтервью к столетию Поместного Собора 1917–18 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3Ivli73vndw> (дата обращения: 12.01.22).
9. Патриарх: наследие Поместного собора 1917 года еще не до конца осмыслено // РИА.Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170824/1501001704.html> (дата обращения: 12.01.22).
10. Попова О.Д. Поместный Собор 1917–1918 годов и проблема духовно-учебных заведений // Религиозные институты и общество. 2007. № 10. С. 86–98.
11. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Вып. 3. М., 1994. С. 55–56.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства от 24 декабря 1917 г. № 9. Отдел первый. С. 131.

SERGEY FOMENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CHURCH COUNCIL OF 1917–1918 AS AN UNIQUE PHENOMENON IN THE HISTORY OF RUSSIA AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article deals with the Russian Church Council of 1917–1918. There is described the theme of the unique character of the phenomenon. There is emphasized the historiographic part of the issue. The author presents the different opinions of the researchers, their view and evaluation of the Russian national Church Council of 1917–1918. There is discussed the issue of the relations of the Russian Church Council and new power.

Key words: Russian Orthodox Church, Russian national Church Council of 1917–1918, unique character, Decree of Soviet regime, revolution.

УДК 93/94

Ю.О. ФРОЛОВА

(yulechka_frolova_02@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СТАЛИНГРАДА/ВОЛГОГРАДА*

Рассматривается феномен в источниковедческой науке, способный визуально передать характерные черты социокультурной истории города-героя Сталинграда/Волгограда. Проведен анализ почтовых открытых писем как исторического источника на региональном примере. Актуализируется использование почтовых карточек как исторического источника.

Ключевые слова: *Сталинград/Волгоград, социокультурная история, визуализация, почтовые карточки, визуальные источники.*

В настоящее время историческая наука постепенно приобщается к проблемам изучения аудиовизуальных источников, что связано, в первую очередь, с глобальной тенденцией визуализации информации и, в том числе, с визуализацией исторического познания. Аудиовизуальные источники или кино-фоно-фотодокументы (КФФД) на этом фоне выступают в роли ценного объекта теоретических исследований в контексте современной источниковедческой науки. Они включают в себе возможность документально отражать реально происходящие события, явления и факты, используя уникальную возможность эстетически воздействовать на человека и его эмоциональную сферу [9]. При этом характерными чертами фотографии, как одной из важнейших составляющих КФФД, выступают, во-первых, её способность зарегистрировать мельчайшие детали происходящего процесса, во-вторых, за счет заключения в себе разнообразной информации, создание условий для интегрированного представления о действительности. Это, в свою очередь, позволяет в полном объеме представить, осмыслить, а затем интерпретировать событие [4, с. 220].

Изучение и использование визуальных источников на фоне постоянно прогрессирующего информационного общества динамично развивается. Расширяется и область научного поиска. В связи с этим, в качестве одного из, своего рода, феноменов в источниковедческой науке можно считать почтовое открытое письмо, которое, очевидно, включает характерные для визуального источника черты, но, в отличие от фотодокументального материала, имеет присущие только ей свойства. Так, открытка имеет, в основном, привлекательный вид, по причине чего она и является инструментом для развития туристической деятельности. Помимо этого, действие, которое она фиксирует, всегда запечатлено только в постановочной съёмке, что, опять же, указывает на её привлекательность. И, безусловно, основная причина тиражирования открыток – государственный заказ.

В настоящее время почтовая карточка не является самостоятельным носителем информации, но существует значительное количество материала исследовательского характера, в котором авторы доказывают её глубокую информативность и, в контексте расширения источниковой базы, возможность применения в качестве исторического документа.

В диссертационной работе М.В. Самбур открытка рассматривается как часть культурного наследия, как специфический тип музейного предмета и документального источника [8, с. 18]. Кандидат исторических наук А.Н. Ларина в своём исследовании акцентирует внимание на условной классификации открытки по двум категориям: документальные и художественные. Исследователь утверждает, что распространение документальных открытых писем по-новому раскрыло феномен фотографии, а новый способ печати значительно удешевил многие печатные процессы, что, в свою очередь, сделало искусство фотографии доступным для многих слоев населения [3]. Исследование докто-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ра исторических наук А.С. Медякова представляется особо ценным для рассмотрения открытки в качестве социокультурного феномена. Автор выделяет следующие социокультурные функции открыток: поддержание социальных связей, коммуникационная, информационная, репрезентативная, образовательно-педагогическая, идеологически-пропагандистская, экономическая и развлекательная. Примечательным является то, что он, в рамках статьи, рассматривает главную социологическую специфику открытки XX в., которая, очевидно, заключалась в ее бытовании на грани публичной и частной сфер. Автор объясняет эту точку зрения следующим образом: «она предлагалась публично, была частью того или иного общественного дискурса, задействовалась в разных социальных практиках, являлась коммерческим продуктом, однако потреблялась частным образом» [5, с. 160]. Таким образом, он делает убедительный вывод об уникальности открытки как источника по социокультурной истории.

В рамках данной статьи целесообразным считаем актуализировать использование почтовых открыток писем как исторического источника на конкретном региональном примере, а именно, на социокультурной истории Сталинграда/Волгограда. Очевидно, открытка не может использоваться в работе как самостоятельный источник информации. К тому же, только комплексный анализ и сопоставление данных нескольких видов источников позволит составить качественную визуализацию той или иной эпохи, поэтому в исследовании рассмотрим открытые почтовые карточки в совокупности с фотодокументами и нарративным материалом.

Для начала следует обратить внимание на трагическую страницу в истории города, на её разрушительный характер и губительные последствия. Сталинградская битва – героическое сражение, которое стало коренным переломом в ходе Второй Мировой и Великой Отечественной войны и, в то же время, губительным моментом для существования города. Сталинград был разрушен до основания и по предложению У. Черчилля должен был остаться в таком виде в назидание потомкам. Однако уже через несколько месяцев после окончания битвы начались работы по возрождению города и к 1950 г. Сталинград был практически восстановлен. С этого момента основные действия государства в отношении города были, в основном, направлены на его развитие, сохранение его статуса крупнейшего индустриального центра юга СССР, а также становление его как социокультурного центра. Осуществление этих действий отражалось в источниках, визуальных в том числе.

Одна из особенностей изучения почтовых карточек заключается в «транслировании» идеологических и социокультурных установок советской власти через государственный заказ. Для каждого исторического периода, при каждом руководителе эти установки корректировались, а значит, видоизменялась и открытка, её ракурсы и объекты. Для начала 1950-х сохранялась тотальная цензура за литературным и художественным содержанием печатных изданий. В 1954 г. был выпущен блок открыток «Сталинград», состоящий из 16 различных сюжетов города, три из которых очень четко отражают деятельность советской власти. Рядом с драматическим театром стоит памятник руководителю СССР (см. рис. 1), одна из первых открыток в альбоме посвящена проспекту им. В.И. Ленина, как вождю советского государства (рис. 2 на с. 156), и на последней карточке изображен дом юстиции как символ централизованного государства (рис. 3 на с. 156).

Рис. 1. Сталинград. Драматический театр им. М. Горького, 1954 г. [6]

Рис. 2. Сталинград. Проспект В.И. Ленина, 1954 г. [6]

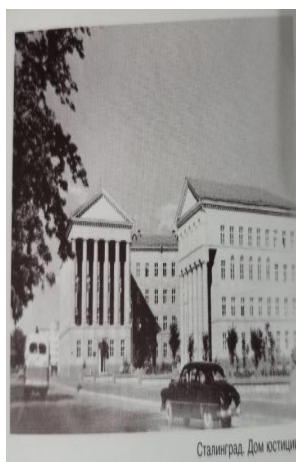

Рис. 3. Сталинград. Дом юстиции, 1954 г. [Там же]

В период «оттепели» в определенной степени было ослаблено идеологическое давление на литературу и искусство со стороны партийно-государственных структур. После XX съезда партии, на котором Н.С. Хрущев выступил с критикой культа личности, почтовые открытки с изображением монументальных скульптур И.В. Сталина не печатаются. Примечательным является появление серии цветных почтовых карточек, что делает их более привлекательными, а объекты реалистичнее (рис. 4, рис. 5 на с 157).

Рис. 4. Улица мира, 1960 г. [7]

Рис. 5. Проспект Ленина, 1960 г. [7]

С сер. 1960-х – 1970-е гг. акцентируется внимание на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. В 1965 г., в честь двадцатилетнего юбилея победы советских войск, день 9 мая был признан общенародным праздником. С этого времени юридически оформлен статус «ветеран», тиражируется большое количество открыток с памятными объектами городов. Одним из главных объектов на почтовых карточках Волгограда становится Мамаев Курган, как символ города-героя, города-памятника (рис. 6, 7). Всё также остается на открытке вид площади им. В.И. Ленина, но уже с изменением ракурса и приданием цвета. Здесь уже появляется и изображение памятника идеологу советской власти В.И. Ленину (рис. 8 на с. 158). Это говорит о существовании в данный период двух уровней культурной жизни: официально-советский (действие в рамках существующей идеологии) и демократический (часто подвергался партийной критике).

Рис. 6. Площадь Героев, 1970 г. [1]

Рис. 7. Проспект им. В.И. Ленина, 1970 г. [Там же]

Рис. 8. Памятник В.И. Ленину, 1970 г. [1]

В 1980-е гг. происходит новый виток «оттепели» в духовной и культурной жизни советского общества, связанной с политикой «гласности». Именно поэтому активное тиражирование почтовых карточек с видом городов и местностей приходится на 80-е гг. XX в. Большинство комплектов сюжетных открыток с видами и достопримечательностями города было выпущено к 1989 г. в честь 400-летнего юбилея Царицына/Сталинграда/Волгограда (рис. 9, рис. 10, рис. 11 на с. 159). В одном из таких комплектов из 18 сюжетов 10 позиционируют Волгоград как город-герой и город-памятник. Очевидно, рассмотренные периоды имеют свои особенности, но общим в открытке остается одно – отражение развития советского государства в накопленном визуальном наследии.

Рис. 9. Мемориальный комплекс на аллее Героев», 1969 г. [2]

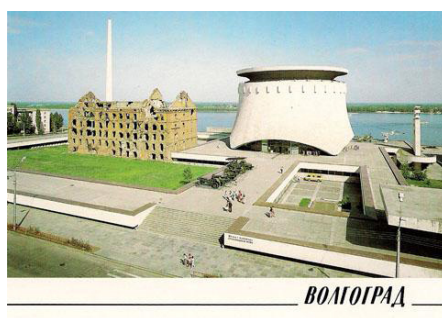

Рис. 10. Музей-панорама «Сталинградская битва», 1969 г. [Там же]

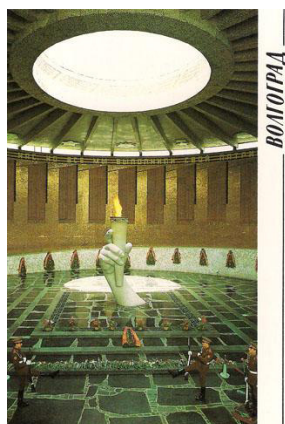

Рис. 11. Мамаев курган. Зал воинской Славы, 1989 г. [2]

Считаем целесообразным на фоне советских карточек рассмотреть новые художественные образцы с сюжетами Волгограда от современных авторов. Они выполнены в достаточно интересной стилистике и очень явно отражают неподдельный интерес к историческим памятным местам (в данном случае – Мамаев Курган) славного города (рис. 12). Рис. 13 символизирует главную высоту России, которая возвышается над городом-героем и облик ей виднеется отовсюду.

Рис. 12. Мамаев Курган, 2021 г. Даулеткалиева Алина

Рис. 13. Мамаев Курган, 2021 г. Циганкова Анна

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Почтовое открытое письмо является уникальным феноменом в источниковедческой практике за счет присущих особенностей, отличающих её от фотографии, а так же за счет ее бытования на грани публичной и частной сфер социокультурной жизни общества. Как отмечалось ранее, комплекты почтовых открыток в Советской стране печатались исключительно по государственному заказу. Благодаря тиражированию государством открыток визуальному анализу подлежали материальные, социальные и культурные достижения советской страны, значительная часть которых, в частности Сталинграда/Волгограда, сегодня входит в число историко-культурного наследия современной России, что указывает на возможность использования открыток в изучении и сохранении социокультурной истории.

Литература

1. Волгоград 1970-х гг. // Советские открытки. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZBErV> (дата обращения: 04.12.2021).
2. Комплект открыток «Волгоград». М.: Изд-во «Плакат», 1989.
3. Ларина А.М. Почтовая открытка в руках историка // Историк и художник. 2004. № 2. С. 109–121.
4. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания: моногр. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 2005.
5. Медяков А.С. Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 146–162.
6. Открытки. Сталинград. Волгоград: Изд. дом «Все для вас», 1998.
7. Открытки. Сталинград. М.: Московская типография № 2 «ИЗОГИЗ», 1960.
8. Самбур М.В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.
9. Фролова Ю.О. Визуализация восстановленного Сталинграда посредством фотодокументов и почтовых карточек // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2021. № 3(38). С. 150–159. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1623325957.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

YULIYA FROLOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

POST OPEN LETTERS AS THE VISUAL SOURCE OF THE SOCIOCULTURAL HISTORY OF STALINGRAD/VOLGOGRAD

The article deals with the phenomenon in the source study science, that is able to transfer visually the characteristics of the sociocultural history of the heroic city Stalingrad/Volgograd. There is conducted the analysis of the post open letters as the historical source based on the regional example. There is actualized the use of the post cards as the historical sources.

Key words: *Stalingrad/Volgograd, sociocultural history, visualization, post cards, visual sources.*

УДК 94 (470.45)

В.С. ХРИЩАТЫЙ

(vladislav.hrischatiy@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(22.06.1941 – 02.02.1943 гг.)***

Рассматриваются мероприятия, проведенные Сталинградской партийной организацией по мобилизации населения г. Сталинграда к отпору агрессора, а также решения данного органа по организации партизанского движения в тылу врага.

Ключевые слова: Сталинградская партийная организация, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, мобилизация, ГКО, народное ополчение, партизанское движение, Сталинградский корпус народного ополчения.

Великая Отечественная война, по существу, считается наиболее существенной составной частью такого глобального мирового события, как Вторая мировая война, которое произошло в середине XX в. Для Советского Союза это было время, когда все подсистемы жизни советского общества – экономическая, политическая, социальная, духовная и военная, были переведены на военный лад и требования войны. Главным направлением, в котором сходились все усилия народа, вооруженная борьба против захватчика. Особенно остро это видно в период Сталинградской битвы, когда произошел коренной перелом в ходе войны.

Мобилизацию населения по борьбе с агрессором нельзя рассматривать в отдельности от общих постановлений руководства СССР, особенно на первых этапах начала войны. В этом ряду первым стоит выступление В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 г., где он официально сообщил советскому народу о нападении нацистской Германии и ее союзников на Советский Союз. Следующим шагом по мобилизации населения стало выступление по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И.В. Сталина 3 июля 1941 г., которое, по сути, являлось первым обращением главы Правительства СССР к советскому народу после начала Великой Отечественной войны. В своей речи Иосиф Виссарионович Сталин призывал реорганизовать всю трудовую деятельность страны под манер перехода к политике «военных рельс» таким образом, чтобы результаты данной деятельности, в общей совокупности, смогли отвечать всем интересам фронта и задачам организации разгрома врага. В этой же речи «в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину» [3], вся полнота власти была передана Государственному Комитету Оборона (ГКО). 22 октября 1941 г. Постановлением ГКО СССР № 830 о создании городских комитетов оборона, был образован ГКО в том числе в городах Сталинградской области – Сталинграде, Астрахани и Камышине [10].

Начиная с 26 июня 1941 г., на всей территории Советского Союза было издано Постановление «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», где отменялись отпуска, вводились сверхурочные, увеличен рабочий день. В это же время произошло массовое патриотическое движение женщин и старшекласников, которые заменили собой на заводах, ушедших на фронт мужчин [2, с. 465].

До весны 1942 г. мероприятия Сталинградской партийной организации соответствовали деятельности Государственному комитету оборона страны. Более детальные документы, касающиеся непосредственно деятельности Сталинградского комитета оборона и Сталинградской партийной организации, можно встретить с весны 1942 г. Так, например, Постановления Сталинградского городского комитета оборона № 271-300. 1 мая – 4 июля 1942 г. наглядно нам демонстрируют, как оперативно ре-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

шались проблемы по охране оборонительного рубежа и сооружений в Красноармейском районе (документ № 275.14.У) [11]. В пунктах 2–5 приказывается мобилизовать силы колхозов, совхозов (выделить лица) для охраны оборонительного рубежа, организовать сбор по всему рубежу оставленного там инструмента и материала. В Постановлении № 276 «О выполнении мероприятий по противовоздушной и противохимической обороне в Краснооктябрьском районе» видно, что население не только привлекают к трудовой работе, но и обучают по ускоренным программам ПВХО, хотя по объему они не выполняют нормы, поставленные Государственным комитетом обороны страны.

Строительство оборонительного рубежа также происходило посредством мобилизации местного населения. В пример можно привести Постановление Сталинградского обкома ВКП(б) о строительстве оборонительного рубежа в Сталинградской области от 24 июня 1942 г. [12], где в порядке платной трудповинности (5 руб./день) приказывается привлечь мужское и женское трудоспособное население в возрастных рамках от 16 до 55 лет на 15 дней для строительства рубежа. В строительстве оборонительного рубежа были также включены студенческие и преподавательские коллективы Сталинградского педагогического института. Именно 23 августа 1942 г., в день, когда произошла массированная бомбардировка Сталинграда, а гитлеровцы прорвались к Волге севернее Тракторного завода, на сооружение фортификационных сооружений в виде оборонительных рубежей и баррикад, а также в уходе за ранеными непосредственное участие принимали члены института С.М. Шаталина, Е.П. Мещаринова, Н.А. Витушенко, П.М. Михайлова, Л.Р. Доброва, Л.М. Новикова, А.И. Лысенкова, Б.М. Ручко, А.Д. Кашковская, а также такие студенты, как В. Ворочкова, А. Ерина, Э. Нирлевид, И. Кадькова, Н. Никитина, О. Бузулуцкая и мн. др. [1, с. 105]. Помимо этого, силы населения использовались для перегона скота в более безопасные районы [8], для перевозки детей-сирот [9], организации обороны и охраны на улицах и др.

Помимо этого, в Сталинграде создали народное ополчение, что подтверждается рядом документов, приведенных в данной работе. Говоря о первоначальной структуре Сталинградского народного корпуса ополчения, стоит сказать, что до нынешнего времени информация об этом военизированном формировании предоставляется совершенно разная. Мы будем придерживаться мнения Михаила Александровича Водолагина, который обозначил наиболее крупные части, входившие в состав Сталинградского народного ополчения. На первый план Михаил Александрович ставил Сталинградскую стрелковую дивизию, обосновывая это тем, что данное воинское соединение отличалось по штату кадровых дивизий РККА, а также не обладало в своей структуре истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона, батальона связи разведроты, артиллерийского полка, саперного батальона.

На период августа 1941 г. Сталинградский корпус народного ополчения насчитывал в своем составе около 63 тыс. человек; в свою очередь, он разделялся на следующие тактические соединения:

- Астраханский стрелковый полк (1,2 тыс. человек);
- Сводную Донскую кавалерийскую дивизию (2 тыс. ч., командир Н.Ф. Цепляев);
- Ворошиловский стрелковый полк (2,5 тыс. человек, командир – директор чулочной фабрики заводчиков);
- Ерманский стрелковый полк (2,5 тыс. человек, командир – зав. облсобесом Ф.И. Дедиков);
- Сталинградская стрелковая дивизия (на 17 июля 1941 г. подано 26698 заявлений, из них зачислено 8 тыс. человек, командир А.М. Поляков, комиссар – А.А. Вдович). В Сталинградской стрелковой дивизии было подразделение на: Подразделение боевого обеспечения, Минометный дивизион (Ворошиловский район), Артиллерийский дивизион (Баррикадный район) и Краснооктябрьский стрелковый полк (2,5 тыс. человек, командир – И.Д. Несветайло) [14, с. 37].

На первом этапе народные ополченцы по правам больше были схожи с трудящимися, но уже к моменту наступления второго этапа, который начался в конце 1941 – начале 1942 гг., начинается происходит процесс фактического приписывания ополченцев к военнослужащим лицам в рамках вопросов о материальном, пенсионном и денежном содержании. Материальная база Сталинградского корпуса народного ополчения постепенно формировалась при непосредственной поддержке город-

ских и областных предприятий. В целом, можно сказать о том, что к моменту начала Сталинградской битвы Сталинградский корпус, как полноценное военизированное формирование, проходил этап реорганизации, в ходе которого происходил новый набор ополченцев в данный корпус.

На момент начала Сталинградской битвы, которая состоялась 23 августа и была ознаменована мощнейшим авиаударом по Сталинграду [2, с. 249], Сталинградская партийная организация издала постановления по укреплению оборонительного рубежа и работы в тылу, которые были реализованы с 17 июля по 15 августа с использованием рабочей силы мирного населения, в том числе детей от 16-ти лет:

- постановление № 320 Об изготовлении колючей проволоки (8 тонн в день);
- постановление № 322 О вывозе из Сталинграда по назначениям всего неиспользуемого и излишнего оборудования, а также оборудования, эвакуированного из других областей;
- постановление № 323 О мобилизации населения к трудовой повинности (женщины от 16 до 50-ти лет, кроме матерей с грудными детьми, мужчин от 16 до 6-ти лет);
- постановление № 323 О строительстве автогужевых паромных переправ через р. Волгу;
- постановление № 328-330, № 337 О мероприятиях по укреплению пожарной охраны города, по обеспечению предприятий и населения г. Сталинграда водой, по обеспечению бесперебойного электроснабжения при налетах вражеской авиации и другие документы.

Советское командование осознавало, что предпринятые контрмеры дадут лишь временное облегчение, поэтому параллельно с тыловыми работами И.В. Сталин утвердил план формирования и сосредоточения в районе г. Сталинграда 1-й и 4-й танковых армий. К 23 августа было эвакуировано более 100 тыс. жителей. Однако в городе оставалось еще более 400 тыс. человек, которые в той или иной степени были задействованы в работах на заводах, на улицах для сооружения баррикад и др.

В это же время по всей стране распространилось партизанское движение, а также развернулась борьба разведчиков за достоверные данные и рассекречивание планов врага. Так, например, к лету 1943 г. партизаны действовали на 1/6 части оккупированной территории [Там же, с. 423–440], а на момент ведения оборонительных боевых действий Сталинградской битвы (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и в ходе разработки и подготовки контрнаступления обсуждался и решался достаточно солидный спектр вопросов и задач специалистами из зарубежных и местных резидентур военной разведки. В числе таких вопросов и задач были:

- добыча информации касательно планов германского военного руководства на зимний период войны 1942–1943 гг.;
- поиск информации и её детальное уточнение по вопросам о составах и районах расположения резервов армии вермахта и его союзников;
- добыча сведений касательно проводившейся в Германии мобилизации, а также отношение к данному процессу местного населения;
- добывание информации о дислоцировании резервных войск на территории Германии, их количестве, путях переброски на Восточный фронт, организации и вооружении;
- поиск информации о возможной подготовке германских войск к использованию химического оружия и др. [13].

На начальный этап Сталинградской битвы приходится всего два постановления, которые так или иначе регламентируют деятельность и функционирование партизанского движения. Первое – постановление № 419 от 7.09.1942 г. говорило о необходимости признать партизанские отряды Калачевский и Кагановичский и временно отправить их в тыловые районы области для переформирования, после чего заведующий военным отделом ОбКома ВКП(б) т. Петрухин должен был согласовать партизанское движение со штабом Сталинградского фронта и помочь с переправкой в намеченную зону [6].

В Постановлении № 429-а дает нам точный количественный состав сформированного к 5 декабря 1942 г. партизанского отряда в г. Сталинград. Всего в него вошло 273 человека-добровольца из 17 районов. Из документа также следует, что партизан обучали и подготавливали перед тем, как давать им какие-либо указания [7]. В целом, вся партизанская деятельность регулировалась «сверху».

Так, например, генерал-майор Т.П. Кругляков был назначен представителем ЦШ ПД (Центральный штаб партизанского движения) на Сталинградском фронте И.В. Сталиным с рекомендаций К.Е., Ворошиловым и начальника ЦШ ПД П.К. Пономаренко [4].

Другой документ, касающийся партизанского движения в г. Сталинграде и прилегающих территориях дает нам понять не только численность одного партизанского отряда, отправляемого на задание, но и саму деятельность партизан. Так, они должны:

- путем непрерывных налетов перелицовывать движения противника;
- поджигать и взрывать мосты, железные дороги и другие виды коммуникаций;
- уничтожать автотранспорт и обозы противника;
- уничтожать склады с вооружением, боеприпасами, продовольствием и горючим;
- истреблять живую силу противника и предателей Родины [5].

Что касается тылового движения в самом Сталинграде, то в отношении людей она заключалась в распределение их на работы на заводах и улицах, а в отношении заводов – к перестроению своей инфраструктуры и производства на военные «рельсы». Например, Сталинградская партийная организация могла издать указ о необходимости произвести то или иное изделие (колючая проволока, макеты танков, мины и т. п.) в определенном количестве к установленному времени.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, что Сталинградская партийная организация на момент начального периода Великой Отечественной войны играла ведущую роль в Сталинградской области по урегулированию всей деятельности предприятий и тыла. Введенные в научный оборот архивные документы только подтверждают важность централизующего органа. Благодаря Сталинградскому городскому комитету обороны были произведены своевременные изменения по производству необходимых изделий, организована партизанская работа, строительство баррикад и др.

Литература

1. Болотов Н.А. Преподаватели и студенты Сталинградского педагогического института на защите города в годы Великой Отечественной войны // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2008. № 3(27). С. 104–107.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Кучково поле, 2015.
3. Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300196#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 06.01.2022).
4. Докладная записка главнокомандующего партизанским движением К.Е. Ворошилова и начальника ЦШПД П.К. Пономаренко И.В. Сталину с ходатайством об утверждении генерал-майора Т.П. Круглякова представителем ЦШПД на Сталинградском фронте. 9 октября 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/dokladnaya-zapiska-glavnokomanduushchego-partizanskim-dvizheniem-ke-voroshilova-i-nachalnika-cshpd> (дата обращения: 08.01.2022).
5. План организации и засылки партизанских отрядов на территории Котельниковского и Верхнекурмоярского районов Сталинграда. [1942 г.]. [Электронный ресурс]. URL: <https://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/plan-organizacii-i-zasylki-partizanskih-otryadov-na-territorii-kotelnikovskogo-i-verhnekurmoyarskogo> (дата обращения: 08.01.2022).
6. Постановление № 419 О партизанских отрядах Калачевском и Кагановичском (доклад т.т. Левшин и Самышкин). [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-401a-429a> (дата обращения: 06.01.2022).
7. Постановление № 429-а О передаче штабу партизанского движения Сталинградского фронта. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-401a-429a> (дата обращения: 06.01.2022).
8. Постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и Сталинградского облисполкома «Об эвакуации скота, имущества, средств производства колхозов, МТС, совхозов и других государственных, кооперативных и общественных организаций и районов, расположенных по правому берегу рек Хопра и Дона (п. 8). 13 июля 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-byuro-stalingradskogo-obkoma-vkp-b-i-stalingradskogo-oblispolkoma-ob-evakuacii-skota> (дата обращения: 08.01.2022).
9. Постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и Сталинградского облисполкома «Об эвакуации детских домов за пределы Сталинградской области» (п. 36). 18 августа 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-byuro-stalingradskogo-obkoma-vkp-b-i-stalingradskogo-oblispolkoma-ob-evakuacii-detskih-domov> (дата обращения: 08.01.2022).
10. Постановление ГКО СССР № 830 о создании городских комитетов обороны, в том числе в городах Сталинградской области – Сталинграде, Астрахани и Камышине. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-gko-sssr-no-830-o-sozdanii-gorodskih-komitetov-oborony-v-tom-chisle-v-gorodah> (дата обращения: 08.01.2022).

11. Постановление Сталинградского городского комитета обороны № 271-300. 1 мая – 4 июля 1942 г. Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 17. Оп. 88. Д. 507. Л. 220, 223–262. Подлинник. Машинописный текст, подпись – автограф председателя Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуянова. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovleniya-stalingradskogo-gorodskogo-komiteta-oborony-no-271-300> (дата обращения: 08.01.2022).

12. Постановление Сталинградского обкома ВКП(б) о строительстве оборонительного рубежа в Сталинградской области. 24 июня 1942 г. Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 17. Оп. 42. Д. 473. Л. 80–81. [Электронный ресурс]. URL: <http://stalingrad.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-stalingradskogo-obkoma-vkp-b-o-stroitelstve-oboronitel'nogo-rubezha-v-stalingradskoy> (дата обращения: 08.01.2022).

13. Сталинградская битва военной разведки // Министерство Обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://stat.mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11191469@cmsArticle (дата обращения: 08.01.2022).

14. Усик Б.Г. Народное ополчение Сталинграда июль 1941 – февраль 1943: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дисс. ... канд. историч. наук. Волгоград, 2007.

VLADISLAV KHRISCHATIY
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE ACTIVITY OF THE STALINGRAD PARTY ORGANIZATIONS
IN THE CONDITIONS OF THE WAR TIME**

The article deals with the events, conducted by the Stalingrad party organization aimed at the mobilization of the population in Stalingrad to repel an aggressor, and its solutions of the organization of the guerilla movement in the enemy's rear.

Key words: Stalingrad party organization, the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, mobilization, State Defense Committee, citizen militia, guerilla movement, the Stalingrad corps of citizen militia.

УДК 93/94

В.М. ЦЫБУЛИНА

(viktoriacybulina903@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПОРТАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Анализируются научные труды калмыцких авторов: В.Б. Убушаева, Э.-Б.М. Гучиновой в контексте изучения региональной историографии депортации калмыцкого народа. Выявляются особенности и ключевые проблемы изучения депортации калмыцкого народа.

Ключевые слова: историография, региональная историография, депортация калмыков, ученые-калмыки, исторические исследования, Калмыцкая АССР.

В годы сталинизма десятки тысяч калмыков пострадали, оказавшись высланными из мест постоянного проживания. Депортация калмыцкого народа одна из самых актуальных тем современных калмыцких исследований. События 1943-го года, связанные с формой политических репрессий по национальному признаку, по настоящий день болью откликаются в сердцах представителей калмыцкого народа. Во избежание фальсификации истории данного периода, в интересах сохранения памяти о принудительной высылке калмыков, историки кропотливо исследуют имеющиеся источники. В свою очередь, это способствует формированию большого историографического наследия.

Изучение и систематизация историографических знаний формирует фундамент для новых исследований, исходя из интереса современного Российского общества к сохранению своей национальной идентичности. Это находит свое отражение в актуальности данной работы.

Первые научные статьи и публикации этого вопроса начинают появляться только в 1980-х гг. из-за проблемы доступности соответствующих архивных фондов. Исследования данной проблематики были вызваны необходимостью детального изучения механизма сталинских репрессий для их должного научного обоснования.

По проблемам депортации, и в том числе калмыков, в российской историографии накопился достаточно большой пласт работ. Среди них выделяется исследование «Депортация народов», автором которой является Н.Ф. Бугай, поставивший своей целью раскрыть процессы депортации. Данная работа представляет собой исследование, основанное главным образом на архивных документах [2]. Обобщаются причины, легшие в основу насильственных перемещений представителей «неугодных» правительству народностей, а затем дается краткая характеристика депортации практически каждой из высланных национальностей.

С изучением данного вопроса связано исследование П.М. Поляна «Не по своей воле...», где рассматриваются исторический и географический аспекты принудительных миграций в СССР [5].

Интерес к проблеме депортаций также отражен в работе В.Н. Земскова «Заклученные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные», которая базируется на многочисленных статистических данных [4].

Дискуссии в научной среде являются катализатором, если не причиной многочисленных исследований. Большое количество научных позиций породило множество дискуссионных вопросов относительно причин депортации калмыцкого народа и споры, связанные с тем, можно ли назвать репрессивные меры И.В. Сталина в адрес представителей советского народа геноцидом [1].

Ввиду обширности данной темы, является целесообразным конкретизировать изучение историографии депортации калмыцкого народа до её региональной составляющей.

Необходимо отметить, что тема депортации калмыцкого народа является и частью истории Сталинградской – Волгоградской области. 28 декабря 1943 года Калмыцкая АССР была упразднена,

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

а ее административно-территориальное устройство было изменено. До упразднения Калмыцкой автономии в республику входило 13 улусов (районов). Во время реорганизации районы передавались в состав соседних областей. Так, Малодербетовский и Сарпинский районы вошли в состав Сталинградской области. Однако у волгоградских краеведов не возникает интереса к этой теме. Возможно, причиной этому является активное изучение данной проблемы историками-калмыками. Из современных волгоградских краеведческих исследований можно отметить статью Ф.А. Такташевой, в которой автор в контексте изучения вопросов численности населения Сталинградской области поднимает вопросы интеграции присоединенных территорий в экономику области. Автор отмечает, что вхождение в состав опустошенных районов бывшей Калмыцкой республики, требующих заселения и особого со стороны администрации внимания, оказалось проблемным, и не способствовало экономическому и демографическому развитию Сталинградской области [6].

Большой вклад в развитие региональной историографии данного вопроса внес В.Б. Убушаев. Особое внимание привлекает его фундаментальная работа «Калмыки: выселение и возвращение», её ценность, главным образом, заключена в том, что многие документы, на которые ссылается автор, впервые публикуются именно в этой книге [7]. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» – документ, представляющий особую ценность для исследующих процесс депортации калмыцкого народа. Самим автором отмечается, что поиск документации по данной теме бы вызвал трудности даже у историка – профессионала, поэтому изучив эти документы и опубликовав часть из них, работа В.Б. Убушаев способствовала распространению знаний по данной теме в доступной форме для широкого круга людей [Там же].

К слову, главной причиной депортации калмыков в Указе «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» назван коллаборационизм. В.Б. Убушаев не разделяет официальную точку зрения: «В чем только не обвинялся калмыцкий народ: в период оккупации калмыки якобы изменили Родине, предавали немцам честных советских граждан, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии...». Автор придерживается позиции относительно того, что депортация калмыцкого народа была четко спланированной властью акцией [Там же].

Говоря о тяжбах военного времени, сопровождающегося депортационными процессами, автор ссылается на воспоминания очевидцев или непосредственных участников событий.

Ссылаясь на документы, автор показывает депортации калмыков комплексно, исследует ее причины, показывает последствия. Однако для более глубокого понимания сути проблемы вместе с анализом архивных источников автор прибегает к использованию в своей работе источников личного происхождения. Воспоминания В.Э. Нахатиновой (Буриновой), Б.Э. Тугульчиева, А. Балакаева не только содержат информацию, которую сложно найти в источниках официального делопроизводства, но и придают исследованию «человеческое» содержание [7].

Рассматривая тему региональной историографии, хочется обратиться к еще одному исследователю Э.-Б.М. Гучиновой и ее работе «“Я – высланная, ты – без ноги”. Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд». Это исследование привлекает к себе особое внимание из-за относительно новых исследовательских перспектив, что делает этот труд актуальным и позволяет интегрировать исследования о калмыках в общенаучные перспективные направления, расширяя и углубляя знания данной темы. На примере гендерного аспекта в исследовании Э.-Б.М. Гучиновой это доказывается [3].

Автор находит точки соприкосновения с современными историческими перспективами, каковыми и является история взаимодействия мужского и женского опыта как одного из наиболее важных аспектов социальной организации. «“Я – высланная, ты – без ноги.” Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд» – исследование, которое основано на материалах двадцати устных историй, собранных автором в России в период с 2003 г. по 2004 г. – в Элисте и Москве. Респонденты, чьи 10 мужских и 10 женских историй легли в основу работы, являлись представителями разных поколений: выселенных взрослыми, выселенных в детском возрасте и родившимися в Сибири [Там же].

Данное исследование позволяет проследить особенности стратегий выживания в экстремальных условиях принудительного перемещения, относительно гендерной принадлежности спецпереселенцев. Автор также обращает внимание, что данные стратегии имеют ряд отличий в зависимости от той или иной культуры, приводя примеры с чеченским и калмыцким народами [3].

Таким образом, отличительной особенностью калмыцких исследований является то, что фундаментом для них служат многочисленные источники личного происхождения, в то время как ученые, не относящиеся к числу выходцев Калмыцкой республики, опираются в большинстве своем на архивные официальные документы.

Региональная историография темы депортации калмыцкого народа представляют собой обширные в количественном и качественном смысле научные работы. Региональная историография таковой проблематики интегрирована в общероссийскую совокупность исторических исследований данной направленности, что можно отнести к достижениям калмыцких историков. Помимо прочего, пользуясь богатством источников личного происхождения, калмыцкие исследователи наделяют региональную историографию рядом особенностей, обращение к которым способно обогатить историографическое наследие всего государства.

Литература

1. Авлиев В.Н., Убушаев В.Б. Депортация калмыков в трудах калмыцких исследователей (1991–2007 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 2(26). С. 4–12.
2. Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 306–330.
3. Гучинова Э.-Б.М. «Я – высланная, ты – без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaronica. 2007. Т. 24. PP. 74–99. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/stati/deportaciy.html> (дата обращения: 20.12.2021).
4. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
5. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://booksee.org/book/630545> (дата обращения: 20.12.2021).
6. Такташева Ф.А. Численность населения и административно-территориальные преобразования Сталинградской области в 1940-е – 1950-е гг. // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2021. № 6(77). С. 139–142. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1638448084.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).
7. Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991.

VICTORIYA TSYBULINA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF THE REGIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE DEPORTATION OF THE KALMYK PEOPLE

The article deals with the analysis of the scientific papers of the Kalmyk authors: V.B. Ubushuev and E.-B.M. Guchinova in the context of studying the regional historiography of the deportation of the Kalmyk people.

There are revealed the peculiarities and key issues of the study of the deportation of the Kalmyk people.

Key words: historiography, regional historiography, deportation of the Kalmyks, the Kalmyk scientists, historical research, Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic.

УДК 908(470+571)

С.В. ЧЕРКАСОВА

(sveta.cherkasova.02@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ В ЦАРИЦЫНЕ*

Рассматривается процесс становление почтовой службы в г. Царицыне в XVII–XIX вв. в органической связи с аналогичным процессом в государственном масштабе. Автор выделяет особенности этого процесса в регионе, связанные с географическим положением города.

Ключевые слова: почтовая служба, почтовая корреспонденция, ямская гоньба, почтмейстер, почтамт, почтовая станция, почтовый тракт, почтовые учреждения.

Актуальность исследования определяется значимостью краеведческих исследований для реконструкции и определения взаимовлияния процессов, происходивших в масштабе государства и на региональном уровне.

Цель исследования – проследить процесс становления почтовой службы в Царицыне и выявить его особенности. Для этого необходимо выяснить причины организации почтовой службы в Царицыне, рассмотреть этапы развития почтовой службы в Царицыне в контексте общих тенденций развития почтовой связи в России.

В региональных краеведческих исследованиях проблема организации почтовой службы не нашла должного отражения [1]. Практически единственным обзорным историческим очерком является работа историка-архивиста В.В. Мельниковой [10].

Отправление корреспонденции в нашей стране начинается в XIII в. Почтовые отношения до XVII в. осуществлялись с помощью ямов, т. е. специальных мест, в которые население поставляло определенное количество лошадей. Оно также осуществляло ямскую гоньбу [2, с. 801]. В 1550 г. является Ямская изба, которая ведала ямской гоньбой. Позднее она была переименована в Ямской приказ.

Руководитель Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин в 1665 г. организовал регулярную почту для связей с иностранными государствами [Там же, с. 8].

В конце XVII в. в России учреждается должность почтмейстера. Первым почтмейстером был А.А. Виниус. В 1695 г. Петр I, отсылая письма Ф.Ю. Ромодановскому и А.А. Виниусу, указывал на медлительность почты. В это время Петр I находился в Азовском походе и многие письма из Москвы в Азов доставлялись через Царицын. В связи с этим в 1695 г. в Царицыне был основан почтовый двор для обслуживания Посольского приказа [Там же, с. 9].

Помимо официальной корреспонденции почтари возили и письма частных лиц.

Активная внешняя и внутренняя политика Петра I обусловила необходимость организации почтовой службы на государственном уровне. 12 сентября 1712 г. «от Рославля на Смоленск, на Луки Великие, на Псков и прочие города до Риги» учреждаются почтовые станции [17, с. 564]. Через два года издается указ «Об учреждении почты от Санкт-Петербурга до Москвы и о назначении в неделю двух почтовых дней» [7, с. 117]. В этом же году начинают устраивать почтовые станы для ямщиков.

В 1719 г. управление почтовым делом передается Коллегии иностранных дел.

В 1720 г. «в знатных городах по большим дорогам» создается ординарная почта от Санкт-Петербурга до Москвы и до других городов [13, с. 1041–1042]. В рамках этого 7 августа 1722 г. издается указ «О поставке верстовых столбов до Астрахани» [8, с. 756]. В этом документе обозначен и Царицын, который становится связующим звеном между Москвой и Астраханью. В этом же году Петр I издает указ «О построении на станах светлиц и изб с сенями и о заготовлении подвод для шествия государя по почтовому тракту от Москвы до Царицына». По этому тракту на каждый стан изготавли-

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

вали по сто шестьдесят подвод: от Москвы до Хоперской крепости ямскими, а от Хоперской крепости до Царицына казаками; а «стан от стану должны были поставить по светлице белой и по черной избе» [20, с. 570–571].

Все почты находились в ведении генерал-почт-директора. Эту должность первым занял вице-канцлер П.П. Шафиров, которому еще в 1701 г. было передано управление почтовым делом. Было создано центральное почтовое управление и четыре местные конторы (позднее на немецкий манер их стали называть почтамтами). Была определена цена почтовых пересылок. В 1740 г. был издан указ «Об устройстве почт во всех губерниях и провинциях» для того, чтобы «способы к пересылке писем всякому свободны были» [2, с. 801].

Почтовые тракты Царицына в это время использовались не только для пересылки почтовой корреспонденции, но и для перевозки фруктов к императорскому двору. От Москвы до Царицына пересылка осуществлялась сухопутным путем, а от Царицына до Астрахани только водным [2, с. 802]. О перевозке фруктов ко двору указывается и в именных указах императрицы Елизаветы Петровны от 8 июля 1745 г. [9, с. 416]. Учитывая эту информацию, можно предположить, что в г. Царицыне располагалось «фруктовое» почтовое отделение.

11 марта 1751 г. Сенат издает указ «Об учреждении от Москвы до Саратова, чрез Муром, особых почтовых станом» [18, с. 416]. В нем на протяжении от Москвы до Саратова учреждаются особые почтовые станы, в каждом из которых должно содержаться по 4 лошади. С этим же указом теперь почтовые сообщения между Москвой и Саратовом шли не через Тамбов, а через Царицын. Учреждалась, так называемая, нарочная почта. Проводилась работа по благоустройству почт.

Для лучшей работы линии Москва – Астрахань в Царицын назначили почтмейстера и обер-почтмейстера. В это же время были устроены на станциях почтовые дворы с гостиницами и трактирами.

В 80-е гг. XVIII в. издаются указы об устройстве почт и почтовых станций между городами по Саратовскому наместничеству. В Царицыне была образована уездная почтовая контора [20, с. 20–21].

Таким образом, при Екатерине II была закончена организация внутренних почтовых сообщений, начатая еще Петром I. Царицын, в силу своего географического положения, оказался в орбите этого процесса.

Начало XIX в. принесло новые изменения в почтовые дела. После манифеста Александра I от 8 сентября 1802 г. о создании 8 министерств в России, Главное почтовое правление перешло в непосредственное ведение Министерства внутренних дел. В дальнейшем, в самом МВД был создан Почтовый департамент [11, с. 4].

В это время в России было 458 почтовых учреждений, а в них около 5000 почтовых служащих. Доход почтового ведомства составлял 1824946 ассигнационных рублей, расход же на содержание почтовых учреждений – 792477 ассигнационных рублей [Там же].

Однако преобразование центрального почтового управления никак не повлияло на организацию местного почтового управления.

В 1830 г. последовал указ Сената «О новом устройстве почтовой части». Учреждается Главное управление почт, соответствующее по статусу министерству. В эти годы в России насчитывалось 44 губернских почтовых контор [5, с. 156]. Уездные же почтовые учреждения (почтовые экспедиции), численность которых достигала 201, были названы уездными почтовыми конторами; они, в свою очередь, были подчинены губернским [2, с. 802]. Организация такой почтовой системы была обусловлена необходимостью просмотра почтового отправления с целью надзора и цензуры.

Преобразования коснулись и почтовых трактов Царицына. Указ главнокомандующего Почтовым департаментом МВД от 27 декабря 1835 г. «Об учреждении в Саратовской губернии на новых трактах станций» учреждал 13 новых почтовых станций в связи с образованием в луговой стороне Саратовской губернии 3 городов. По нему от Царицына к Цареву создавались 3 новые почтовые станции. Помимо этого, к Царицынской станции прибавлялись еще 2 пары лошадей, «для отвращения медлительности в сообщениях при увеличении почтовой гоньбы...» [10, с. 35].

В России начинают строиться железные дороги, которые были более быстрым и удобным способом пересылки корреспонденции, посылок, денежных сумм. Уже в 1837 г. почта впервые отправляется по железной дороге.

После изобретения телеграфного аппарата и создания телеграфной сети в 60-е гг. XIX в. в России начинается слияние почтового и телеграфного ведомств.

В докладе главного управления путей сообщения и публичных зданий от 18 декабря 1863 г. докладывается, что «устраивается телеграфная линия от Саратова через Камышин до Царицына, на протяжении 366 верст от Царицына пойдет: одна линия в Новочеркасск, а другая – в Астрахань на 438 верстах. Линия от Саратова до Царицына уже устроена и действие на ней открыто участками в сентябре, октябре и ноябре месяцах (1863 г.). Ныне окончен от Царицына до Калача (77 верст) на ветви к Новочеркаску...» [10, с. 38].

В почтовой службе в это время тоже происходят изменения. Во второй половине 1860 г. земствами создается местная почтовая служба. Это стало необходимо, т. к. казенные почтовые отделения существовали в губернских и уездных городах, а также крупных населенных пунктах по почтовым трактам. Теперь для связи с волостными правлениями уездные управы должны были создавать собственную почтовую службу.

Эти изменения сказались на Царицынском уезде (с 1780 г.). На заседании 7-го Царицынского уездного земского собрания (1866 г.) рассматривались вопросы: «О порядке учреждения земских станций и содержании их» и «О неудобствах принятия земством в хозяйственное содержание почтовых станций». Было решено учредить в уезде пункты земских станций, поручить управе решить с волостными правлениями размеры повинности их содержания, пригласив к обсуждению мировых посредников и местного уездного исправника; отдать станции в содержание на 3 года желающим из сельского населения; земские станции к городам должны быть соединены с обывательскими в одну общую повинность; собрать от местных жителей, где учреждены почтовые станции, на каких условиях они могут принять станции в содержание [6, с. 19–30].

В 1867 г. начинаются новые преобразования. С отменой окружной системы губернский почтмейстер стал выполнять несколько функций – заведывание губернской почтовой конторой и надзор за всеми почтовыми учреждениями губернии, что было достаточно неудобно для одного человека. В связи с этим было необходимо ввести такую инстанцию, которая служила бы органом надзора за местными почтовыми учреждениями, и, в то же время, являлась бы посредником между ними и центральным почтовым управлением. Это сводилось к тому, что для успешности надзора за местными учреждениями должен был быть ограничен район действий инстанции в территориальном отношении, и должно было быть предоставлено самостоятельное значение в местном почтовом управлении [11, с. 6]. Так, в 1867 г. учреждается должность управляющих почтовой частью в губерниях.

В это время расходы Царицынского уезда на почтовую связь сильно возросли, особенно на ремонт мостов. Из-за этого на 2-м Царицынском уездном собрании 27 сентября 1868 г. рассматривался вопрос о сокращении земских расходов вообще и о подводной повинности. По решению земского собрания в г. Царицыне для земских станций было сокращено 20 лошадей [6, с. 13–15].

В 1884 г. было создано Главное управление Почт и Телеграфов, остававшееся в сфере функционала Министерства внутренних дел.

В 1885 г. последовал указ «О преобразовании местных почтовых и телеграфных учреждений», по которому создавались почтово-телеграфные округа для заведования на местах почтовой и телеграфной частями (их было создано 35). Этим же указом создавалось 7 классов почтово-телеграфных учреждений, из которых первые шесть классов именовались Почтово-телеграфными конторами, а низшим учреждениям, причисленным к 7-му классу, было присвоено название «Почтово-Телеграфных, Почтовых и телеграфных отделений», в зависимости от рода их деятельности [11, с. 8].

Уже в 1886 г. был образован Саратовский почтово-телеграфный округ. В его состав вошли почтово-телеграфные учреждения Саратовской и Астраханской губернии.

Почтово-телеграфные учреждения внедряли новые виды почтовых услуг. Согласно циркуляру Саратовского почтово-телеграфного округа от 31 декабря 1890 г. стала осуществляться доставка посылки на дом при желании отправителя, который оплачивает доставку [10, с. 53].

По «Списку местных учреждений почтово-телеграфного ведомства» за 1893 г. в Царицынском уезде Саратовской губернии функционировали следующие почтово-телеграфные учреждения:

- Бакылей, село Саратовской губернии – почтовое отделение;
- Дубовка, пос. Саратовской губернии – почтово-телеграфная контора;
- Ольховка, село Саратовской губернии – почтовое отделение;
- Сарепта, колония Саратовской губернии – почтово-телеграфное отделение;
- Царицын, уездный город Саратовской губернии – почтово-телеграфная контора;
- Царицын, ст. жд Грязе-Царицынской – почтовое отделение [12, с. 1241; 20, с. 670, 834].

В 1894 г. функционировали следующие почтовые тракты: Астраханский, проселочный по р. Иловле, проселочный из пос. Дубовка (Ольховка) и Большая Ивановка (Березовка), в г. Царев из Царицына, из Царицына в Грязи, по левую сторону Волжско-Донской железной дороги.

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. в разделе № 45 «Почта, телеграф и телефон» в г. Царицыне числятся служащими 137 мужчин и 7 женщин; в Царицынском уезде – 28 мужчин и 1 женщина [14, с. 150–153].

Эти цифры и данные о составе почтово-телеграфных учреждений других городов и уездов, в которых количество обслуживающего персонала не превышало 40, позволяют сделать вывод, что Царицын являлся связующим звеном в перечисленных выше почтовых трактах, ведь на обслуживание почтово-телеграфных учреждений Царицына требовалось больше рабочей силы.

В это время жалованье почтальона в г. Царицыне составляло 360 руб. (по смете доходов и расходов г. Царицына на 1900 г. ст. 28 «Расходы на содержание земской почты») [19, с. 14].

Учитывая тот факт, что с середины XIX в. в Царицыне начинают активно строиться железные дороги, почтовые станции к началу XX в. утрачивают свое первоначальное значение и отмирают. Это связано с тем, что почту удобнее перевозить в специальных почтовых вагонах, а сам процесс становится намного быстрее и менее затратным, как во временном ресурсе, так и в денежном.

Наряду с перевозкой почтовой корреспонденции по железным дорогам, Волга становится магистральной артерией для перевозки почтовых грузов.

Таким образом, становление почтовой службы в Царицыне начинается с конца XVII в. Выгодное геополитическое положение Царицына определяло его место в создаваемой правительством системе почтовой связи. Таким образом, основные этапы развития почтовой службы в Царицыне напрямую связаны с изменениями в системе почтовой связи в России.

Литература

1. Болотова Е.Ю., Савицкая О.Н. Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX–XX вв.: опыт региональных исследований // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 185–191.
2. Брокгауз Ф., Ефрон И., Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1898. Т. 48.
3. Вигилев А.Н. История отечественной почты. М.: Связь, 1977.
4. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. М.: Наука, 1968.
5. Ерошкин Н.П. История госучреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.
6. Журналы Царицынского уездного земского собрания. Саратов, [1867], 1917.
7. Именной указ № 2830 от 22 июня 1717 г. «Об учреждении почты от Санкт-Петербурга до Москвы и о назначении в неделю двух почтовых дней» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. V. СПб., 1830.
8. Именной указ № 4071 от 7 августа 1722 г. «О поставке верстовых столбов до Астрахани» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. VI. СПб., 1830.
9. Именной указ № 9186 от 8 июля 1745 г. «О поставке Астраханскому тракту подвод и лодок для возки ко двору фруктов» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XII. СПб., 1830.
10. Мельникова В.В. Из истории развития почтово-телеграфной связи в крае в XVIII – первой четверти XX в. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2004.
11. Министерство внутренних дел: [1802–1902]: Ист. очерк. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1902.

12. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. Саратов, 1900.
13. Новый памятник законов империи Российской. Отд. 2. Ч. 10. Т. 1. СПб., 1829.
14. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Астраханская и Саратовская губернии. СПб., 1904.
15. Полное собрание постановлений и распоряжений правительства по ведомству православного исповедания. Т. 2. СПб., 1872.
16. Сенатский указ № 11.268 от 8 июня 1761 г. «О построении домов для ночлегов по дороге от Астрахани до Москвы на почтовых станах; о ведомстве оных и об издержках на сию постройку» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XV. СПб., 1830.
17. Сенатский указ № 2582 от 12 сентября 1712 г. «Об учреждении от Рославля на Смоленск, на Луки Великие, на Псков и прочие города до Риги почтовых станций для скорейшего сношения с генерал-фельдмаршалом Шереметевым» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. IV. СПб., 1830.
18. Сенатский указ № 9839 от 11 марта 1751 г. «Об учреждении от Москвы до Саратова, чрез Муром, особых почтовых станций» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XIII. СПб., 1830.
19. Сметы доходов и расходов г. Царицына на 1900 г. Царицын, 1899.
20. Список местных учреждений почтово-телеграфного ведомства. СПб., 1893.

SVETLANA CHERKASOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ESTABLISHMENT OF POST SERVICE IN TSARITSYN

The article deals with the establishment of the post service in Tsaritsyn in the XVII–XIXth centuries in the symbiotic relationship with the analogous process in the national scope. The author reveals the peculiarities of the process in the region, associated with the geographical location of the city.

Key words: post service, postal correspondence, postal race, postmaster, post office, post house, post road, post institutions.

УДК 902

С.Э. ЧУМАРИНА

(sofyachumarina@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВКЛАД Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА В РАЗВИТИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Освещаются основные аспекты научной деятельности археолога Г.А. Федорова-Давыдова на территории Поволжья, исследуется его деятельность в составе Поволжской археологической экспедиции.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Г.А. Федоров-Давыдов, Поволжская археологическая экспедиция, Царевское городище, Селитренное городище, Водяное городище.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов – выдающийся ученый, археолог, посвятивший долгие годы своего упорного труда изучению археологических памятников Золотой Орды. Его научная карьера началась в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в составе которой он, студент-практикант, работал в течение нескольких лет. Именно Хорезмская экспедиция, которую в то время возглавлял С.П. Толстов, многое определила в его дальнейшей полевой деятельности [1, с. 70]. Полученный во время экспедиции ценный опыт он применил в своей дипломной работе, а впоследствии в первой научной статье, посвященной раскопкам на городище Таш-кала в Куня-Ургенче. Так происходило формирование его научного интереса к теме Золотой Орды, в частности, к изучению поволжских памятников.

С 1959 г. под руководством Германа Алексеевича начинается археологическое исследование нижневолжских золотоордынских городищ – Царевского, Селитренного и Водянского. С этой целью чуть ранее (1957 г.) была создана Поволжская экспедиция, а в ее составе – Ахтубинский отряд под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Раскопки предваряла программная статья, наметившая и обосновавшая стратегические перспективы изучения памятников и предполагаемую на этой основе тематику конкретных исследований истории и культуры Золотой Орды [Там же, с. 72].

Одним из важнейших направлений деятельности археолога были раскопки столицы древнего государства Улус Джучи [3, с. 20]. С этим связана загадка о столицах этого государства, над разгадкой которой в течение всего XX в. века размышляли разные ученые, выдвигая полярно противоположные теории, поскольку о древнем городе Сарае сохранились совершенно разные сведения, которые во многом противоречили друг другу. Например, Ибн-Баттут, арабский путешественник, описывал город как «роскошный, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами...», другой же исследователь утверждал, что город Сарай расположен на берегу реки (Итиль). При сопоставлении двух, относящихся к одному периоду, источников историки пришли к выводу о существовании двух Сараев – нового и старого. Несмотря на то, что теория Г.А. Федорова-Давыдова по вопросу их локализации была впоследствии опровергнута исследователями, следует признать несомненную заслугу ученого в постановке научных проблем, не теряющих своей актуальности до сегодняшних дней.

Осенью 1958 г. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов отправились на археологическую разведку, целью которой было определение перспективности исследования золотоордынских памятников Нижнего Поволжья [2, с. 256]. В ходе этой экспедиции были получены первые сведения о Царевском городище. Впоследствии на территорию городища был отправлен специальный отряд. В результате его деятельности было составлено первичное описание городища, составлен приблизительный план, были выявлены специфические черты. Осмотр города показал, что план Терещенко, составленный им ранее, необходимо дополнить, а возможно даже пересмотреть. Впоследствии в ходе исследования стало ясно, что предположение Терещенко о том, что городище навсегда утрачено для исторической науки, неверно. Культурный слой сохранился в хорошем состоянии практически на всей территории Царевского городища, лишь малая его часть была утрачена близ города Царева, причиной тому послу-

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

жила деятельность города. Тем не менее, А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов определили раскопки Царевского городища перспективными. Среди находок того времени – многочисленные керамические фрагменты, кирпичи, медные и железные предметы, обширный нумизматический материал (был найден клад серебряных монет) [2, с. 256]. Значительное количество монет говорило об обширном денежном обороте, что характерно для поздних городов, экономически развитых.

В годы исследований в юго-восточной части городища были раскопаны три усадьбы знати. Они были окружены стенами, на их территориях были расположены дворы, роскошные дома и бассейны. Подобное богатство могла позволить себе только знать достаточно развитого города. В восточном пригороде города были раскопаны еще три усадьбы, расположенные вдоль «улицы» [3, с. 28]. Исследования каждой из них показали, что построены они были в разные времена. В частности, археологические материалы, найденные на их территории, отражали постепенное развитие культуры. Также между усадьбами располагались ремесленные мастерские. Их следы мы можем проследить также в центральной части городища. Были найдены хорошо сохранившиеся мастерские ремесленников, производивших мозаику и детские игрушки.

Выяснилось, что Царевское городище также не содержит предмонгольского культурного слоя [Там же, с. 30]. По результатам вскрытия более 9800 м² культурного слоя Царевского городища ПАЭ не обнаружила ни единого свидетельства о существовании домонгольской культуры на территории городища.

По результатам археологических раскопок удалось выяснить, что город ранее не имел стен [Там же, с. 30]. Оборонительный вал и ров, характерный для городищ, появился лишь в 1360-е годы. Этот вал и ров были построены в периоды смуты в Улус Джучи.

Селитренное городище стало активно изучаться ПАЭ во второй половине XX в. Одна из первых археологических экспедиций на территории городища позволила археологам обнаружить останки четырех усадеб (на территории между холмами Кучугуры и Красный Бугор) [Там же, с. 25]. При раскопках первой из них была обнаружена усадебная мастерская с горнами по обжигу керамики. В результате лабораторных исследований удалось выяснить, что период её активной деятельности относился к 1330–1360-м годам. Впоследствии мы можем наблюдать разрастание мастерской и превращение её в крупную мануфактуру (1370–1390-е гг.), что являлось характерной чертой развития производства того времени. В последствии ближе к XV в. на территории усадьбы стали производиться захоронения, что говорит о приостановке её деятельности. На территории второй усадьбы ПАЭ обнаружила многокомнатный дом и некоторые усадебные строения. На её территории также были обнаружены следы работы мастерских, однако они тоже прекращают свое существование примерно в 1370-м г. Об этом свидетельствуют найденные на территории усадьбы захоронения, относящиеся к этому периоду. На третьей усадьбе раскопками руководил В.Л. Егоров. Под его руководством был обнаружен большой центральный дом дворцового типа с пристроенной к нему баней, а также огромный комплекс усадебных построек. Время активной деятельности этой усадьбы также относится к первой половине XIV в., уже во второй половине наступает постепенный спад её жизнедеятельности. Четвертая усадьба была значительно отдалена от трех предыдущих, однако на её территории прослеживались схожие черты. Таким образом, удалось установить промежуток времени, к которому относится упадок крупных аристократических усадеб. Подобное явление в этот период связано с периодом «смуты» в Улусе Джучи.

Кроме того, позднее, был изучен комплекс строений между описанными ранее усадьбами [Там же, с. 25]. Можно сделать вывод о том, что они были расположены на площади. Среди памятников необходимо отметить большую мечеть, общественную баню. Вероятнее всего, город стен не имел, т. к. в ходе раскопок они не были обнаружены. Примерная топография города до XIV в. изображается с трудом, т. к. невозможно найти точных свидетельств о его раннем расположении. Город был вытянут вдоль берега Ахтубы. Западная его часть в начале XV в. стала заполняться могильниками (территория между холмами Кучугуры и Красный Бугор) [Там же, с. 25–26]. В северной части города было расположено большое озеро, о котором предположительно писал египетский географ ал-Омари. На южном его берегу были расположены мастерские по обработке полудрагоценных камней.

За пределами наиболее плотной застройки тянутся «пятна» культурного слоя городища – отдельные усадьбы, мастерские и т. д. [3, с. 26]. На территории городища в период работы экспедиции было вскрыто свыше 25 тыс. м² культурного слоя, однако все еще не было найдено ни одного свидетельства о «домонгольской» жизни территории. Это позволило Г.А. Федорову-Давыдову в своей работе высказать теорию о том, что ранее территория Селитренного городища не была заселена. Исследования Л.Н. Гумилева впоследствии выявили фрагменты керамики домонгольского облика. Однако эти находки были скудны [Там же].

Еще одни значимые для археологии и истории в целом раскопки также проходили под руководством и чутким надзором Г.А. Федорова-Давыдова в составе ПАЭ – это раскопки на Водянском городище. На его территории было вскрыто более 5000 м² культурного слоя. Это городище традиционно сопоставляют с золотоордынским городом Бельджаменом [3, с. 32]. Водянское городище также часто соотносится с поселком русских и «сарацин» (болгар), о чем также свидетельствуют находки, сделанные на территории городища [Там же]. Многие из них содержат останки смешанной культуры, например, славянская керамика, предметы христианского культа [3, с. 33]. В ходе работы ПАЭ были раскопаны также и те памятники, которые свидетельствовали о развитии на этой территории золотоордынской цивилизации – бани с подпольным отоплением, типично золотоордынские дома. Имеют также вал и ров, однако они не несут в себе никакого фортификационного значения. Раскопана также была огромная мечеть [Там же].

Мы можем отметить огромное значение деятельности Г.А. Федорова-Давыдова в исследовании памятников Золотой Орды. В частности, именно им в работе «Золотоордынские города Поволжья» были сформулированы основные черты золотоордынских городов, одна из которых – слабое или полное отсутствие оборонительных линий, к чему ранее мы обращались в работе.

Необходимо отметить также влияние Г.А. Федорова-Давыдова на деятельность ПАЭ, ведь именно под его руководством сложился коллектив, который так тщательно изучал различные аспекты золотоордынской культуры. Именно благодаря деятельности ПАЭ и Федорова-Давыдова были классифицированы золотоордынские жилища [3, с. 45–59], установлены размеры древнейших городищ. Также было исследовано огромное количество нумизматического материала, совершено множество археологических открытий, давших ученым представление о материальной культуре Золотой Орды [4, с. 4–5]. Нельзя не оценить вклад работ Г.А. Федорова-Давыдова в развитие этнологии и антропологии, ведь полученные им в ходе раскопок сведения внесли огромный вклад в расширение знаний об этнической истории Улуса Джучи. Именно благодаря его трудам навсегда была опровергнута точка зрения о малой культурной значимости Золотой Орды.

В работах Г.А. Федорова-Давыдова четко прослеживается влияние идеи о совмещении городской цивилизации и культуры кочевников, о чем он пишет в работе «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» [5, 6].

Таким образом, можно сделать вывод об огромном вкладе Г.А. Федорова-Давыдова в развитие археологии, и прежде всего, археологии золотоордынского периода. Великий археолог навсегда стал вдохновителем и главным учителем для многих ученых современности, что подтверждает значимость его личности и его трудов не только для отечественной, но и мировой науки в целом.

Литература

1. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Труды ГИМ. Вып. 135). М., 2002.
2. Нигаматзянов И.Р. Научная деятельность Г.А. Федорова-Давыдова по изучению истории Золотой Орды // Эхо веков. 2013. № 1-2. С. 255–259.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика, торговля, быт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийск. степей и золото-ордын. городов. М.: Искусство, 1976.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археол. памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.

SOFYA CHUMARINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CONTRIBUTION OF G.A. FEDOROV-DAVYDOV IN THE DEVELOPMENT
OF THE GOLDEN HORDE ARCHEOLOGY**

The article deals with the basic aspects of the scientific activities of the archeologist G.A. Fedorov-Davydov at the territory of the Volga region. There is studied his activity as the part of the Volga archeological expedition.

Key words: *archeology, the Golden Horde G.A. Fedorov-Davydov, the Volga archeological expedition, Tsarevskoe settlement, Saltpeter settlement, Vodyanskoe settlement.*

УДК 94

И.К. ШАТАЛОВА

(shatalowa.irina2013@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК ПУТИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ*

Рассматриваются этапы развития высшего образования в современной России, начиная с распада СССР и до наших дней. Рассматриваются основные законы и национальные проекты. Автор делает вывод и выделяет этапы развития высшего образования.

Ключевые слова: *высшее образование, закон, преобразование, проект, этапы.*

В 1990-е годы в России произошли серьезные социально-экономические изменения. Это, в свою очередь, было связано с отходом от советской плановой экономической системы, коммунистической идеологии в социальной и политической жизни. Реструктуризация российской экономики в 1992–1999 годах привела к демонтажу ключевых элементов системы командования и управления и способствовала переходу к рыночной экономической практике. В этих условиях модифицировались запросы к содержанию и структуре высшего образования, призванного готовить профессиональные кадры для обновляющейся страны.

Задачей является определение тенденций и этапов в развитии высшего образования в контексте социально-экономического и политического развития России и её позиционирования в мире.

Вопросы современного высшего образования рассмотрены в работах В.Г. Пряниковой, З.И. Равкина [23], где авторы анализируют попытки корректировки системы высшего образования в 1988–1991 гг., первые результаты реформ, которые легли в основу закона «Об образовании» (1992 г.) [10], и проанализированы первые результаты реализации этого закона. В трудах Б.С. Гершунского, Г.Б. Корнетова, В.Б. Миронова, Н.Н. Пахомова, А.А. Пинского и В.Д. Шадрикова [6, 12, 14, 15, 16] описывается ситуация в стране, и авторы делают вывод об отсутствии жесткой государственной политики в этой сфере развития образования. Авторы сделали попытку определить, как масштабная перестройка всех сфер жизни страны повлияла на повышение эффективности образования и формирование образовательного комплекса государства в целом. По заключению таких авторов, как З.Ф. Есарева, В.А. Сластенин, А.И. Щербаков, развитие высшей школы непосредственно связано с её основным стратегическим направлением – подготовкой научных и педагогических кадров, от научной квалификации, профессионального и научного мастерства которых зависит подготовка нового поколения конкурентоспособных грамотных и мобильных специалистов, отличающихся высоким уровнем профессиональной культуры, способных успешно трудиться и принимать профессиональные решения в условиях быстро меняющегося мира.

Первым шагом в трансформации высшего образования в Российской Федерации стал Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [10], который создал условия для развития высшего образования, предоставив образовательным учреждениям право на самостоятельную, финансово-хозяйственную деятельность. В результате университеты получили право получать внебюджетные средства, в том числе через студентов, обучающихся на договорной основе.

В соответствии с Федеральным законом № 3266-1 «Об образовании» [Там же] на законодательном уровне оформилось право на создание негосударственных высших учебных заведений, что действовало формированию частной собственности в сфере высшего образования. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, утвержденный Постановлени-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ем Правительства РФ от 12 августа 1994 № 940 [19], определил структуру высшего профессионального образования, включающую:

- неполное высшее образование (не менее 2 лет обучения);
- высшее образование квалификации «бакалавр» (не менее 4 лет обучения);
- высшее образование со степенью магистра (не менее 6 лет обучения, включая бакалавриат) или традиционной квалификацией специалиста (всего не менее 5 лет обучения).

Реформирование высшей школы становилось частью общего процесса реформирования системы образования в стране, реконструкции и выстраивания связей между ступенями образования.

Этот период заложил основы современной системы массового высшего образования. Вместе с тем стали очевидными и риски – рост рынка образовательных услуг при отсутствии системного контроля со стороны государства и общества приводил к таким негативным последствиям, как снижение качества высшего образования в ряде вузов и, как следствие, к снижению общественной значимости диплома выпускника вуза.

С начала 2000-х гг. высшее образование становится одним из приоритетных направлений в государственной политике. Правительство Российской Федерации 16 февраля 2001 г. приняло Постановление № 119 «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» [20]. Предполагалось, что ЕГЭ будет совмещать выпускные школьные и вступительные вузовские экзамены. С 2009 г. ЕГЭ введен как обязательный на территории всей страны.

Правительство также поощряло присоединение к Болонскому процессу, который берет свое начало 19 июня 1999 г., когда представители министерств образования 29 государств-членов ЕС подписали в г. Болонье Болонскую декларацию. Страны, присоединившиеся к Болонскому процессу, обязались реализовать ряд принципов, которые призваны были способствовать гармонизации системы высшего образования – принципов открытости, обеспечения качества и мобильности преподавателей и студентов. Кроме того, планировался переход на двухуровневую систему образования – бакалавриат и магистратура.

Присоединение России к Болонскому процессу активизировало вал критики. Так, С. Плаксий полагал, что присоединение к Болонскому процессу предполагает независимость и автономность университетов. А в России независимость вузов, по его мнению, постепенно урезается. Об этом могут свидетельствовать изменения в законодательстве, направленные на ужесточение требований к университетам [17, с. 8–12]. По мнению А.И. Воробьевой, присоединение к Болонскому процессу имеет ряд сложностей, связанных с проблемами реализации, отсутствием необходимых технологий [4, с. 74–79]. А.С. Дружилов обратил внимание, что реализация принятого закона, предполагающего, по сути, перенос европейских и американских образцов образования на российскую почву, может иметь отдаленные разрушительные последствия для будущего России, проявление которых станет очевидным через 10–15 лет. По мнению Н.Ю. Шепелевой, внедрение Болонской системы диктует университетам, какие категории выпускников-бакалавров они должны подготовить. На примере Болонского процесса мы видим, что все другие ведущие европейские страны смогли связать свои нетрадиционные квалификации и базовые модели, включив их в Болонскую систему образования. Таким образом, большинство стран ЕС – участников Болонского процесса – принципиально не меняют свои системы образования. Только Россия по какой-то причине обязалась пресечь свою систему образования в зародыше [29, с. 98–100].

В отечественной педагогической мысли существуют и положительные оценки внедрения Болонской системы в высшее российское образование. Так, на положительные стороны Болонского процесса обращают внимание Н.Ю. Шепелева, Е.Ю. Груздева [29]. Среди сторонников присоединения к Болонской системе были сделаны следующие выводы:

- кредитно-модульная система зачетных единиц усложняет работу и учителям, и ученикам, но накопление баллов дает возможность получить вознаграждение («автомат»);
- возможность экспортировать свои образовательные услуги;

– мобильность дает студенту право начать обучение в одном университете и завершить высшее образование в другом, как в своей стране, так и в европейских странах, где была введена Болонская система.

В работах И.Я. Либина, С. Модесто, Т.П. Олейник мы видим акценты как на отрицательные, так и на положительные последствия Болонского процесса. В качестве преимуществ авторами выделяются: прогноз роста качества российского высшего образования за счет внедрения современных образовательных технологий в образовательный процесс; возможность образовательной и научной мобильности преподавателей и студентов, расширение возможностей для профессорско-преподавательского состава и выпускников российских вузов работать в странах Европы; внедрение системы кредитных баллов, которая увеличивает экспортные возможности образовательных услуг [13, с. 71–72].

С принятием 29 декабря 2012 г. Закона «Об образовании» государство усилило свои позиции в области регулирования отношений в сфере высшего образования [27]. Во-первых, модифицировалась понятийная база. Законом определяются ключевые понятия, такие как образование, обучение, уровень образования, воспитание, образовательный стандарт, образовательная программа и др. Во-вторых, законодательно закреплены изменения в названиях вузов – вместо термина «образовательное учреждение» введен термин «образовательная организация». Ранее данный термин не сопоставлялся с Гражданским кодексом, согласно ч. 1, ст. 120 которого «учреждение» – это одна из организационно-правовых форм некоммерческой организации [7]. Изменяются и концептуальные основы высшего образования: если в старом Законе РФ «Об образовании» [10] использовался термин «высшее профессиональное образование», то в Федеральном законе «Об образовании в РФ» 2012 г. [27] – «высшее образование». Здесь подразумевалась необходимость привести соответствие с Конституцией Российской Федерации, где ч. 3 ст. 43 говорит о том, что каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии [11].

В системе высшего образования впервые устанавливается 3 уровня: 1 уровень – бакалавриат; 2 уровень – специалитет и магистратура; 3 уровень – подготовка высококвалифицированных кадров через аспирантуру, освоение программ резидентуры и помощников по стажировке [27]. Закон, таким образом, установил правовые, организационные и экономические основы и принципы функционирования вузов и осуществления ими образовательной деятельности, определил правовой статус объектов отношений в сфере высшего образования. Система высшего образования вступила в этап реформирования на основе Федеральных государственных образовательных стандартов, предусматривающих компетентностный подход в подготовке профессиональных кадров.

В 2012 г. был запущен проект «5-100» [21]. Цель проекта – повышение конкурентоспособности ведущих отечественных университетов и вхождение не меньше пяти вузов во всемирный рейтинг. Реализация проекта стартовала в 2013 г. В проекте участвует 21 российский вуз, который получил субсидии на выполнение планов мероприятий в рамках «дорожных карт».

В 2020 г. проект «5-100» завершился. По итогам данной государственной программы 7 российских вузов вошли в рейтинг университетов мира [22]. Для России проект «5-100» был «догоняющим», потому что некоторые государства к этому моменту уже запустили свои инициативы, благодаря чему Россия смогла учесть погрешности других государств и гарантировать результативность проекта.

В соответствии с введенным Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» началась реализация национальных проектов «Образование» и «Наука», отражающих приоритетные направления развития страны [26].

Национальный проект «Образование» нацелен на обеспечение возможности самореализации молодежи и развитие талантов. Национальный проект «Наука» определил 3 ключевые задачи: вступление в пятерку ведущих государств мира, которые реализовывают научные исследования и разработки в областях, являющихся приоритетными для научно-технического развития; обеспечение привлекательно-

сти работы в России для российских и зарубежных ведущих ученых и юных исследователей; повышение внутренних затрат на проведение научных исследований и разработок.

Реализация проектов «Образование» и «Наука» нацелена на повышение международной конкурентоспособности российской высшей школы, на развитие и расширение экспорта образования, на формирование системы непрерывного обучения.

С 2019 года в условиях реализации федерального проекта «Современная школа» как составной части национального проекта «Образование» в сельской местности и малых городах открываются Центры цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста». К 2024 году планируется открыть 16 тысяч центров по всей России.

Подобный центр – педагогический Кванториум им. В.С. Ильина был открыт 18 октября 2021 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. Цель Кванториума – создание условий для повышения качества высшего образования, а именно за счет ремонта учебных аудиторий, приобретения современного оборудования, повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и расширения содержания реализуемых образовательных программ.

Таким образом, в процессе развития высшего образования в современной России можно выделить следующие этапы: 1) 1990–2000 гг. – период адаптации к новым условиям; 2) 2000–2011 гг. – введение системы оценки качества образования, основанной на ЕГЭ, присоединение к Болонскому процессу; 3) 2012 г. – настоящее время – создание национальных проектов, направленных на качественное развитие высшего образования.

Литература

1. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов: Рос. Новый ун-т, 2002.
2. Бордовский В.А. Инновационные процессы в современной системе высшего педагогического образования: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.
3. Васенина И.В., Сорокина Н.Д. Кадровый потенциал вузов в условиях реформирования высшей школы. М.: НИИВО, 1993.
4. Воробьева И.В. Парадоксы реализации принципов Болонского процесса в российском образовательном пространстве // Вестник Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2(103). С. 74–79.
5. Высшая школа России перед вызовами XXI века // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 5–15.
6. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI в. (в поисках практико-ориентированной образовательной концепции). М.: ИнтерДиалект+, 1997.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=l50z0we9jt408288063 (дата обращения: 30.12.2021).
8. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. М.: Фирма «Интерпракс», 1994.
9. Дружилов А.С. Двухуровневая система высшего образования: западные традиции и российская реальность // Педагогика. 2010. № 6. С. 51–58.
10. Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 29.12.2021).
11. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.12.2021).
12. Корнетов Г.Б. Цивилизационный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса. М.: ИТПИ-МИО, 1994.
13. Либин И., Модесто С.В., Олейник Т. [и др.] Болонский процесс. перспективы для России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 9. С. 71–72.
14. Миронов В.Б. Век образования. М.: Педагогика, 1990.
15. Пахомов Н.Н. Философия образования для XXI в. М.: Логос, 1999.
16. Пинский А.А. К Новой Парадигме в образовании. М.: Парсифаль, 1996.
17. Плаксий С.И. Болонский процесс в России: плюсы и минусы // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 8–12.
18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Об управлении российским государством. Основные направления внутренней и внешней политики». М.: Изд-во «Политика», 1994.
19. Постановление Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 940 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/181094/> (дата обращения: 30.12.2021).
20. Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 119 «Об организации эксперимента по ведению единого государственного экзамена». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/182981/> (дата обращения: 04.01.2022).

21. Проект «5-100». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5top100.ru/> (дата обращения: 29.12.2021).
22. Проект «5-100»: итоги программы. [Электронный ресурс]. URL: <https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts> (дата обращения: 29.12.2021).
23. Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли. М.: Новая школа, 1995.
24. Смолин О.Н. Образование. Революция. Закон: проблемы законодательного обеспечения Российской государственной образовательной политики 90-х гг. М.: Логос ВОС, 1999.
25. Смолин О.Н. Российская концепция модернизации в концепции европейского опыта. М.: Культурная революция, 2009.
26. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 29.12.2021).
27. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149753/ (дата обращения: 29.12.2021).
28. Черноморова Т.В. Глобализация образования: роль международных организаций // Глобализация и образование: сборник обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. С. 114.
29. Шепелева Н.Ю., Груздева Е.Ю. Болонский процесс в России: плюсы и минусы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 4. С. 98–100.

IRINA SHATALOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

HIGHER EDUCATION IN THE MODERN RUSSIA: THE SEARCH OF THE WAYS OF THE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE CHALLENGES

The article deals with the stages of the development of the higher education in the modern Russia from the breakup of the USSR till the present days. There are considered the fundamental legislations and national projects.

The author concludes and reveals the stages of the development of the higher education.

Key words: higher education, legislation, transformation, project, stages.

УДК 94

И.К. ШАТАЛОВА

(shatalowa.irina2013@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЧТО СДЕЛАЛА III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ДЛЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ?*

Рассматривается деятельность III Государственной Думы по вопросам народного образования и влияние труда А.Н. Роппа на положение образования в Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова: народное образование, Государственная Дума третьего созыва, законопроекты, Дума народного образования, А.Н. Ропп.

На основе положения о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. в сентябре прошли выборы в III Государственную Думу. По результатам выборов, было избрано 442 депутата. В состав новой Государственной Думы вошли: октябристы – 154 мандата; «правые» и «националисты» – 147 мандатов; кадеты и прогрессисты – 108 мандатов; трудовики – 14 мандатов; социал-демократы – 19 [7]. В начале деятельности III Государственной Думы сложилась некая двухполюсность – два большинства – правооктябристские (301 мандат) и октябристско-кадетские (262 мандата). Эти блоки определяли направление работы Государственной Думы.

В деятельности III Государственной Думы важное место занимал вопрос народного образования. В 1912 г. вышла в свет труд А.Н. Роппа «Что сделала III Государственная Дума для народного образования?», где автор подробно описал положение образования, основные законопроекты и ответил на поставленный в заглавии вопрос: Какое отношение к III Государственной Думе имеет А.Н. Ропп?

Анатолий Николаевич фон дер Ропп родился в 1873 г. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1903 г. занимал чин коллежского асессора (8 класс), в 1904–1905 гг. – титулярный советник (9 класс), в 1906 г. вновь стал коллежским асессором [6].

Из алфавитного списка членов Государственной Думы III созыва мы видим, что А.Н. Ропп был служащим канцелярии и состоял при Государственной Думе. Также А.Н. Ропп занимал чин старшего делопроизводителя, в обязанности которого входило ведение комиссии по народному образованию и о гимназиях [1].

Следовательно, А.Н. Ропп наблюдал за деятельностью III Государственной Думы и составлял отчеты по проделанной работе. Исходя из наблюдений за деятельностью Государственной Думой третьего созыва он составляет труд «Что сделала III Государственная Дума для народного образования?» [6].

В своем труде А.Н. Ропп подверг анализу систему образования в Российской империи и деятельность III Государственной Думы по данному вопросу. Он выделил несколько основных проблем: 1) недостаточное финансирование образования; 2) нехватка учебных заведений и учебных изданий и пособий; 3) недостаточное количество педагогических учебных заведений; 4) скудное содержание учителей.

На этапе начального образования А.Н. Ропп показал, что большим недостатком является ведение этой ступени образования двумя ведомствами – учебным и духовным. Подобное положение приводило к негласному соревнованию между этими ведомствами и двойному финансированию. Городские училища находились в малом количестве и в изолированности от общества. Средняя школа находилась в похожем положении – в количественном отношении учебных заведений было недостаточно, а детей, желающих получить образование, – много. Высшая школа находилась в состоянии упадка, и автор указал, что факторами, повлиявшими на это, являются устав 1884 г., утвержденный Александром III, с принятием которого была урезана автономия университетов, усиливалась власть попечителей учебных округов и Министерства Просвещения. Благодаря работе, которую проделал А.Н. Ропп, мы наблюдаем реальное состояние народного образования в начале XX в.

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Следовательно, III Государственная Дума должна спасти образование, исправив все перечисленные выше недостатки.

В период деятельности Государственной Думы третьего созыва большинство законопроектов было внесено именно по вопросу образования [3]. Причем основной акцент делался на увеличение количества учебных заведений, отодвигая на второй план качество образования.

В процессе пересмотра положения высшего образования были приняты законопроекты по: передаче высших учебных заведений в городское управление, что привлекало к активной деятельности местное самоуправление; отпуску государственных кредитов для подготовки профессоров; открытию новых вузов (например, открытие медицинского института в Саратове, Донского политехнического института, Московского и Киевского коммерческих институтов).

Законодательные акты, касающиеся среднего образования, содержали документы по улучшению материального положения служащих, отпуску из казны средств для гимназий и училищ.

В сфере начального образования III Государственная Дума провела законопроекты, касающиеся финансирования из казны средств на нужды начальных училищ и церковно-приходских школ. Несмотря на то, что А.Н. Ропп указал разделение начального образования между двумя ведомствами важной проблемой, Государственная Дума этот вопрос не затронула. Также вносились законопроекты, направленные на улучшение материального положения учителей.

В начале января 1908 г. была утверждена комиссия по народному образованию, председателем которой был избран Василий Константинович фон-Анреп. Товарищем председателя и секретарем стали Егор Петрович Ковалевский и Иван Андреевич Куракин. Этим людей объединяла одна политическая сила – партия «Союз 17 Октября», поэтому во многих инициативах прослеживаются элементы программы их партии.

Одним из важных законопроектов, внесенный комиссией по народному образованию был закон «о введении всеобщего начального образования» [2]. Комиссия по народному образованию, в большей степени представляющая интересы октябристов, составила перечень основных положений: право на начальное образование для детей, достигших школьного возраста; установлена норма учащихся – 50 человек в классе на одного учителя; увеличение количества учебных заведений и их финансирования; активное вовлечение местного самоуправления в развитие начального образования [5].

После внесения законопроекта на обсуждение в Государственную Думу, другие фракции, входившие в состав Думы, поддержали проект, после чего документ был отправлен на рассмотрение в Государственный Совет, но встретил большое количество возражений, особенно по вопросам финансирования. Тем не менее, 28 января 1912 г. Государственный совет постановил образовать согласительную комиссию, но она не смогла прийти к единому мнению. При согласовании некоторых положений Государственная Дума не отступала от своих позиций, в результате чего 6 июня 1912 г. Государственный совет отклонил законопроект.

Таким образом, попытка III Государственной Думы улучшить народное образования не увенчалась успехом, но смогла привлечь внимание как правительства, так и всего общества. Хотя и законопроект не был принят, тем не менее, было увеличено финансирование образования в Российской империи. В большей степени проект получил поддержку за счет того факта, что интересы общества сошлись с интересами Государственной Думы.

В конце труда А.Н. Ропп приходит к выводу, что «Третья Государственная Дума, по всей справедливости, должна быть названа Думою народного образования» [6]. На мой взгляд, это справедливое предложение, т. к. данный законопроект дал толчок для развития народного образования в стране.

Литература

1. Алфавитный список членов Государственной Думы Третьего созыва. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/893375?ysclid=150zjrog3v110531254> (дата обращения: 12.04.2022).
2. Законопроект «О введении всеобщего начального образования». [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/1638> (дата обращения: 14.04.2022).
3. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. / сост. Канцелярией Гос. Думы. СПб.: Гос. тип., 1912. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/433373> (дата обращения: 13.04.2022).

4. Отделение свода законов государственной канцелярии (1894–1917). [Электронный ресурс]. URL: http://history.procuror.spb.ru/svod_zakonov.html (дата обращения: 12.04.2022).
5. Программа партии «Союз 17 Октября». Сборник программ политических партий в России. СПб.: Наша жизнь, 1906. Вып. 2. С 42–56.
6. Ропп А.Н. Что сделала третья дума для народного образования. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912.
7. Спицын Е.Ю. Российская империя XVIII – начала XX вв.: полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 2. М.: Концептуал, 2015.

IRINA SHATALOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

WHAT DID THE THIRD STATE DUMA MADE FOR PUBLIC EDUCATION?

The article deals with the activity of the third State Duma, aimed at the issues of the public education and the influence of the work of A.N. Ropp on the education's state in the Russian Empire at the beginning of the XXth century.

Key words: public education, the State Duma of the third session, legislations, the State Duma of public education, A.N. Ropp.

УДК 930

Е.И. ШМИДТ

(schmidt52652@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ДЕПОРТАЦИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Анализируются взгляды российских историков на проблемы депортации немцев Поволжья СССР в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются различные подходы к самому понятию «депортация» и основные работы по теме переселения немцев Поволжья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, депортация, немцы Поволжья, отечественная историография, репрессии.

28 августа 1941 г. стало роковым днем для немцев Поволжья. Именно в этот день была ликвидирована АССР немцев Поволжья, население которой переселялось в Республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь. Всего же 10 национальных групп населения СССР подверглись принудительному переселению за период Великой Отечественной войны [7, с. 4–7]. Напряженные взаимоотношения разных этнических групп, нелояльность к большевистской власти, сложная обстановка на передовой, угроза создания «пятой колонны» – все эти причины стали основанием для таких решений.

На протяжении нескольких десятилетий тема депортации народов и проведения репрессивной политики по отношению к ним была запрещенной. Однако за последние 30 лет ситуация кардинально изменилась. В настоящее время по этой теме проведено большое количество исследований, но мнения историков о методах, формах и значении депортации ощутимо разнятся.

В 1970-е годы ряд ученых касались этой темы, но косвенно. Одной из таких работ стала докторская диссертация «Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны» Д.П. Ванчинова. Необходимо отметить, что ее защита была проведена в 1973 г. на закрытом заседании Специализированного Совета, т. к. в ней использовались материалы и данные, касающиеся запрещенных тем, в том числе – Республики немцев Поволжья [3, с. 4–7].

Только в конце 1980-х гг. впервые были рассекречены документы по этой теме. В этот же период времени начинается активная работа историков. Важную роль в первые годы разработки этой темы сыграли исследования Н.Ф. Бугая и П.М. Поляна. В сфере интересов ученых находятся общие вопросы депортации народов в СССР и их организационно-юридические основы.

Особое внимание в этих исследованиях уделяется самому понятию «депортация». Так, например, Н.Ф. Бугай подразумевает под этим понятием «принудительное переселение, ссылку, высылку не только групп населения, но и целых народов. Эта мера широко применялась в политике, осуществляемой государством начиная с 1920-х гг.» [2, с. 3]. Историк П.М. Полян придерживается похожей точки зрения, для обоснования которой он выделил особенности депортации, как формы репрессивной политики: «Во-первых, их административный, т. е. несудебный характер. Во-вторых, это их списочность, или точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Третьей особенностью является их достаточно явственная установка на вырывание масс из устоявшей и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду» [7, с. 5].

Однако ряд других историков, занимающихся непосредственно исследованиями депортации немцев Поволжья, считают иначе. Исследовательница Л.П. Белковец считает, что термин «депортация» не подходит к ситуации перемещения граждан внутри страны вне зависимости от политического режима в государстве [1, с. 26–27]. При этом, по мнению автора, сама ликвидация АССР немцев Поволжья

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

как самостоятельного национально-территориального образования в составе РСФСР и упразднение республиканских органов власти нарушает не только конституцию самой автономии, но и Конституцию РСФСР 1937 г., а значит, является незаконным [1, с. 174–175]. Сама же исследовательница занимается разработкой не только темы правовых аспектов принудительного переселения, но и вопросами условий жизни переселенцев в спецпоселениях и форм их принудительной работы, в том числе и в рабочих колоннах.

Однако сам вопрос депортации немцев Поволжья обширнее всего разработан у историка А.А. Германа, который посвятил этой теме не только монографию, но и ряд статей. В своих работах историк показывает все этапы депортации: от подготовки органами власти до заселения депортируемых на новые места жительства [5, с. 82]. При этом в научный оборот автором впервые был введен большой пласт информационно-статистического материала.

Кроме того, А.А. Герман активно изучает и вопрос трудовых армий, частью которых были депортированные немцы. Совместно с ведущим исследователем по этой теме, А.Н. Курочкиным, была написана монография «Немцы СССР в “Трудовой армии”, 1941–1945» [4]. В данной работе авторы показывают этапы создания и выделяют основные черты военизированных формирований из граждан СССР немецкой национальности, при этом показывая и «внутреннюю» сторону вопроса: режим содержания, виды деятельности и условия жизни трудармейцев в целом.

В заключении необходимо отметить, что тема депортаций немцев Поволжья в период Великой Отечественной войны является одним из важнейших направлений в исследованиях ученых. На основе анализа работ по этой теме можно с уверенностью утверждать, что депортацию историки рассматривают именно как форму репрессий, при этом одну из самых масштабных. Важно отметить, что депортация немцев Поволжья и других национальных групп стала своеобразным средством проведения национальной и экономической политики в СССР [6].

В настоящее время и в исторической науке, и в самом обществе остро встает тема последствий депортаций, а именно реабилитации всех депортированных народов и варианты их возвращения на малую родину.

Литература

1. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. М.: РОССПЭН, 2008.
2. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006.
3. Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1973.
4. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941: в 2-х ч. Ч. 1. Автономная область. 1918–1924. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992.
5. Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. С. 5–11.
6. Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2011. № 23(38). С. 100–103.
7. Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2005. С. 4–7.
8. Скучаева О.Е. «Немецкий вопрос» в Поволжье: 1941–1993 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

EVGENIYA SHMIDT

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE ISSUE OF STUDYING THE DEPORTATION OF THE VOLGA GERMANS IN THE NATIVE HISTORIOGRAPHY

The article deals with the analysis of the views of the Russian historians concerning the issue of the deportation of the Volga Germans of the USSR in the period of the Great Patriotic War. There are considered the different approaches to the concept “deportation” and the basic works of the theme of the migration of the Volga Germans.

Key words: the Great Patriotic War, deportation, Volga Germans, native historiography, repression.